

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Федерального исследовательского
центра «Саратовский научный центр
Российской академии наук»

ISSN 2077-5598
№ 1, 2022

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:**
экономика и социология
электронный научный журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:*
Эл № ФС-77-34226
от 26.11.2008 г.

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».

№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
Институт аграрных
проблем – обособленное
структурное
подразделение
ФИЦ СЦ РАН

*Адрес учредителя,
редакции:*
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

© Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр
Российской академии наук»

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., Иваненко И.С., к.э.н., ИАгП РАН

FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE SYSTEM OF SUSTAINABILITY FACTORS OF THE RUSSIAN AGRO-FOOD COMPLEX

-5-

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences, Ivanenko I.S., candidate of economics sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОДУКТОВЫХ ЦЕПОЧЕК В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Ермолова О.В., д.э.н., ИАгП РАН

ENSURING THE COMPETITIVE STABILITY OF FOOD CHAINS IN THE AGRO-FOOD COMPLEX

-13-

Ermolova O.V., doctor of economic sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА «ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО» КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ

*Уколова Н.В., д.э.н., Новикова Н.А., к.э.н., ФГБОУ ВО СГАУ им. Н.И. Вавилова,
Монахов С.В., к.э.н., ИАгП РАН*

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PLATFORM "TRANSFER TECHNOLOGIES: MODERN AGRICULTURE» AS THE DEVELOPMENT TOOL FOR THE AGRARIAN SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY

-20-

*Ukolova N.V., doctor of economic sciences, Novikova N.A., candidate of economics sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov,
Monakhov S.V., candidate of economics sciences, Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМУ ПРОЕКТИРОВАНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Решетникова Н.В., к.э.н., Кадомцева М.Е., к.э.н., ИАгП РАН

METHODOLOGICAL APPROACHES TO INSTITUTIONAL DESIGN OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF SMALL FORMS OF ECONOMY IN THE AGRO-FOOD COMPLEX

-27-

*Reshetnikova N.V., candidate of economics sciences,
Kadomtseva M.E., candidate of economics sciences,
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА**

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ**

Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАгП РАН

**REGIONAL CHARACTERISTICS OF ACHIEVING FOOD
ECONOMIC ACCESSIBILITY**

-33-

*Iosipenko V.D., candidate of economics sciences,
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research
Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВВОДА В ОБОРОТ НЕИСПОЛЬЗУЕМОЙ ПАШНИ ДЛЯ
РАСШИРЕНИЯ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ**

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАгП РАН

**PROSPECTS FOR INTRODUCING UNUSED ARABLE LAND
TO EXPAND SOWING AREA IN THE REGIONAL SPACE OF RUSSIA**

-44-

*Bondarenko Yu.P., candidate of economics sciences, Institute of Agrarian Problems -
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО
КОМПЛЕКСА И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

**МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕАКЦИИ СЕЛЬСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ НА
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОЛЕБАНИЯ: ОЦЕНКА ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ**

Блинова Т.В., д.э.н., ИАгП РАН,

*Марков В.А., к.э.н., Научный экспертно-аналитический центр
АН Республики Саха*

**MODELING THE RESPONSE OF RURAL UNEMPLOYMENT
TO ECONOMIC VARIATIONS: ASSESSMENT OF GENDER DIFFERENCES**

-57-

*Blinova T.V., doctor of economic sciences, Institute of Agrarian Problems -
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Markov V.A., candidate of economics sciences, Scientific Expert and Analytical Center
of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)*

**СТУДЕНТЫ О ДЕТЯХ, СЕМЬЕ И РОДИТЕЛЬСТВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ
COVID-19: СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ**

Блинова Т.В., д.э.н., ИАгП РАН

**STUDENTS ON CHILDREN, FAMILY AND PARENTING DURING THE COVID-19
PANDEMIC: RURAL-URBAN COMPARISONS**

-64-

*Blinova T.V., doctor of economic sciences, Institute of Agrarian Problems -
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

**СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПАСЕНИЙ
СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19**

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАгП РАН

**RURAL AND URBAN DIFFERENCES AND STUDENTS' AGE FEARS
DURING THE COVID-19 PANDEMIC**

-74-

*Vyalshina A.A., candidate of social sciences, Institute of Agrarian Problems -
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

**КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК
ЦЕЛЕОРИЕНТИРУЮЩИЙ КРИТЕРИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС И
КАТАЛИЗАТОР УСТОЙЧИВОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РФ**

Семенов С.Н., д.э.н., Ржевская М.Я., лаб.-исследователь, ИАгП РАН

**THE WORK LIFE QUALITY OF THE RURAL POPULATION AS A
GOAL-ORIENTING CRITERION, A SOCIAL RESOURCE AND A PRIORITY
CATALYST FOR SUSTAINABLE SPATIAL DEVELOPMENT OF RURAL
AREAS IN THE RUSSIAN FEDERATION**

-84-

*Semenov S.N., doctor of economic sciences,
Rzhevskaya M.Ya., research assistant, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution
Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО
ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Рубцова В.Н., д.э.н., ИАгП РАН

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL SUBSTANTIATION
OF THE INNOVATIVE APPROACH TO THE FORMATION OF THE
ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF RURAL HEALTHCARE UNDER
UNSTABLE CONDITIONS**

-94-

*Rubtsova V.N., doctor of economic sciences,
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research
Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАгП РАН

FACTORS OF THE LIFE QUALITY OF THE RURAL POPULATION

*Shabanov V.L., doctor of social sciences,
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences*

-102-

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ УЯЗВИМОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ
УСТОЙЧИВОСТИ МАЛЫХ КФХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ**

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАгП РАН

**THEORETICAL ASPECTS OF STUDYING VULNERABILITY AND
SOCIAL SUSTAINABILITY OF SMALL FARM HOUSEHOLDS DURING
THE PANDEMIC**

-110-

*Nechaeva I.V., candidate of social sciences,
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 5-12.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 5-12.

Научная статья
УДК 339.5

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Наталья Анатольевна Яковенко¹, Ирина Серафимовна Иваненко²

¹² Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия
¹² iagpran@mail.ru

Аннотация. Рост факторов неопределенности в функционировании продовольственного рынка актуализирует исследования, направленные на преодоление негативных последствий их влияния и повышение устойчивости продовольственных систем. Оценка динамических и структурных показателей внешнеторговой деятельности необходима для формирования новой концепции развития агропродовольственного комплекса России и этапа импортозамещения, обоснования системы государственной поддержки конкурентоспособности страны на глобальном продовольственном рынке. При росте динамических показателей экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия выявлена относительная стабилизация продуктовой структуры. Показано снижение доли экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Рост экспортного потенциала агропродовольственного комплекса осуществляется за счет повышения конкурентоспособности продуктов нижнего передела. При общем снижении объема импорта продовольствия и сельскохозяйственной продукции доля продукции верхнего передела за исследуемый период выросла и составила почти половину импорта. Преодоление отрицательных тенденций в развитии внешней торговли агропродовольственной продукцией возможно при структурной модернизации производства агропродовольственного комплекса России, диверсификации экспорта, усилении устойчивости и сбалансированности внутреннего продовольственного рынка.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, агропродовольственная система, устойчивость, передел, структура.

Для цитирования: Яковенко Н.А., Иваненко И.С. Внешнеэкономическая деятельность в системе факторов устойчивости агропродовольственного комплекса России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С 5-12.

Original article

FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY IN THE SYSTEM OF SUSTAINABILITY FACTORS OF THE RUSSIAN AGRO-FOOD COMPLEX

Natalya A. Yakovenko¹, Irina S. Ivanenko²

¹² Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia
¹² iagpran@mail.ru

Abstract. *The growth of uncertainty factors in the functioning of the food market actualizes research aimed at overcoming the negative consequences of their influence and increasing the sustainability of food systems. An assessment of the dynamic and structural indicators of foreign trade activity is necessary for the formation of a new concept for the development of the Russian agro-food complex and the stage of import substitution, as well as for substantiating the system of state support for the country's competitiveness in the global food market. With the growth of dynamic indicators of exports of agricultural products and foodstuffs, a relative stabilization of the product structure was revealed. A decrease in the share of exports of high value-added products is shown. The growth of the export potential of the agro-food complex is carried out by increasing the competitiveness of lower value added products. With a general decrease in the volume of imports of food and agricultural products, the share of upper processing products increased over the period under study and amounted to almost half of imports. Overcoming the negative trends in the development of foreign trade in agro-food products is possible with the structural modernization of the production of the Russian agro-food complex, diversification of exports, strengthening the stability and balance of the domestic food market.*

Keywords: *foreign economic activity, agro-food system, sustainability, redistribution, structure.*

For citation: *Yakovenko N.A., Ivanenko I.S. Foreign economic activity in the system of sustainability factors of the Russian agro-food complex // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1):5-12.*

Введение.

Устойчивость мировой продовольственной системы является основной современной концепции глобальной продовольственной безопасности, разработанной ФАО. «Продовольственная система является устойчивой, если она может обеспечивать продовольственную безопасность и питание таким образом, что экономическая, социальная и экологическая базы, необходимые для обеспечения продовольственной безопасности и питания будущих поколений, не подвергаются риску» [1]. На устойчивое состояние продовольственной системы оказывает влияние широкий спектр факторов и условий. Ключевыми факторами устойчивости глобальной продовольственной системы в современных условиях являются: демографические изменения, динамичный технический прогресс, трансформация природно-климатических условий, государственное регулирование и поддержка аграрного сектора, возможность межрегионального обмена сельскохозяйственным сырьем и продовольствием [2-5]. Обоснование факторов и движущих сил, формирующих устойчивость и конкурентоспособность продовольственных систем, их взаимодействия и влияние на динамику продовольственных систем является актуальным направлением научных исследований.

Оценка увеличения международных торговых потоков товаров и услуг оказывает положительное воздействие на устойчивость глобальной продовольственной системы [6]. В тоже время влияние внешнеэкономической деятельности на локальные продовольственные системы неоднозначно. С одной стороны, «участвуя в международной торговле, страна увеличивает свои производственные возможности, наиболее полно использует имеющиеся экономические преимущества в определенных отраслях экономики» [7]. С другой стороны, усиление специализации страны, высокая зависимость от импорта отдельных видов продовольствия, возможность ограничения поставок из-за неблагоприятной международной ситуации могут привести к потере продовольственной безопасности. Стимулирование внешнеэкономической деятельности агропродовольственного комплекса России предполагает достижение основных национальных целей – обеспечение продовольственной безопасности страны и рост долгосрочной конкурентоспособности и стратегического экспортного потенциал комплекса. В настоящее время реализация стратегических целей возможна при оптимизации межотраслевых пропорций развития агропродовольственного комплекса, что позволит модернизировать структуру агропродовольственного экспорта и импорта. В условиях глобаль-

ных санкций, введенных против России, первоочередными проблемами становятся: изменение структуры внешнеторговых связей и диверсификация экспортного потенциала для обеспечения продовольственной независимости и безопасности России.

Целью исследования является оценка динамики и структуры агропродовольственного экспорта и импорта России, влияния внешнеэкономической деятельности на устойчивость национального агропродовольственного комплекса, обоснование направлений повышения ее эффективности в вопросах продовольственной безопасности страны.

Методика исследования.

Анализ структурных изменений внешнеторгового оборота агропродовольственной продукции России базировался на классификации товаров по методике национального проекта «Международная кооперация и экспорт» с учетом разработок Российского экспортного центра. Информационной базой исследования являлись статистические данные UN Comtrade Database по гармонизированной системе (HS2012) на основе таможенной статистики внешней торговли Российской Федерации [8].

Результаты исследования.

Внешнеэкономическая деятельность агропродовольственного комплекса России в последние годы характеризуются существенными изменениями, обусловленными множеством факторов. Введение продовольственного эмбарго с 2014 года стимулировало процессы импортозамещения на российском продовольственном рынке. Реализация стратегии импортозамещения позволила сократить импорт сельскохозяйственного сырья и продовольствия за исследуемый период до 16,8 млрд. долл. или на 65,3%. Государственная поддержка аграрного сектора стимулировала рост производства в отраслях агропродовольственного комплекса, увеличение экспортного потенциала комплекса. В результате реализации Федерального проекта «Экспорт продукции АПК» - наращивание объемов экспорта продукции агропродовольственного комплекса за счет создания новой товарной массы - объем экспорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья в 2020 году вырос до 22,2 млрд. долл., увеличившись на 50,6 % по сравнению с 2014 годом. Происходящие изменения отразились на структуре внешней торговли сельскохозяйственным сырьем и продовольствием. В 2014 году сальдо торгового баланса сельскохозяйственной продукцией имело отрицательную динамику и составляло -10,6 млрд. долл. В 2020 году превышение экспорта над импортом составило 5,9 млрд. долл. Доля России в мировом экспорте продовольственной продукции и сельскохозяйственного сырья повысилась до 1,8 % в 2020 году.

Значительное влияние на внешнеэкономическую деятельность оказала эпидемия коронавируса, выявив слабые места развития, как глобальной продовольственной системы, так и российского агропродовольственного комплекса. Рецессия, вызванная пандемией COVID-19, стала причиной роста спроса на продукты питания, снижения экономической и физической доступности продовольствия, нарушения логистических потоков и формирования продуктовых цепочек. Одной из основных проблем развития внешнеэкономической деятельности агропродовольственного комплекса России является структурный дисбаланс экспорта и импорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

В общем объеме российского агропродовольственного экспорта наибольшую долю занимают товары нижних переделов с невысокой степенью переработки (табл. 1). Данная тенденция продолжает сохраняться. В 2014 году на долю продукции нижнего передела приходилось 72,8 %, в 2020 году этот показатель снизился на 1,6 п.п. и составил 71,2 % всего агропродовольственного экспорта. Наибольший рост доли экспорта продукции нижнего передела отмечался в 2018 году и составил 76,6 %. Несмотря на снижение доли экспорта продукции нижнего передела в 2020 году, этот показатель увеличился в стоимостном выражении на 5,2 млрд. долл. по сравнению с 2014 годом. Среднегодовые темпы роста экспорта продукции нижнего передела за исследуемый период составили 15,7 %.

Таблица 1- Доля товаров нижнего передела во внешней торговле сельскохозяйственным сырьем и продовольствием России (в стоимостном выражении), в %

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля экспорта нижнего передела в общей структуре агропродовольственного экспорта, в %	72,8	73,6	71,4	70,8	76,6	71,1	71,2
Доля импорта нижнего передела в общей структуре агропродовольственного импорта, в %	26,9	29,5	29,4	28,4	30,8	28,9	30,8
Внешнеторговое сальдо, млрд. долл. США	4,0	4,7	5,0	6,5	10,1	8,5	11,0

В исследуемом периоде структура экспорта товаров нижнего передела оставалась однородной и практически не была подвержена изменениям с точки зрения номенклатуры. В структуре российского экспорта товаров нижнего передела основное место занимают сельскохозяйственные продукты - злаки и мороженая рыба, а также продукция пищевой и перерабатывающей промышленности, включающая масло, корма для животных, напитки, мукомольно-крупяные изделия. Зерно является одной из ключевых экспортных позиций в группе товаров нижнего передела. В анализируемом периоде доля экспорта зерна в общем объеме агропродовольственного экспорта варьировала с 67,2 % в 2018 году до 57,7 % в 2020 году в стоимостном выражении. Доля экспорта мороженой рыбы показывала разнонаправленную динамику. Если в 2014 году удельный вес экспорта мороженой рыбы составлял 17,2 %, то в 2020 году этот показатель снизился на 2,6 п.п. и составил 14,6 %. Выявлен рост доли экспорта ракообразных. Удельный вес этой группы в 2020 году вырос по сравнению с 2014 годом в два раза и составил 10,3 %. Тенденция снижения в экспорте доли мороженой рыбы при одновременном увеличении доли ракообразных обусловлена изменением средних экспортных цен.

Выявлен рост доли продукции нижнего передела в структуре импорта сельскохозяйственных товаров и продовольствия. Удельный вес импорта продукции нижнего передела увеличился в 2020 году на 3,9 п.п. по сравнению с 2014 годом и его доля в общем объеме агропродовольственного импорта составила 30,8 %. В тоже время, наблюдается снижение объема импорта продукции нижнего передела. В 2020 году объем импорта продукции нижнего передела снизились до 72,7% к уровню 2014 года. Импорт продукции нижнего передела практически не подвержен структурным изменениям. Существенную долю импорта занимают соя, мороженая рыба и свежая рыба, живые растения. Максимальная доля импорта приходится на сою. В 2014 и 2020 годах доля сои в общем объеме агропродовольственного импорта продукции нижнего передела составляла 16,6%. В 2016 году она достигла 21 %. Однако, несмотря на увеличение доли сои в импорте продукции нижнего передела, в 2020 году объем ввоза сои в Россию снизился в стоимостном выражении на 25 % по сравнению с аналогичным показателем 2014 года. Существенные изменения прослеживались по товарной группе – посевной материал. В 2014 году удельный вес импорта посевного материала составлял 2,8 %, в 2020 году этот показатель увеличился до 5,4 %.

С 2014 по 2020 годы агропродовольственный экспорт продукции нижнего передела в стоимостном выражении вырос на 47,3 %, импорт снизился на 25,1 %. Несмотря на положительную тенденцию во внешнеторговой деятельности агропродовольственного комплекса России, сальдо внешнеторгового оборота продукции нижнего передела продовольствия и сельскохозяйственного сырья увеличилось в 2,7 раза.

В исследуемом периоде значительные изменения происходили в группе продукции среднего передела, которая включает промежуточные продукты с многостадийной и достаточно глубокой переработкой сырья или готовые продукты с невысокой долей добавленной стоимости (табл. 2). В 2020 году по сравнению с 2014 годом экспорт продукции среднего передела увеличился до 2,7 млрд. долл. или в 2,4 раза. Это отразилось на увеличении доли продукции среднего передела в агропродовольственном экспорте с 7,3 % в 2014 году до 11,9 % в 2020 году. Снижение агропродовольственного импорта наибольшими темпами происходило в группе товаров среднего передела. В 2020 году импорт продукции среднего передела со-

ставлял 42,9 % от уровня 2014 года. За тот же период доля импорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия среднего передела уменьшилась с 35,9 % в 2014 году до 23,5 % в 2020 году. Выявлено сокращение импорта продукции среднего передела как в стоимостном, так и в натуральном выражении.

Таблица 2 - Доля товаров среднего передела во внешней торговле сельскохозяйственным сырьем и продовольствием России (в стоимостном выражении), в %

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля экспорта среднего передела в общей структуре агропродовольственного экспорта, в %	7,3	8,2	8,7	10,0	8,6	11,1	11,9
Доля импорта среднего передела в общей структуре агропродовольственного импорта, в %	35,9	36,1	31,0	29,6	27,2	27,3	23,5
Внешнеторговое сальдо, млрд. долл. США	-8,1	-4,7	-3,7	-3,7	-3,0	-2,6	-1,2

Динамичные изменения агропродовольственного экспорта происходили внутри группы продуктов среднего передела. Доля рыбного филе в экспорте продукции среднего передела снизилась с 30,3 % в 2014 году до 15,6 % в 2020 году, кисломолочных продуктов - с 9,2 % до 3 %, муки – с 16,7 % до 13,1 %. За тот же период доля мяса и субпродуктов в экспорте увеличилась с 9,6 % в 2014 году до 31,8 % в 2020 году, сахара – с 0,5 % до 17 %.

Структура импорта агропродовольственной продукции среднего передела более дифференцирована, чем других переделов. За исследуемый период за счет увеличения объемов внутреннего производства снизилась доля ввозимой мясной продукции с 59,7 % до 36,2 %, сахара – с 5,4 % до 0,2 %. Однако по большинству продуктов среднего передела отмечается рост. Например, доля ввозимых кисломолочных продуктов внутри группы увеличилась с 1,3 % в 2014 году до 4,7 % в 2020 году, яиц птицы в скорлупе – с 3,3 % до 7,3 %, замороженных овощей – с 1,2 % до 2,1 %, соков – с 1,5 % до 4,9 %, сушеных овощей – с 0,9 % до 2,7 %.

За счет снижения общего объема импорта и увеличения экспорта продукции среднего передела сократился дисбаланс внешнеторговой оборота по анализируемой группе продуктов, однако, по-прежнему сохраняется пассивный торговый баланс. В 2014 году внешнеторговое сальдо имело отрицательное значение и составляло -8,1 млрд. долл. США, в 2020 году - -1,2 млрд. долл. США. Сохранение устойчивого положительного тренда показывает рост спроса на агропродовольственную продукцию страны на мировом продовольственном рынке.

Группа товаров верхнего передела включает продукцию агропродовольственного комплекса с высокой добавленной стоимостью. Изменения во внешней торговле товарами верхнего передела происходили менее динамично, чем в других группах. С 2014 по 2020 годы экспорт увеличился на 27,3 %, импорт снизился на 19,9 %. Среднегодовые темпы роста экспорта продукции верхнего передела составляли 5,2 %. Среднегодовые темпы падения импорта – 0,9 %.

За исследуемый период, несмотря на увеличение объема экспорта, наблюдается снижение доли вывозимой продукции верхнего передела. В 2014 году продукция глубокой переработки составляла 20 % экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия (табл. 3). В 2020 году этот показатель снизился до 16,9 %. Экспорт продукции верхнего передела стала более разнообразной. Внутри группы незначительно вырос экспорт готовой продукции из мяса и рыбы, прочей продукции на основе муки или молока, плодоовощной продукции, готовых кормов для животных. Стабильно высокой сохраняется доля экспорта маргарина, мучных кондитерских изделий и хлеба, прочих пищевых продуктов. Выявлено внутри группы падение доли экспорта шоколадных изделий с 21,6 % до 19 % за исследуемый период, макарон ипельменей – с 4,3 % до 2,7 %, сахаристые кондитерские изделия – с 6,3 % до 4,7 %.

Таблица 3 - Доля товаров верхнего передела во внешней торговле сельскохозяйственным сырьем и продовольствием России (в стоимостном выражении), в %

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля экспорта верхнего передела в общей структуре агропродовольственного экспорта, в %	20,0	18,3	19,8	19,3	14,8	17,9	16,9
Доля импорта верхнего передела в общей структуре агропродовольственного импорта, в %	37,3	34,3	39,6	42,0	42,0	43,8	45,7
Внешнеторговое сальдо, млрд. долл. США	-6,5	-3,1	-3,5	-4,5	-4,3	-4,2	-3,8

Отмечен рост доли товаров верхнего передела в импорте сельскохозяйственного сырья и продовольствия с 37,3 % в 2014 году до 45,7 % в 2020 году. Несмотря на увеличение доли импорта продукции верхнего передела в общем объеме агропродовольственного импорта, в стоимостном выражении импорт продукции верхнего передела снизился на 1,9 млрд. долл. за исследуемый период. Внутри группы структура импорта сохраняется достаточно стабильной. Отмечено незначительное сокращение доли продукции на основе муки и молока (с 6,5 % до 4,4 %), сыра и творога (с 16,5 % до 15,9 %), плодоовощной продукции (с 16,7 % до 14,9 %). Сохраняется относительно высокая доля импорта сливочного масла (7,7-7,8 %), готовые продукты из мяса и рыбы (около 7 %), мучные кондитерские изделия (5 %).

Для продукции верхнего передела характерны общие тенденции изменения внешней торговли сельскохозяйственным сырьем и продовольствием. Наблюдается снижение внешнеторгового сальдо с -6,5 млрд. долл. США до -3,8 млрд. долл.

Заключение.

Устойчивость развития агропродовольственного комплекса тесно взаимосвязана с обеспечением продовольственной безопасности страны. Продовольственная система функционирует под влиянием большого количества разнообразных факторов, учет которых необходим для формирования комплексной аграрной политики. В последние годы Россия стала активным участником мирового продовольственного рынка, включая не только внешнюю торговлю, но и формирование глобальных производственно-сбытовых цепей. Эффективное функционирование рынков стимулирует экономический рост аграрного сектора. Однако в последнее время развитие международной торговли сдерживается стохастическими факторами, основными из которых являются изменение природно-климатических условий, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, усиление конкуренции. Введение глобальных экономических санкций требует нового подхода к формированию аграрной политики страны, обоснованию приоритетов и перспектив развития внешнеэкономической деятельности на основе углубленной оценки экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия, их влияния на устойчивость агропродовольственного комплекса России.

В результате исследования выявлено изменение динамических показателей внешней торговли сельскохозяйственным сырьем и продовольствием. Анализ объемов экспорта агропродовольственной продукции показал, что максимальные темпы роста отмечаются в экспорте продукции среднего передела, минимальные – продукции верхнего передела. Это отразилось на структуре экспорта агропродовольственной продукции. Максимальная доля экспорта приходится на продукцию нижнего передела (более 70 %). В анализируемом периоде произошло перераспределение экспорта в сторону роста продукции среднего передела. Выявлено существенное падение доли агропродовольственного экспорта продукции глубокой переработки. Расширение экспортных возможностей России осуществляется за счет углубления специализации на традиционных сегментах глобального продовольственного рынка, сохраняется сырьевая направленность внешней торговли страны.

В исследуемом периоде выявлено существенное падение импорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Продукция среднего передела характеризуется максимальными темпами падения. Медленно идет сокращение ввоза продукции с высокой добавленной стоимостью. Это отражается на структуре агропродовольственного импорта. Более

45 % ввозимой продукции – это продукция глубокой переработки. Выросла доля импортируемого сельскохозяйственного сырья.

В условиях макроэкономической неопределенности трансформация системы государственного регулирования агропродовольственного комплекса и поддержки экспортеров сельскохозяйственного сырья и продовольствия, на наш взгляд, должна носить стратегический характер, что предполагает рост научной обоснованности концепций и стратегий внешнеэкономической деятельности, углубленное изучение тенденций и перспектив развития внешних рынков [9]. Структурные изменения во внешней торговле связаны, прежде всего, с модернизацией производства агропродовольственного комплекса страны, направленной на развитие перерабатывающих производств и инфраструктуры, стимулирование внедрения инновационных технологий, расширение возможности диверсификации агропромышленного производства.

Список источников

1. HLPE. Food losses and waste in the context of sustainable food systems. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. 2014. Report No.8. Rome.
2. Ананьев М.А., Ананьева О.М. Теоретические аспекты устойчивости системы продовольственного обеспечения // Системное управление. 2010. № 4 (10).
3. Марков А.К., Мумладзе Р.Г. Повышение устойчивости продовольственной системы // Инновации и инвестиции. 2019. №11. С. 368-372.
4. Baker P. and Friel S. Food systems transformations, ultra-processed food markets and the nutrition transition in Asia. *Globalization and Health*. 2016.
5. Timmer P. Managing structural transformation: A political economy approach. UNU-WIDER Annual Lecture 18. Helsinki, UNU-WIDER. 2014.
6. Béné C, Fanzo J, Prager SD, Achicanoy HA, Mapes BR, Alvarez Toro P, et al. Global drivers of food system (un)sustainability: A multi-country correlation analysis. *PLoS ONE*. 2020. 15(4): e0231071.
7. Золотарева Е.Л. Международная торговля продовольствием: тенденции, проблемы, прогнозы // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. №4. С. 158-162.
8. Customs Statistic of Foreign Trade of Russia. - URL: <http://stat.customs.ru/>.
9. Яковенко Н.А., Воронов А.С. Приоритетные направления формирования экспортного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 5(383). С. 4-8.

References

1. HLPE. Food losses and waste in the context of sustainable food systems. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. 2014. Report No.8. Rome.
2. Ananyev M.A., Ananyeva O.M. Theoretical aspects of the sustainability of the food security system. *System management*. 2010;4(10). (In Russ)
3. Markov A.K., Mumladze R.G. Improving the sustainability of the food system. *Innovations and investments*. 2019;(11): 368-372. (In Russ)
4. Baker P. and Friel S. Food systems transformations, ultra-processed food markets and the nutrition transition in Asia. *Globalization and Health*. 2016.
5. Timmer P. Managing structural transformation: A political economy approach. UNU-WIDER Annual Lecture 18. Helsinki, UNU-WIDER. 2014.
6. Béné C, Fanzo J, Prager SD, Achicanoy HA, Mapes BR, Alvarez Toro P, et al. Global drivers of food system (un)sustainability: A multi-country correlation analysis. *PLoS ONE*. 2020. 15(4): e0231071.

7. Zolotareva E.L. International food trade: trends, problems, forecasts. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2018;(4):158-162. (In Russ)
8. Customs Statistic of Foreign Trade of Russia. - URL: <http://stat.customs.ru/>.
9. Yakovenko N.A., Voronov A.S. Priority directions of the formation of the export potential of the agro-food complex of Russia. *International Agricultural Journal*. 2021;5(383):4-8. (In Russ)

Информация об авторах

*Н.А. Яковенко – доктор экономических наук;
И.С. Иваненко – кандидат экономических наук.*

Information about the author

*N.A. Yakovenko – Doctor of Economic Sciences;
I.S. Ivanenko – Candidate of Economic Sciences.*

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 07.04.2022;
принята к публикации 15.04.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 07.04.2022;
accepted for publication 15.04.2022.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 13-19.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 13-19.

Научная статья
УДК 338.439

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОДУКТОВЫХ ЦЕПОЧЕК В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Ольга Васильевна Ермолова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. Выявлены особенности, условия и факторы формирования конкурентной устойчивости в агропродовольственном комплексе России в условиях новых вызовов и ограничений. Теоретически анализируется понятие конкурентной устойчивости. Проанализированы санкционные ограничения в отношении российского агропродовольственного комплекса, возможности адаптации и развития продуктовых цепочек и комплекса в целом в условиях дестабилизации. Обоснованы направления обеспечения конкурентной устойчивости в агропродовольственном комплексе.

Ключевые слова: конкурентная устойчивость, агропродовольственный комплекс, продуктовые цепочки, устойчивость, сбалансированность, межотраслевые взаимодействия.

Для цитирования: Ермолова О.В. Обеспечение конкурентной устойчивости продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С13-19.

ENSURING THE COMPETITIVE STABILITY OF FOOD CHAINS IN THE AGRO-FOOD COMPLEX

Olga V. Ermolova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The features, conditions and factors of competitive stability formation in the Russian agro-food complex in the face of new challenges and restrictions are revealed. The concept of competitive stability is theoretically analyzed. The sanctions restrictions on the Russian agro-food complex, the possibility of adaptation and development of food chains and the complex as a whole in conditions of destabilization are analyzed. The directions for ensuring competitive sustainability in the agro-food complex are substantiated.

Keywords: competitive sustainability, agro-food complex, food chains, sustainability, balance, intersectoral interactions.

For citation: Ermolova O.V. Ensuring the competitive sustainability of food chains in the agro-food complex // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1):13-19.

Введение.

Задача обеспечения продовольственной безопасности страны не может быть решена без повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса, укрепления его конкурентных позиций. В современных условиях перед его предприятиями и отраслями стоит задача формирования конкурентных преимуществ, выбора и реализации конкурентных стратегий, обеспечивающих их устойчивое функционирование.

В настоящее время накоплены многочисленные теоретические исследования конкурентоспособности агропродовольственного комплекса, условий и факторов формирования конкурентных преимуществ, большой опыт использования различных конкурентных стратегий российскими предприятиями. Сегодня актуализируются исследования, которые обеспечивают увязку теоретически обобщенного знания с конкретными условиями и определенной сферой, где формируются конкурентные преимущества предприятий, развиваются межотраслевые связи в цепочке создания добавленной стоимости, принимаются экономические решения об использовании инноваций, освоении новых сегментов рынка, внешнеэкономической деятельности и т.д. Проблема находится в плоскости многоаспектного анализа региональных, отраслевых, институциональных, внешнеэкономических условий и факторов. Развитие теории и практики формирования конкурентной устойчивости продуктовых цепочек агропродовольственного комплекса и разработка на этой основе стратегий их конкурентного развития имеют большую значимость в условиях неопределенности внешнего окружения, новых вызовов и угроз.

Цель исследования – проанализировать основные направления обеспечения конкурентной устойчивости в агропродовольственном комплексе в условиях новых вызовов.

Методика исследования.

В ходе исследования использовались абстрактно-логический, экономико-статистический и монографический методы, метод исследования цепочек создания добавленной стоимости. Привлекались основные положения ситуационного анализа,

Результаты исследования.

Конкурентная устойчивость агропродовольственного комплекса - это стратегическое (за счет динамики функциональных свойств) превосходство над конкурентами по целому ряду признаков. Категория «конкурентная устойчивость» - это не только характеристика прочности и надежности элементов воспроизводственной системы агропродовольственного комплекса, ее межотраслевых связей, способности сохранять свои функциональные параметры при изменении внешних и внутренних условий. Конкурентная устойчивость определяется адаптивностью, скоростью и эффективностью конкурирующих предприятий обеспечивать защиту имеющихся и генерировать новые конкурентные преимущества. Стратегический характер превосходства не означает лишь длительность его существования, он выражается в соответствии деятельности экологическим, технологическим, социальным требованиям и стандартам, готовности к резким изменениям внешней и внутренней среды, состоянию финансовой и технологической безопасности.

Проблема конкурентной устойчивости сельскохозяйственного производства – более сложная и важная для человечества, чем других отраслей экономики. Междисциплинарная категория «устойчивость системы» не нашла пока своего общепринятого определения в отечественных и зарубежных работах [2].

Понимание ООН ключевых концепций, связанных с устойчивыми продовольственными системами, включает в число приоритетов развитие экономически жизнеспособных и эффективных цепочек создания добавленной стоимости.

Теоретически понятие конкурентной устойчивости является критерием оценки способности сохранять продуктовой цепочкой (как воспроизводственной системой) свои функциональные параметры при изменении внешних и внутренних условий. Особенности организации продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе выдвигают на первый план задачу повышения эффективности системы межотраслевых взаимодействий, обеспечивающей их устойчивость [4,5].

Цепочка создания добавленной стоимости рассматривается нами в виде некоей матрицы элементов, которая позволяет описать структуру интегрированного формирования и вклад каждого элемента в процесс приращения стоимости продукта на отдельных звеньях продуктовых цепочек [6]. Многомерность и сложность связей между субъектами обуславливают нелинейный характер процессов трансформации исходных ресурсов в экономические блага, способные удовлетворить запросы конечных потребителей.

Исследование цепочек создания добавленной стоимости позволяет выделить виды деятельности с высоким уровнем добавленной стоимости. Величина добавленной стоимости, полученная хозяйствующим субъектом, зависит от его места в цепочке создания стоимости конечного продукта или от эффективности осуществляемого вида деятельности, от вида и назначения продукта и от механизма государственного регулирования цен на отдельные группы продуктов.

Изучение особенностей цепочек добавленной стоимости различных отраслей показали, что управляющий цепочкой агент задает пропорции распределения созданной добавленной стоимости между ее участниками. Для выявления того, кто действительно является агентом, управляющим цепочкой добавленной стоимости, необходим детальный анализ процесса ее создания, очищенной от затрат, как внутри отдельного предприятия, так и в рамках межотраслевых цепочек. В современных условиях существенное значение имеет технологическая, инфраструктурная и институциональная разбалансированность основных элементов продуктовых цепочек. Возможность получения большей экономической ренты при меньших издержках в молочнопродуктовой, мясопродуктовой цепочках принадлежала сфере обращения, торговле.

Согласно концепции общего экономического равновесия, экономические субъекты стремятся перевести экономическую систему в оптимальное состояние, рассматривая его как равновесие, которое в контексте классической экономики ассоциируется с устойчивостью. Поэтому устойчивость определяется, как способность системы сохранить свое качество в условиях изменяющейся среды и разного рода внутренних трансформаций. Устойчивость систем, в том числе экономических, впервые была теоретически представлена в трудах А.А. Богданова. Им впервые сформулированы основные признаки организации и описаны основные организационные законы (известные как законы синергии, композиции, самосохранения, расхождения, схождения), впервые представлены понятия «количественной» и «структурной» устойчивости, детально разработаны соотношения между устойчивостью систем разного уровня и доказано, что устойчивость системы определяется в большей степени устойчивостью структурных связей, а не элементов. Впервые поставлен А.А. Богдановым и вопрос управления устойчивостью, а также введены понятия организационного кризиса и основные способы их преодоления [1].

Важное условие конкурентной устойчивости продуктовых цепочек, особенно в условиях социально-экономической нестабильности, их адаптивность к изменившимся условиям внешней и внутренней среды. Конкурентная устойчивость основана на ресурсной обеспеченности, наличии потенциала снижения издержек, достаточном технологическом уровне, наличии инновационного потенциала. Она является результатом взаимосвязи отраслевых, межотраслевых и региональных факторов.

Несмотря на высокий уровень конкуренции, большое число отраслей и предприятий не отличается конкурентной устойчивостью. Сегодня остро стоит задача не просто защиты конкуренции, а создание системы конкурентных рынков, что предполагает реализацию структурной политики, нацеленной на поддержку развития конкуренции. Даже на тех рынках, где конкуренция реально существует, ее эффект во многом обесценивается неравенством условий конкуренции. Российская практика демонстрирует иногда примеры того, что финансовые показатели результативности деятельности лучше у менее эффективных рыночных субъектов.

Конкурентная устойчивость во многом зависит от устойчивости межотраслевых связей. Для молочной и мясной продуктовых цепочек - это, прежде всего, устойчивость межотрасле-

вых связей с поставщиками сырья, что объясняется высокой долей сырья в структуре цены конечной продукции пищевой промышленности. В цене на молоко, например, она составляла в 2019 году 46,6 %, сливочного масла – 57,6% [7]. Важной тенденцией развития межотраслевых цепочек стало усиление вертикальной интеграции. Высокая инфляция и рост затрат стимулируют хозяйствующие субъекты для снижения рисков интегрировать в свои структуры поставщиков сырья.

Конкурентная устойчивость подразумевает финансовую устойчивость каждого субъекта системы, а также выгоды и издержки для общества в целом. Анализ финансовой устойчивости выявил глубокую дифференциацию не только в разрезе видов экономической деятельности, но и во времени.

Анализа ряда предприятий пищевой промышленности Саратовской области показал, что применение различных экономических стратегий может повлиять на степень конкурентной устойчивости и уровень риска при относительно равных ресурсных конкурентных преимуществах и конкурентном потенциале (доля рынка, финансовая стабильность и др.).

Ключевой угрозой дальнейшего развития агропродовольственного комплекса и его продуктовых цепочек является возросшее санкционное давление. Против России были введены санкции, направленные на уничтожение российского капитала на фондовом рынке, заморозку активов за рубежом, девальвацию рубля и др. В этих условиях прогнозирование дальнейшего развития затруднительно.

Ограничительные меры и структурные изменения в продуктовых цепочках привели к значительному росту издержек. Опрос ЦБ аналитиков в марте 2022 года показал, что они ожидают инфляцию в РФ 20% в 2022 году. Это приведет к изменению относительных цен, структуры и межотраслевых зависимостей в цепочках. Еще одним стимулом роста цен станет перестройка логистических цепочек поставок продукции. Девальвация рубля может отразиться на стоимости логистики, которая рассчитывается в долларовой эквиваленте. Компании-дистрибьюторы, специализирующиеся на продаже удобрений, средств защиты растений, запчастей для оборудования, уже повысили цены, поскольку они зависят от курса доллара.

В условиях роста цен необходимо пресечение злоупотреблений компаний, занимающих доминирующее положение на рынке, картельных сговоров.

В 2021 году индекс мировых продовольственных цен ФАО сохранил рост. Его среднее значение составило 134,4 пункта. Лидерами подорожания стали: растительные масла, сахар, зерновые, мясо и молочная продукция. По прогнозам ФАО мировые цены на продовольствие могут вырасти в 2022 году еще на 8-22%.

Высоки риски реализации экспортного потенциала. Нарушение логистических поставок делает непредсказуемыми риски производителей сельхозтехники, химических компаний. Негативное влияние окажет запрет на экспорт в Россию современного высокотехнологического оборудования. В стоимости выпускаемой российскими предприятиями сельхозтехники стоимость импортных деталей составляет, в ряде случаев, более трети затрат.

Кроме того санкции скажутся и на кормопроизводстве, в котором используются лизин и ряд аминокислот, 90% из которых завозится из-за рубежа, хотя производятся они из продуктов, которые Россия отправляет на экспорт. Текущая ситуация поставила преграды и модернизации предприятий пищевой промышленности.

Россия производит 70 % мирового производства удобрений, из которых 80 % идет на экспорт (Россия экспортировала удобрения в Бразилию, Китай, Украину, США, Индию, Эстонию, Латвию, Турцию, Польшу, Индонезию). Медленно, но идет развитие семеноводства, например, семян подсолнечника. Сегодня используется до 40 % отечественных семян (в 2018 году - лишь 15 %).

Санкции и ограничения еще острее ставят вопрос необходимости развития перерабатывающего производства, выпуска продукции глубокой переработки. Сокращение отставания отраслей пищевой и перерабатывающей промышленности сдерживается отставанием развития отраслей пищевого машиностроения. Проведенная предварительная оценка показывает,

что доля отечественного производства на рынке по всем видам пищевого оборудования в 2021 г. составила чуть более 40%.

Большое значение имеют в сложившихся условиях введенные льготные программы кредитования для системообразующих организаций комплекса, оказавшихся в сложной ситуации из-за санкций.

В новых реалиях конкурентоспособность бизнеса все больше будет зависеть от привлечения квалифицированных кадров. Российскому агропродовольственному комплексу предстоит возможное изменение цепочек поставщиков при отказе от западных комплектующих, семян или техники.

Из-за санкций Россия может лишиться четверти всех продуктов питания. На «недружественные» страны приходится 28,7% импорта продовольствия. В конце 2021 года импортное продовольствие занимало 25% российского рынка. В 2014 году, когда начала проводиться политика импортозамещения, доля импорта снизилась на 8%, однако, с 2016 года она начала расти.

На продовольствие приходится 11,5% от всего импорта, оно находится на третьем месте после машин, оборудования, транспорта и продукции.

Россия полностью обеспечивает себя основными видами продовольствия - зерном и продуктами его переработки, мясной и рыбной продукцией, сахаром, растительным маслом и другими ключевыми продуктами питания. Собственное производство молочной продукции, овощей и фруктов уже обеспечивает значительную часть внутреннего потребления.

Существенно увеличился показатель самообеспечения страны мясом и мясопродуктами, молоком и молокопродуктами. С 2015 по 2020 годы коэффициент самообеспечения мясными продуктами вырос с 88,8 % до 100,1 %, молочными продуктами – с 80,4 % до 84,0 %, растительным маслом – с 127 % до 179,7 % [3]. Доля импорта молока и молокопродуктов по РФ составляла в 2021 году 4,7% к ресурсам (снижаясь постепенно с 6,1 % с 2019 года), а доля импорта мяса и мясопродуктов -16,8 %. В условиях нестабильной внешней конъюнктуры отечественные производители существенно увеличили экспорт мясной продукции, зерновых и масличных культур.

Высокий уровень конкурентоспособности российской продукции, определяемый по динамике номинального показателя защиты производителей (NPCi), отмечен по традиционным экспортным позициям - зерновые, семена подсолнечника. По некоторым другим товарным позициям, таким, как: свинина, мясо птицы и др., уровень относительной конкурентоспособности растет [3], но возможности успешной конкуренции (ввиду более высокого уровня внутренних цен по многим товарным позициям) имеются на ограниченных сегментах мирового рынка.

Заключение.

Адаптация к новым условиям и обеспечение конкурентной устойчивости продуктовых цепочек являются первоочередными задачами развития агропродовольственного комплекса. Степень конкурентной устойчивости определяется источниками и возможностями их постоянного укрепления, характеризуя состояние субъектов продуктовой цепочки по отношению к внешним воздействиям. Более устойчиво такое состояние отраслей и предприятий агропродовольственного комплекса, которое при равных по силе внешних воздействиях и внутренних сдвигах подвержено меньшим отклонениям от прежнего положения.

Несмотря на высокий уровень конкуренции, большое число отраслей и предприятий, составляющих звенья продуктовых цепочек, не являются конкурентно устойчивыми, их характеризует разбалансированность основных элементов.

Снижение издержек, выход на новые рынки, рост дифференциации уже не обеспечивают конкурентную устойчивость. Основными трендами являются: изменения цепочек создания добавленной стоимости и маржинальности традиционных отраслей, ужесточение экологических требований к продуктам питания, ориентация на оптимизацию использования ресурсов, ускорение внедрения цифровых технологий, биотехнологий и альтернативных источников сырья. Практика показывает, что развитие экономически жизнеспособных и эф-

фективных цепочек создания добавленной стоимости происходит на фоне усиления вертикальной интеграции.

Рост цен, изменение относительных цен, структуры и межотраслевых зависимостей в продуктовых цепочках, перестройка логистических цепочек поставок, непредсказуемость рисков производителей сельхозтехники, запрет на экспорт в Россию технологий, ограничения по импорту высокотехнологичной техники - все это негативно скажется на развитии комплекса.

Санкционные ограничения в отношении России являются факторами дестабилизации, предполагающими использование нестандартных мер государственной поддержки - субсидирование ставок по кредитам, временные ограничения на экспорт и льготы по ввозу некоторых видов продовольствия, механизмы таможенно-тарифной политики, ускорение процедур, связанных с импортом и логистикой. Таким образом, механизмы противодействия внешним шокам должны проникать во все звенья продуктовых цепочек.

Анализ продуктовых цепочек на различных уровнях конкурентного поля показал, что для ряда российских производств (например, плодоводства) запрет импорта может быть стимулом к более активному развитию, стимулировать импортозамещение. Подобная картина на фоне введенных санкций уже наблюдалась в 2014 году.

Нельзя не учитывать и того, что российский агропродовольственный комплекс обладает высоким уровнем самообеспечения продовольствием, что нельзя не учитывать при разработке перспектив развития комплекса и его продуктовых цепочек.

Список источников

1. Богданов А.А. Тектология. — М.: Финансы, 2003. - с.310.
2. Евдокимова Н.Е. Исследование устойчивости агропродовольственных систем // В сб. научных трудов Международной научно-практической конференции ФГБОУ ВПО Вятской ГСХА: Экономический взгляд на проблемы современного общества, 2015.
3. Ермолова О.В., Яковенко Н.А., Кирсанов В.В., Иваненко И.С., Остапенко Т.В. Оценка структурных преобразований в агропродовольственном комплексе России // Продовольственная политика и безопасность. 2022. Т.9. №1. С. 57-58
4. Лукин Е.В. Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 6. С. 129–149.
5. Макаревич Л.О., Улезько А.В. Особенности организации продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе и перспективы их развития // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2020. № 3 (66).
6. Развитие продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе: межотраслевые аспекты исследования / О.В. Ермолова, Н.А. Яковенко, В.В. Кирсанов и др.; под общ. ред. О.В. Ермоловой. – Саратов: Саратовский источник, 2017.
7. Цены в России 2020: Стат.сб./ Росстат – М., 2020. - С. 69-73

References

1. Bogdanov A.A. Tectology. 2003;310. (In Russ)
2. Evdokimova N.E. Study of the sustainability of agro-food systems // In the collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference of the Vyatka State Agricultural Academy: An economic view on the problems of modern society, 2015. (In Russ)
3. Ermolova O.V., Yakovenko N.A., Kirsanov V.V., Ivanenko I.S., Ostapenko T.V. Assessment of structural transformations in the agro-food complex of Russia. *Food Policy and security*. 2022;9(1): 57-58. (In Russ)
4. Lukin E.V. Industry and territorial specifics of value-added chains in Russia: cross-industry approach. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019;12(6): 129-149. (In Russ)

5. Makarevich L.O., Ulezko A.V. Features of the organization of food chains in the agro-food complex and prospects for their development. *Bulletin of the Voronezh State Agrarian University*. 2020;3 (66). (In Russ)

6. Ermolova O.V., Yakovenko N.A., Kirsanov V.V. and etc. The development of food chains in the agro-food complex: intersectoral aspects of research. Saratov: Saratov source, 2017. (In Russ)

7. Prices in Russia 2020. Rosstat. 2020; 69-73. (In Russ)

Информация об авторе

О.В. Ермолова – доктор экономических наук

Information about the authors

O.V. Ermolova - Doctor of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; одобрена после рецензирования 13.04.2022.; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 04.04.2022; approved after reviewing 13.04.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 20-26.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 20-26.

Научная статья
УДК 338.43

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА «ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО» КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Надежда Викторовна Уколова¹, Сергей Владимирович Монахов²,
Надежда Александровна Новикова³

^{1 3} Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Высшего образования Саратовский государственный аграрный университет
им.Н.И. Вавилова, г. Саратов, Россия;

² Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия.

¹nv.ukolova@yandex.ru, ²monahovsv@mail.ru, ³nanovikova_77@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности создаваемой научно-технологической платформы «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство». Отмечено, что создаваемая цифровая платформа объединяет современные разработки научных учреждений аграрного профиля в едином центре, а использование накопленных ресурсов позволит сельскохозяйственным товаропроизводителям снизить время трансфера технологий. Одним из достоинств разрабатываемой платформы должно стать простота интерфейса, доступность информации, возможность установления прямого контакта между потребителями и разработчиками новых технологий. Сделан вывод о том, что научно-технологическая платформа «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство» создаст условия, в которых научные учреждения и отдельные бизнес-структуры будут заинтересованы в продвижении новых технологий и их использовании, при этом консолидация научных достижений в аграрной сфере будет являться одним из ключевых факторов роста эффективности сельского хозяйства России в современных условиях.

Ключевые слова: научно-технологическая платформа, трансфер технологий, цифровая экономика, сельское хозяйство.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00324

Для цитирования: Уколова Н.В., Монахов С.В., Новикова Н.А. научно-технологическая платформа «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство» как инструмент развития аграрного сектора экономики России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 20-26.

Original article

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PLATFORM "TRANSFER TECHNOLOGIES: MODERN AGRICULTURE» AS THE DEVELOPMENT TOOL FOR THE AGRARIAN SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY

Nadezhda V. Ukolova¹, Sergei V. Monakhov², Nadezhda A. Novikova³

^{1 3} Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Saratov, Russia;

² Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia.

¹nv.ukolova@yandex.ru, ²monahovsv@mail.ru, ³nanovikova_77@mail.ru

Abstract. *The article discusses the features of developing scientific and technological platform "Technology Transfer: Modern Agriculture". It was noted that the developing digital platform combines modern developments of agricultural scientific institutions in a single center, and the use of accumulated resources will allow agricultural producers to reduce the time for technology transfer. One of the advantages of the developed platform should be the simplicity of the interface, as well as the availability of information, the possibility of establishing direct contact between consumers and developers of new technologies. It is concluded that the scientific and technological platform "Technology Transfer: Modern Agriculture" will create conditions in which scientific institutions and individual business structures will be interested in promoting new technologies and their use, while the consolidation of scientific achievements in the agricultural sector will be one of the key factors in the growth of the efficiency of Russian agriculture in modern conditions.*

Key words: *scientific and technological platform, technology transfer, digital economy, agriculture.*

Funding: *The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project No. 20-010-00324*

For citation: *Ukolova N.V., Monakhov S.V., Novikova N.A. Scientific and technological platform "Technology Transfer: Modern Agriculture" as the development tool for the agrarian sector of the Russian economy // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022: (1):20-26.*

Введение.

Цифровая экономика - это экономика, основанная на производстве и использовании цифровых технологий. На сегодняшний день в России функционируют 36 технологических платформ по 13 наиболее перспективным направлениям научно-технологического развития. В эти самоорганизующиеся объединения входят более 3500 участников – компаний, научных и образовательных организаций, институтов развития. В аграрном секторе экономики России также созданы и функционируют цифровые платформы, наиболее востребованными из которых являются: Инновационные машинные технологии сельского хозяйства (ИМТСХ), Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания. Данные цифровые платформы имеют узконаправленный характер и обладают рядом недостатков, которые в значительной степени затрудняют их использование.

Вклад научно-технологических платформ в развитие механизмов трансфера технологий, расширение практики научно-технической кооперации в инновационной сфере будет и дальше возрастать. Согласно М. Кенни и Дж. Зисман: «Мы находимся в самом разгаре реорганизации нашей экономики, в которой владельцы платформ, по-видимому, развивают мощь, которая может быть даже более грозной, чем у владельцев фабрик в начале промышленной революции» [1]. Поэтому данная тема актуальна и востребована, как у бизнеса, так и у научного сообщества. И это связано с тем, что современное состояние развития цифровых техно-

логий радикально меняет подходы, как к проведению научных исследований, так и к механизмам распространения полученных знаний.

Целью исследования является развитие сельского хозяйства в условиях цифровой экономики посредством реализации научно-технической платформы «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство».

Методика исследования.

В рамках исследования использовались: диалектический метод познания; труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов в области исследования цифровых платформ, а именно: Месропян В. [2], Ершова Т.В. [3], Добридняк С.Л. [4], Онищенко Е.В., Гордиенко С.В. [5], Орловой Л.С. [6], Рудник П.Б. [7], Kenney M., Zysman J. [1], Silva V.L., Kovaleski J.L., Pagani R.N. [8], Etzkowitz, H.; Leydesdorff, L. [9], Mazurkiewicz A., Giesko T., Poteralska B. & Tan K.H. [10]; законодательные и нормативные акты и документы: Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [11], Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [12], Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» [13].

Результаты исследования.

Создание цифровых платформ является одним из ключевых факторов успешного развития экономических систем в современном мире, обеспечивает конкурентоспособность отдельных отраслей и секторов национальных экономик. Высокотехнологичные страны мировой экономики активно поддерживают развитие IT-сегмента экономики, стимулируют процессы цифровизации в различных отраслях, как на национальном уровне, так и на уровне хозяйствующих субъектов. В РФ также существует ряд программ, направленных на повышение уровня цифровизации, как отдельных отраслей экономики, так и национальной экономики в целом.

Современное сельское хозяйство России является высокотехнологичной отраслью, в которой используется большое количество различных цифровых технологий, направленных на обеспечение высокой конкурентоспособности, повышение производительности труда, становление «умного» сельского хозяйства. Однако, несмотря на высокий уровень использования цифровых технологий в данной отрасли, имеются и существенные проблемы, замедляющие темпы перехода отрасли на новый уровень технологического развития, к которым следует отнести: низкую информированность сельскохозяйственных товаропроизводителей о новых разработках отечественной науки; высокую зависимость отечественных товаропроизводителей от импортных технологий. С этой целью необходимо активное создание цифровых платформ, развитие отечественного IT сегмента экономики.

«Цифровая платформа» – это бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией, включая предоставление продуктов (услуг, информации) собственного производства. «Технологическая платформа» — это набор технологических компонентов на каждом уровне архитектуры (инфраструктура, хранение данных, технологические сервисы, бизнес-логика, прикладные решения, каналные приложения) [14].

В современной экономической литературе выделяют три основных типа цифровых платформ: децентрализованная, централизованная и гибридная [15]. В основу данной классификации положен принцип владения активами цифровой платформы, установления уровня цен и других факторов. Кроме того выделяют инструментальные, инфраструктурные и прикладные цифровые платформы [16]. В структуре прикладных цифровых платформ выделяют отраслевые цифровые платформы. Как правило, отраслевые цифровые платформы являются узкоспециализированными и направлены на обеспечение эффективного развития отдельных отраслей и секторов экономики.

Для выполнения основных задач, поставленных в Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, го-

сударство может прибегнуть к такому инструменту как научно-технологические платформы (НТП), которые позволяют: во-первых эффективно решать задачи в разных отраслях экономики; во-вторых, быть полезными как для представителей власти, бизнеса, гражданского общества, так и для научно-образовательного сообщества. С 2003 года данные платформы хорошо себя зарекомендовали на европейском пространстве и их опыт использует Россия.

Активное использование информационно-коммуникационных технологий наблюдается во всех отраслях и сферах экономики. Перенос реальных процессов в виртуальную плоскость наблюдается во многих отраслях и сегментах технологических процессов, происходит замещение труда человека, сокращение степени непосредственного участия человека в процессе производства продукции. Современный уровень развития информационно-коммуникационных технологий способствует совершенствованию процесса трансфера технологий, обеспечивает эффективный механизм взаимодействия различных субъектов трансферного механизма. Создаваемая нами цифровая платформа «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство» направлена ускорение процесса трансфера технологий в сельском хозяйстве, путем объединения современных разработок научных учреждений аграрного профиля в едином центре, а использование ресурсов сельскохозяйственными товаропроизводителями позволяет снизить время трансфера технологий. Одним из достоинств разрабатываемой платформы должно стать простота интерфейса, доступность информации, возможность установления прямого контакта между потребителями и разработчиками новых технологий, возможности общения заинтересованных лиц в условиях неопределенности обусловленных глобальными вызовами такими как пандемия COVID-19, частая повторяемость кризисов и т.д.

Для выполнения основных задач, поставленных в Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, государство может прибегнуть к такому инструменту, как научно-технологические платформы (НТП). Они позволяют, во-первых, эффективно решать задачи в разных отраслях экономики. Во-вторых, быть полезными, как для представителей власти, бизнеса, гражданского общества, так и для научно-образовательного сообщества.

Активное использование информационно-коммуникационных технологий наблюдается во всех отраслях и сферах экономики, происходит замещение труда человека, сокращение степени непосредственного его участия в процессе производства продукции. Современный уровень развития информационно-коммуникационных технологий способствует совершенствованию процесса трансфера технологий, обеспечивает эффективный механизм взаимодействия различных субъектов трансферного механизма.

Создаваемая цифровая платформа «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство» объединяет современные разработки научных учреждений аграрного профиля в едином центре, что позволяет снизить время трансфера технологий. Одним из достоинств разрабатываемой платформы должно стать простота интерфейса, доступность информации, возможность установления прямого контакта между потребителями и разработчиками новых технологий.

Успех научно-технологической платформы зависит от пользователей. Она помогает обеспечить непрерывный процесс, необходимый для улучшения взаимодействия с клиентами, сотрудниками и партнерами, поэтому при создании научно-технологической платформы «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство» разработчики ориентировались на конечных пользователей, будь то крупные, средние или мелкие сельскохозяйственные предприятия.

Фактически, научно-технологическая платформа «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство» должна стать инструментом, координирующим развитие ключевых технологий в сельском хозяйстве, оказывающим непосредственное влияние на инновационный климат в стране, влияющим на расширение высокопрофессиональной занятости на предприятиях аграрного профиля (табл.).

Таблица – Стратегические цели и задачи научно-технологической платформы «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство»

Основные стратегические цели в рамках инновационной политики России	Повышение конкурентоспособности сельского хозяйства за счет развития исследований и разработок. Увеличение государственных и частных расходов на научные исследования
Стратегические задачи на отраслевом уровне	Координация действий по развитию ключевых технологий между секторами аграрного сектора. Улучшение инновационной климата в стране. Расширение высокопрофессиональной занятости в сельском хозяйстве
Текущие задачи	Поддержка кооперации и сетевого сотрудничества в области разработки новых технологий. Привлечение различных источников финансирования, включая средства государства и частного сектора, прочих источников (кредитных и фондовых) для реализации стратегии развития новых технологий. Снижение административных и других барьеров разработки, реализации и диффузии новых технологий. Определение будущих потребностей в области сельского хозяйства подготовки высокопрофессиональных кадров, организация образовательных программ

Заключение.

Подводя итог, необходимо отметить, что научно-технологическая платформа «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство» является высокоэффективным инструментом по объединению усилий государства, науки, бизнеса для обеспечения технологических прорывов и инновационного развития сельского хозяйства страны.

Научно-технологическая платформа «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство» будет:

- обеспечивать проведение согласованного бизнес-ориентированного анализа исследовательских и инновационных ограничений и возможностей, связанных с экономическими проблемами;
- привлекать сельхозтоваропроизводителей и других игроков внутри страны к партнерской работе по согласованным приоритетам;
- распространять информацию и активизировать передачу знаний широкому кругу игроков внутри страны.

Научно-технологическая платформа «Трансфер технологий: современное сельское хозяйство» создаст условия, в которых научные учреждения и отдельные бизнес-структуры будут заинтересованы в продвижении новых технологий и их использовании, при этом консолидация научных достижений в аграрной сфере будет являться одним из ключевых факторов роста эффективности сельского хозяйства России в современных условиях.

Список источников

1. Kenney M., Zysman J. The Rise of the Platform Economy. Issues in science and technology. 2016; 32(3):.61-69.
2. Месропян В. Цифровые платформы — новая рыночная власть. - URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment>
3. Ершова Т.В., Хохлов Ю.Е. Цифровые платформы для исследований и разработок // Информационное общество. - 2017. - № 6. - С. 64–71.
4. Добридюк С.Л. Цифровые платформы научных исследований // Цифровые платформы для исследований. - URL: <https://ppt-online.org/393440>
5. Онищенко Е.В., Гордиенко С.В. Трансформация понятия «технологическая платформа» в контексте тенденций инновационного развития мировой экономики // Вопросы инновационной экономики. - 2020. - Том 10. - № 3. - С. 1449-1466.
6. Орлова Л.С. Тенденции развития и внедрения цифровых платформ // Креативная экономика. - 2021. - Том 15. - №1. - С. 35–44.
7. Рудник П.Б. Технологические платформы в практике российской инновационной политики // Форсайт. – 2011. - №1. - С.16-25.

8. Silva V.L., Kovaleski J.L., Pagani R.N. Technology Transfer and Human Capital in the Industrial 4.0 Scenario: A Theoretical Study. *FUTURE STUDIES RESEARCH JOURNAL*. 2019; 11(1): 102 – 122.
9. Etzkowitz, H.; Leydesdorff, L. The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations. *Research Policy*. 2000; (29): 109-123.
10. Mazurkiewicz A., Giesko T., Poteralska B. & Tan K.H. (2021) Crossing the chasm: overcoming technology transfer barriers resulting from changing technical requirements in the process of innovation development in R&D organisations, *Technology Analysis & Strategic Management*.
11. Долгосрочный прогноз научно-технологического развития Российской Федерации (до 2030 года). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70484380/>
12. Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 N 7. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/
13. Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2020 N 993-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года». - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350437/2f503636811b985ecfc7c2a52a18a0b71b04724f/
14. Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem/
15. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11, No 6. С. 22–36.
16. Цифровые платформы. – URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/>

References

1. Kenney M., Zysman J. *The Rise of the Platform Economy*. Issues in science and technology. 2016; 32(3):.61-69
2. Mesropyan V. Digital platforms — the new market power. - URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=46781&p=attachment>
3. Ershova T.V., Khokhlov Yu.E. Digital platforms for research and development. *Information Society*. 2017; (6): 64-71.
4. Dobridnyuk S.L. Digital platforms of scientific research. Digital platforms for research. - URL: <https://ppt-online.org/393440>
5. Onishchenko E.V., Gordienko S.V. Transformation of the concept of "technological platform" in the context of trends in the innovative development of the world economy. *Issues of innovative economy*. 2020; 10(3): 1449-1466.
6. Orlova L.S. Trends in the development and implementation of digital platforms. *Creative Economy*. 2021; 15(1): 35-44.
7. Rudnik P.B. Technological platforms in the practice of Russian innovation policy. *Foresight*. 2011;(10):16-25.
8. Silva V.L., Kovaleski J.L., Pagani R.N. *Technology Transfer and Human Capital in the Industrial 4.0 Scenario: A Theoretical Study*. *FUTURE STUDIES RESEARCH JOURNAL*. 2019; 11(1): 102 – 122.
9. Etzkowitz, H.; Leydesdorff, L. *The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university–industry–government relations*. *Research Policy*. 2000;(29): 109-123.

10. Mazurkiewicz A., Giesko T., Poteralska B. & Tan K.H. (2021) Crossing the chasm: overcoming technology transfer barriers resulting from changing technical requirements in the process of innovation development in R&D organisations, *Technology Analysis & Strategic Management*.

11. Long-term forecast of scientific and technological development of the Russian Federation (until 2030). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70484380/>

12. Passport of the national project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 7 dated 04.06.2019. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/

13. Order of the Government of the Russian Federation dated 12.04.2020 N 993-r "On approval of the Strategy for the development of agro-industrial and fisheries complexes of the Russian Federation for the period up to 2030". - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350437/2f503636811b985ecfc7c2a52a18a0b71b04724f/

14. The concept of state regulation of digital platforms and ecosystems. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/

15. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. Digital platforms in the economy: essence, models, development trends. *Scientific and technical bulletin of SPbGPU. Economic sciences*. 2018; 11(6): 22-36 (In Russ).

16. Digital platforms. – URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-platformy/>

Информация об авторах

Н.В. Уколова – доктор экономических наук;

С.В. Монахов - кандидат экономических наук;

Н.А. Новикова - кандидат экономических наук.

Information about the authors

N.V. Ukolova - Doctor of Economic Sciences;

S.V. Monahov - Candidate of Economic Sciences;

N.A. Novikova - Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 14.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 14.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 27-32.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 27-32.

Научная статья
УДК 338.43

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМУ ПРОЕКТИРОВАНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Наталия Владимировна Решетникова¹, Марина Евгеньевна Кадомцева²

¹² Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия
¹² iagpran@mail.ru

Аннотация. В современных условиях малые предприятия агропродовольственного комплекса вносят значительный вклад в обеспечение продовольственной безопасности России, поэтому исследование механизмов роста их производственного потенциала представляет особый научный и практический интерес. В условиях высокой степени неопределенности экономической ситуации реальный сектор экономики особенно остро нуждается в государственной поддержке и определении стратегических направлений развития. Спрос на продукцию агропродовольственного комплекса низкоэластичен, поскольку потребность в питании относится к первоочередным насущным потребностям человека. Новая реальность функционирования малых предприятий агропродовольственного комплекса обуславливает необходимость оценки влияния институциональной составляющей государственного регулирования и поддержки, современных трендов развития экономики на стратегическое развитие малых предприятий агропродовольственного комплекса.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, институциональная среда, малые предприятия, стратегическое развитие, институциональное проектирование, продовольственная безопасность, государственная программа

Для цитирования: Решетникова Н.В., Кадомцева М.Е. Методологические подходы к институциональному проектированию стратегического развития малых форм хозяйствования в агропродовольственном комплексе // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 27-32.

Original article

METHODOLOGICAL APPROACHES TO INSTITUTIONAL DESIGN OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF SMALL FORMS OF ECONOMY IN THE AGRO-FOOD COMPLEX

Nataliya V. Reshetnikova¹, Marina E. Kadomtseva²

¹² Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia,
¹² iagpran@mail.ru

Abstract. *In modern conditions, small enterprises of the agro-food complex make a significant contribution to ensuring the food security of Russia, so the study of the mechanisms for increasing their production potential is of particular scientific and practical interest. In conditions of a high degree of uncertainty, the real sector of the economy is especially in dire need of state support and the determination of strategic directions for development. Demand for the products of the agro-food complex is low-elastic, since the need for nutrition is one of the most urgent human needs. The new reality of the functioning of small enterprises in the agro-food complex makes it necessary to assess the impact of the institutional component of state regulation and support, modern trends in the development of the economy on the strategic development of small enterprises in the agro-food complex.*

Key words: *agro-food complex, institutional environment, small enterprises, strategic development, institutional design, food security, government program*

For citation: *Reshetnikova N.V., Kadomtseva M.E. Methodological approaches to the institutional design of the strategic development of small forms of economy in the agro-food complex // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022; (1):27-32.*

Введение.

Стратегия развития малых форм хозяйствования в агропродовольственном комплексе в целях стабилизации экономики должна отвечать новым требованиям времени и обладать гибкостью и персонализированным подходом для малых форм хозяйствования различных типов. В этой связи представляется актуальным развитие теоретико-методологических подходов к разработке и обоснованию дифференцированной стратегии развития малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса. Целесообразно дифференцировать направления стратегического развития и государственную поддержку для малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса различных типов. Выявление особенностей функционирования малых форм хозяйствования различных типов и разработка дифференцированных стратегий развития позволит малым формам хозяйствования агропродовольственного комплекса максимально использовать свой потенциал и внести достойный вклад в развитие экономики России. Моделирование дифференцированных стратегий их развития в зависимости от возможностей и уязвимых сторон, с учетом факторов внешних влияний и имеющегося потенциала, целесообразно осуществлять с учетом особенностей различных типов малых форм хозяйствования.

Прогноз развития российского агропродовольственного комплекса до 2035 года предполагает два магистральных стратегических направления развития: ориентация малых форм хозяйствования на внутренний рынок и его насыщение, а также вовлечение малых субъектов хозяйствования в экспортную деятельность [1, с. 24]. В соответствии с обозначенными векторами перспективными направлениями являются стратегии вертикальной и горизонтальной интеграции малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса, развития малых форм хозяйствования на внутреннем рынке, в том числе в сегменте экологически чистой органической продукции.

Научная новизна исследования заключается в институциональном проектировании стратегии развития малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса; обосновании дифференцированного подхода к формированию экономических институтов государственной поддержки с учётом особенностей различных типов малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса; рассмотрения стратегии развития малого предпринимательства в агропродовольственном комплексе как существенного фактора успешной адаптации национальной экономической системы в условиях новых глобальных вызовов. Научная задача, на решение которой направлено исследование, заключается в выявлении воздействия комплекса внешних и внутренних факторов на функционирование малых предприятий агропродовольственного комплекса, как одного из важнейших элементов продовольственной безопасности страны.

Цель исследования заключается в теоретико-методологическом обосновании направлений стратегического развития малых предприятий агропродовольственного комплекса как фактора устойчивого развития экономики России. Научная идея исследования заключается в разработке дифференцированных стратегий развития малых предприятий агропродовольственного комплекса на основе комплексного подхода, включающего согласованное функционирование институциональной составляющей и производственно-сбытовых цепочек.

Методы исследования.

Информационной базой исследования послужили материалы территориальных подразделений Федеральной службы статистики, отчеты Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Работа с информационными массивами осуществлялась с использованием математико-статистических методов, что позволило выявить производственно-экономические взаимосвязи. В качестве основных методологических подходов в статье использованы: системный, комплексный и функциональный подходы. Рассмотрение агропродовольственного комплекса как целостной системы позволяет определить внутренние и внешние взаимосвязи функционирования комплекса. Также использованы общенаучные методы познания (исторический и логический, сравнительный и системно-структурный) и традиционные методы экономического анализа.

Результаты исследования.

Стратегия регионального развития должна рассматриваться как система мероприятий, направленных на реализацию долгосрочных задач социально-экономического развития с учетом рационального вклада в решение этих задач, определяемого реальными предпосылками и ограничениями их развития.

При разработке гибкой и дифференцированной стратегии развития хозяйствующих субъектов в АПК важно учитывать структурную составляющую. Например, в регионах с большим размером посевных (посадочных) площадей основную долю в структуре производства продукции растениеводства занимают крупные интегрированные структуры. В регионах с меньшим размером посевных (посадочных) площадей преобладают в структуре производителей хозяйства населения (рис. 1).

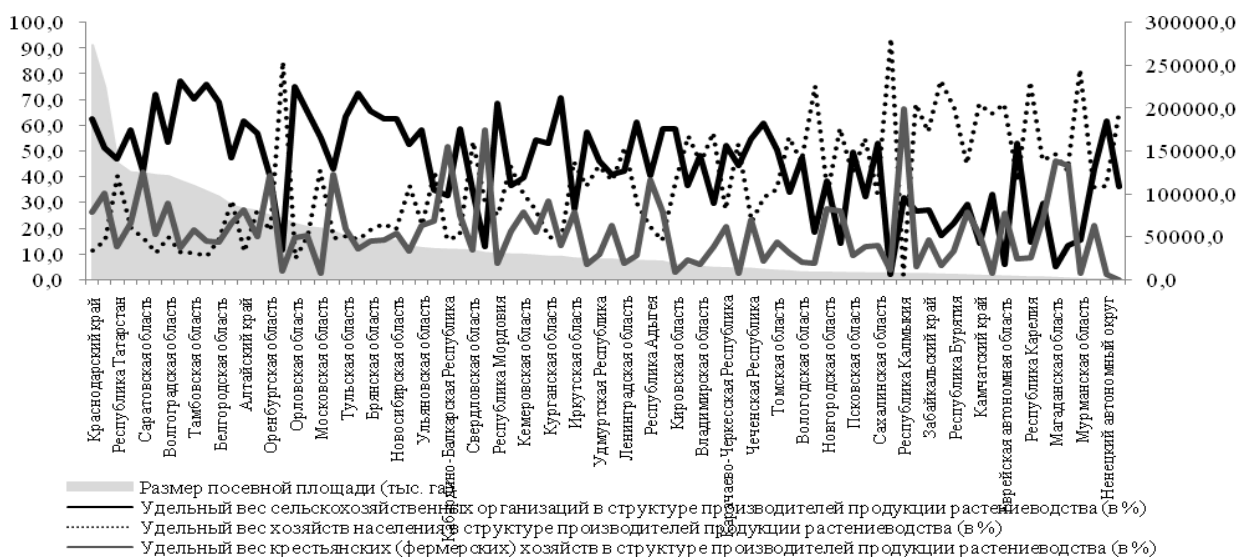

Рисунок 1 – Удельный вес сельскохозяйственных организаций, К(Ф)Х и хозяйств населения в структуре производства продукции растениеводства

В подотрасли животноводства в регионах с благоприятными природно-климатическими условиями преобладают хозяйства населения. Для более Северных регионов характерен рост доли К(Ф)Х в структуре производителей животноводческой продукции (рис. 2)

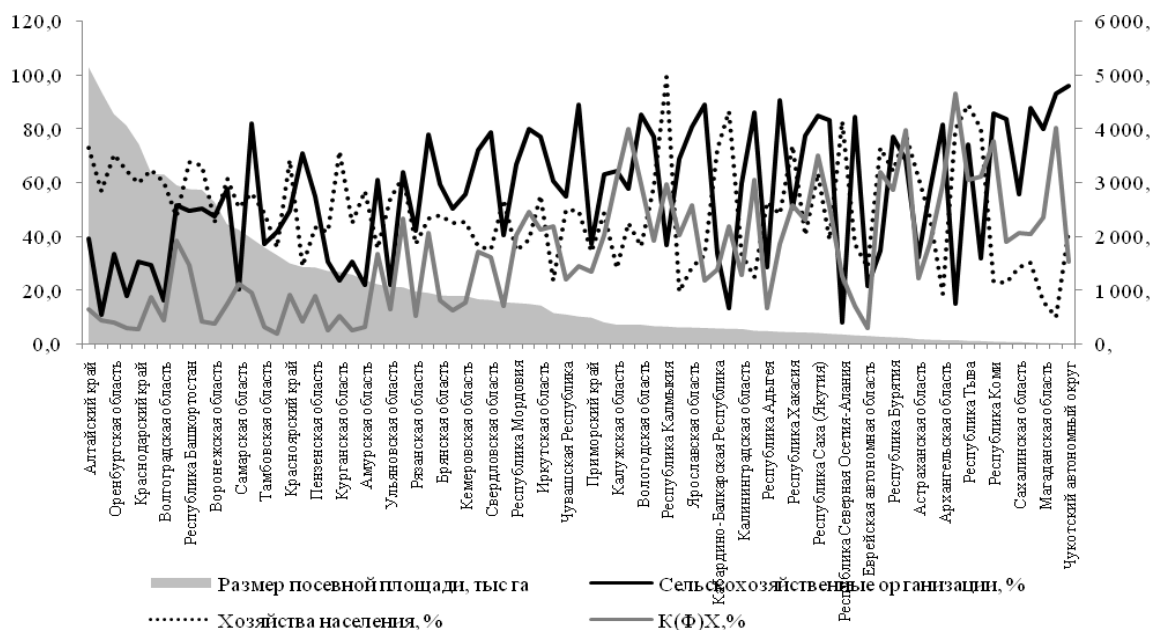

Рисунок 2 – Удельный вес сельскохозяйственных организаций, К(Ф)Х и хозяйств населения в структуре производства продукции животноводства

В качестве результата исследования тенденций и динамики развития малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса можно рассматривать оценку уровня воздействия внешних и внутренних факторов на функционирование малых предприятий агропродовольственного комплекса, определение новых подходов и направлений развития экономики агропродовольственного комплекса, а также выявление возможностей повышения эффективности уже реализуемых государственных мер.

Комплексный анализ конкурентных преимуществ и слабых сторон малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса целесообразен для выделения их особенностей. Это позволит разработать дифференцированные стратегии развития малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса в зависимости от их типов: стратегию вертикальной и горизонтальной интеграции малых форм хозяйствования АПК, вовлечения малых форм хозяйствования АПК в экспортную деятельность, развития малых форм хозяйствования АПК на внутреннем рынке, в том числе в сегменте экологически чистой органической продукции. Всесторонний анализ динамики основных параметров развития малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса позволит выработать рекомендации по обеспечению их устойчивого функционирования в условиях различных состояний экономической системы, что важно для обеспечения продовольственной безопасности страны.

Изменение природно-климатических условий, фактическое снижение государственной поддержки, введение экспортных пошлин и макроэкономическая нестабильность - снижают долю малых форм хозяйствования в подотрасли растениеводства. Вместе с тем, субсидии на реализацию отдельных мероприятий, направленных на развитие растениеводства, для личных подсобных хозяйств до 2021 года были недоступны.

Практика получения крестьянскими (фермерскими) хозяйствами государственных субсидий показала, что наиболее охотно малые агропроизводители используют линейку программ поддержки для строительства и благоустройства животноводческих помещений и приобретения техники. В соответствии с Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [3] для данной категории производителей предусмотрены субсидии на:

- содержания дойных коров, кобыл старше 3 лет;
- строительство мини-ферм молочного направления (главным условием является построенное на 50% помещение и не более 2 лет строительства);
- приобретение племенного поголовья животных и птиц.

В современных условиях наибольшую сложность для хозяйств представляет оформление бумаг для получения господдержки и выдерживание сроков. Недостаточная информированность, отсутствие должной юридической консультации и помощи в оформлении документов и отчетности являются факторами, сдерживающими активность малых предпринимателей [5, с. 93].

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 года №2451 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» внесены изменения в список получателей государственной поддержки. С 1 января 2022 года на бюджетные субсидии стали претендовать «личные подсобные хозяйства, ведение которых осуществляют граждане, применяющие специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» [4]. Учитывая опыт получения бюджетных субсидий К(Ф)Х, можно заключить, что личные подсобные хозяйства в ходе участия в программах поддержки столкнутся с инфраструктурными ограничениями. Текущие экономические тенденции привели к нарушению большинства имеющихся продуктовых цепочек. Это дает основание полагать, что многим ЛПХ по-прежнему останется проще выращивать, в частности, крупный рогатый скот для внутреннего потребления, сдавать излишки продукции в посреднические структуры или реализовывать их на местных рынках. Помимо прочего, существует ряд технико-технологических факторов, сдерживающих производство и реализацию мясо-молочной продукции малыми формами хозяйствования, а также их участие в грантах и получении субсидий. К ним относятся: ветеринарное сопровождение, правильный забой скота в специализированных (аккредитованных) местах, сертификация продукции и т.д. Каждый этап предполагает финансовые расходы, что делает животноводческую деятельность малых форм хозяйствования еще менее рентабельной.

Заключение.

Агропродовольственный комплекс испытывает потребность соответствовать новым требованиям времени, адаптироваться под климатические, внутренние социально-экономические, технологические и макроэкономические тренды [6, с. 30]. Государственное регулирование агропродовольственного комплекса России должно учитывать современный тренд развития, факторы, в наибольшей степени оказывающие влияние на текущие стратегические ориентиры малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса. Материалы статьи могут представлять научную основу для выработки рекомендаций по совершенствованию государственного регулирования и поддержки развития малых предприятий агропродовольственного комплекса. Предлагаемый методический подход к особенностям исследования разных типов малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса позволит разрабатывать и внедрять стратегические программы развития, определить направление государственного регулирования и потребность в государственной поддержке.

Для решения стратегических задач необходима комбинация факторного анализа и межотраслевого подхода к исследованию институционального проектирования развития малых форм хозяйствования агропродовольственного комплекса. Практическая реализация такого методологического подхода может стать действенным инструментом государственного регулирования и поддержки отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Полученные результаты могут быть использованы органами государственной власти при разработке стратегических документов, а также выработке подходов к государственной поддержке малых предприятий агропродовольственного комплекса. Предложенные в статье теоретико-методологические положения и практические рекомендации по стратегическому развитию малых предприятий агропродовольственного комплекса в условиях новых глобальных вызовов могут быть внедрены федеральными и региональными органами власти при реализации аграрной политики, политики импортозамещения и программ поддержания устойчивого развития.

Список источников

1. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентова, М.Ю. Мореханова, Т.В. Блинова и др.; под общ. ред. Т.В. Блиновой. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. 413 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 1242 с
3. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/815/events/>
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 года №2451 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310067>
5. Бурлаков В.Б., Кадомцева М.Е. Социально-экономическая значимость информационно-консультационных служб (на примере Саратовской области) // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 91-97.
6. Решетникова Н.В., Кадомцева М.Е., Рябчикова Н.Н., Дробышевский А.А. Вектор развития агропродовольственного комплекса России в системе стратегических приоритетов // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2018. № 1. С. 29.

References

1. National food security of Russia: strategic priorities and conditions of provision / A.A. Anfinogentova, M.Yu. Morehanova, T.V. Blinova, S.A. Andrushenko, etc.; under the general editorship of T.V. Blinova. Saratov: Publishing house "Saratov source", 2018. 413 p. (In Russ)
2. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020: Stat. sat. / Rosstat. M. Moscow, 2020. 1242 s. (In Russ)
3. The State program for the development of agriculture and regulation of agricultural products, raw materials and food markets. - URL: <http://government.ru/rugovclassifier/815/events/>
4. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 2451 of December 24, 2021 "On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation on the Implementation of the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food Markets". – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310067> (In Russ)
5. Burlakov V.B., Kadomtseva M.E. Socio-economic significance of information and consulting services (on the example of the Saratov region). *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2020; (3): 91-97. (In Russ)
6. Reshetnikova N.V., Kadomtseva M.E., Ryabchikova N.N., Drobyshevsky A.A. Vector of development of the agro-food complex of Russia in the system of strategic priorities. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2018; (1): 29. (In Russ)

Информация об авторах

*Н.В. Решетникова – кандидат экономических наук;
М.Е. Кадомцева – кандидат экономических наук.*

Information about the author

*N.V. Reshetnikova – Candidate of Economic Sciences;
M.E. Kadomtseva – Candidate of Economic Sciences.*

*Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022;
принята к публикации 15.04.2022.*

*The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 15.03.2022;
accepted for publication 15.04.2022.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 33-43.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 33-43.

Научная статья
УДК 332.021

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Владимир Данилович Иосипенко
Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье представлено обоснование региональных диспропорций параметров уровня жизни населения, дан анализ современного состояния экономической доступности продовольствия в региональном разрезе. Отражен опыт зарубежных стран в области регионального планирования для решения назревших проблем пространственного развития, подчеркнута необходимость совершенствования межбюджетных взаимоотношений.

Ключевые слова: пространственное развитие, региональная дифференциация уровня жизни, экономическая доступность продовольствия, региональная экономическая политика, межбюджетные взаимоотношения, механизмы финансового выравнивания.

Для цитирования: Иосипенко В.Д. Региональные особенности достижения экономической доступности продовольствия // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С 33-43.

Original article

REGIONAL CHARACTERISTICS OF ACHIEVING FOOD ECONOMIC ACCESSIBILITY

Vladimir D. Iosipenko
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article presents the rationale for regional disproportions in the parameters of the standard of living of the population, and analyzes the current state of food economic accessibility in the regional context. The experience of foreign countries in the field of regional planning for solving urgent problems of spatial development is reflected, the need to improve interbudgetary relations is emphasized.

Key words: spatial development, regional differentiation of living standards, food economic accessibility, regional economic policy, interbudgetary relations, financial equalization mechanisms.

For citation: Iosipenko V.D. Regional characteristics of achieving food economic accessibility // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022; (1):33-43.

Введение.

При рассмотрении проблем в сфере совершенствования региональной политики, повышения эффективности государственного регулирования регионального развития важно дать теоретико-методологическое обоснование взаимосвязи базовых категорий, обеспечить терминологическую четкость понятийного аппарата исследования. Базовыми и достаточно близкими категориями при анализе состояния территориальных проблем являются понятия: «пространственное развитие», «региональное развитие», «региональная экономика», «региональное экономическое развитие». В Стратегии пространственного развития России на период до 2025 года сущность термина «пространственное развитие» определена, как: совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития [1]. В экономической литературе встречаем трактовку пространственного развития как комплекса организационных, нормативных и институциональных действий по управлению пространственными изменениями [2]. Значительный размер территории страны, её неоднородность по объему располагаемых различных видов ресурсов, величине экономического потенциала обуславливают необходимость разделения экономического пространства на регионы, использования для анализа и прогнозирования динамики территориальных диспропорций, их сокращения и устранения методов региональной экономической политики. Следует отметить, что предметом региональной экономики, лежащей в основе региональной экономической политики, является несколько важнейших составляющих, а именно: экономика отдельного региона; экономические связи между регионами; региональные системы, когда национальная экономика рассматривается как система взаимодействующих регионов; размещение производительных сил; региональные аспекты экономической жизни [3]. Эффективное пространственное развитие возможно через сбалансированное региональное экономическое развитие. В основе осуществления государственной региональной политики на современном этапе лежит Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. N 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», в котором государственная политика регионального развития рассматривается как система приоритетов, целей, задач, мер федеральных органов государственной власти по всестороннему развитию субъектов страны [4]. К основным проблемам пространственного развития страны в разделе 3 Указа отнесён высокий уровень межрегионального социально-экономического неравенства. Целью пространственного развития России данным нормативно-правовым актом определено обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны, предполагающее, в том числе, смягчение межрегиональных различий уровня и качества жизни населения, а также снижение внутрирегиональных социально-экономических различий.

Цель исследования – на основе анализа современного состояния межрегиональной дифференциации экономической доступности продовольствия направления совершенствования региональной экономической политики для обеспечения устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны.

Методика исследований.

В процессе исследования теоретико - методологических и организационно-экономических вопросов смягчения региональных различий параметров экономической доступности продовольствия использованы абстрактно - логический и монографический методы, метод группировок. Их применение дало возможность сформулировать рекомендации по совершенствованию региональной экономической политики, направленные на преодоление существующих территориальных социально-экономических диспропорций.

Результаты исследований.

Вопросы совершенствования государственной региональной политики постоянно являются предметом научных обсуждений, в ходе которых высказываются аргументированные предложения, направленные на сглаживание параметров уровня жизни по регионам страны [5]. Одним из ключевых показателей уровня жизни населения является показатель фактиче-

ского потребления основных продуктов питания, а также его соотношение с рациональной нормой потребления или экономическая доступность продовольствия. Состояние экономической доступности продовольствия в целом по всем домохозяйствам РФ представлено в таблице 1.

Таблица 1 - Динамика фактического потребления основных продуктов питания в РФ в 2000 - 2020 г.г. (в среднем на потребителя в год, кг)

Продукты питания	2000	2010	2020	В % к рациональной норме потребления
Хлебные продукты	109	102	96	100,0
Картофель	93	66	56	62,2
Овощи и бахчевые	82	97	104	74,3
Фрукты и ягоды	27	70	77	77,0
Мясо и мясопродукты	50	79	92	126,0
Молоко и молочные продукты	199	263	272	83,7
Яйца, шт.	202	221	240	92,3
Рыба и рыбопродукты	14	21	22	100,0
Сахар и кондитерские изделия	30	33	31	129,2

Примечание: рассчитано автором на основе статистических данных [6]

Как видно из таблицы 1 на протяжении последних двадцати лет в сфере потребления продовольствия в целом по всем домохозяйствам РФ произошел ряд позитивных изменений. Выросло фактическое потребление наиболее ценных в питательном отношении продуктов: фруктов и ягод – в 2,9 раза, мяса и мясопродуктов – в 1,8 раза, рыбы и рыбопродуктов – в 1,6 раза, молока и молочных продуктов – в 1,4 раза, овощей – в 1,3 раза, яиц – в 1,2 раза. Положительным моментом явилось снижение потребления хлебных продуктов - на 12 %, означающее совершенствование модели потребления посредством наращивания в структуре питания продуктов животного происхождения. В качестве позитивного момента следует отметить некоторое снижение потребления сахара за последние десять лет – на 6 %, поскольку норма рационального потребления данного продукта была превышена ещё в 2000 году. Вместе с тем существенной проблемой сферы потребления продовольствия остается уровень экономической доступности основных продуктов питания. Экономическая доступность в целом по всем домохозяйствам РФ в 2020 году была характерна для таких продуктов, как: мясо и мясопродукты (126,0 % к уровню рациональной нормы потребления), сахар и кондитерские изделия (129,2 %), рыба и хлебные продукты (100,0 %). Не был достигнут уровень экономической доступности по таким важным для жизнедеятельности человека продуктам, как: овощи - на 25,7%, фрукты – на 23 %, молоко и молочные продукты – 16,3 %, яйца – на 7,7 %. Все это свидетельствует о недостаточном платежеспособном спросе населения на продовольствие в 2020 году в силу сокращения реальных доходов населения, начиная с 2014 года.

При рассмотрении исследуемых параметров в региональном разрезе можно видеть особенности достижения экономической доступности основных продуктов питания в территориальных составляющих страны (таблица 2).

Картина приближения домохозяйствами федеральных округов к рациональной норме потребления разнообразна, видна дифференциация потребления основных продуктов питания. По потреблению мясных продуктов в 2020 году дифференциация составила 1,15 раза: максимальные значения были характерны для Центрального федерального округа (99,4 кг), минимальные – для Северо-Кавказского федерального округа (82,5 кг). Фактическое среднедушевое потребление мясных продуктов было выше рациональной нормы потребления на 73 кг в год на потребителя. По потреблению молока и молочных продуктов в 2020 году дифференциация составила 1,26 раза: максимальные значения были характерны для Северо-Западного федерального округа (300,2 кг), минимальные – для Дальневосточного федерального округа (237,4 кг).

Таблица 2 - Соотношение среднедушевого потребления основных продуктов питания и рациональной нормы потребления в федеральных округах РФ в 2020 году (%)

Продукты питания	Хлебные продукты	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясопродукты	Молоко и молочные продукты	Яйца, шт.	Рыба и рыбопродукты	Сахар и кондитерские изделия
Федеральные округа									
Центральный	96,6	62,2	74,8	78,1	136,2	88,0	96,5	114,1	122,5
Северо-Западный	88,5	63,0	73,6	78,6	125,2	92,3	91,5	84,1	131,7
Южный	97,2	59,0	88,5	77,3	132,3	81,8	97,3	100,9	129,2
Северо-Кавказский	138,3	77,9	89,8	89,3	113,0	91,8	87,3	83,6	155,0
Приволжский	103,1	61,7	71,3	77,2	121,6	80,5	91,2	95,9	135,8
Уральский	94,2	53,0	70,2	79,2	125,8	80,2	86,9	98,2	134,6
Сибирский	96,3	71,8	65,6	69,1	118,8	75,8	88,8	96,4	122,1
Дальневосточный	96,0	59,7	59,6	67,4	118,4	73,0	84,2	116,8	117,5

Примечание: рассчитано автором на основе статистических данных [6]

Фактическое среднедушевое потребление молока ни в одном из федеральных округов не достигло рациональной нормы потребления в 325 кг в год на потребителя. По потреблению фруктов и ягод в 2020 году дифференциация составила 1,32 раза: максимальные значения были характерны для Северо-Кавказского федерального округа (89,3 кг), минимальные – для Дальневосточного федерального округа (67,4 кг). Фактическое среднедушевое потребление фруктов ни в одном из федеральных округов не достигло рациональной нормы потребления в 100 кг в год на потребителя. По потреблению овощей в 2020 году дифференциация составила 1,5 раза: максимальные значения были характерны для Северо-Кавказского федерального округа (125,7 кг), минимальные – для Дальневосточного федерального округа (83,5 кг). Фактическое среднедушевое потребление овощей ни в одном из федеральных округов не достигло рациональной нормы потребления в 100 кг в год на потребителя. По потреблению яиц в 2020 году дифференциация составила 1,16 раза: максимальные значения были характерны для Южного федерального округа (253 шт. в год на потребителя), минимальные – для Дальневосточного федерального округа (219 шт.). Фактическое среднедушевое потребление яиц ни в одном из федеральных округов не достигло рациональной нормы потребления в 260 штук в год на потребителя. По потреблению рыбы и рыбопродуктов в 2020 году дифференциация составила 1,4 раза: максимальные значения были характерны для Дальневосточного федерального округа (25,7 кг), минимальные – для Северо-Кавказского федерального округа (18,4 кг). Фактическое среднедушевое потребление рыбы и рыбопродуктов превышало рациональную норму потребления в 22 кг в год на потребителя в Центральном, Южном и Дальневосточном федеральных округах. По потреблению хлебных продуктов в 2020 году дифференциация составила 1,56 раза: максимальные значения были характерны для Северо-Кавказского федерального округа (132,8 кг), минимальные – для Северо-Западного федерального округа (85,0 кг). Фактическое среднедушевое потребление хлебных продуктов превышало рациональную норму потребления в 96 кг в год на потребителя в Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах. По потреблению картофеля в 2020 году дифференциация составила 1,32 раза: максимальные значения были характерны для Северо-Кавказского федерального округа (70,1 кг), минимальные – для Южного федерального округа (53,1 кг). Фактическое среднедушевое потребление картофеля ни в одном из федеральных округов не достигло рациональной нормы потребления в 90 кг в год на потребителя. По потреблению сахара в 2020 году дифференциация составила 1,31 раза: максимальные значения были характерны для Северо-Кавказского федерального округа (37,2 кг), минимальные – для Дальневосточного федерального округа (28,2 кг). Фактическое среднедушевое потребление сахара и кондитерских изделий во всех федеральных округах превысило уровень рациональной нормы потребления в 24 кг в год на потребителя. Наибольшая региональная дифференциация имела место по потреблению таких продуктов как хлебные продукты,

картофель и сахар, находилась в интервале 1,31-1,56 раза. По более ценным в питательном отношении продуктам животного происхождения, таким, как мясо и яйца дифференциация была несколько меньше, находилась в интервале 1,16 -1,2 раза.

Одним из направлений выравнивания социально-экономического развития регионов называют перераспределение финансовых ресурсов между различными уровнями власти и оказание финансовой поддержки на основе бюджетных и внебюджетных инструментов [7]. В процессе обоснования направлений совершенствования региональной политики важно исследование опыта зарубежных стран, в том числе в вопросе осуществления регионального планирования, как эффективного инструмента региональной политики. Интересным является накопленный опыт регионального планирования в Германии, которое берет свое начало в период после окончания Первой мировой войны. В 1920 году для решения комплекса возникших экономических, социальных, экологических проблем семнадцать городов и одиннадцать округов страны создали добровольную ассоциацию «Союз поселения угольно добывающего района Рур». Данная ассоциация занималась вопросами определения зон застойки, экологии и развития системы общественного транспорта. Во времена Веймерской республики в стране были созданы около тридцати ассоциаций, возникших посредством добровольного объединения административных районов, в тридцатые годы прошлого столетия они были преобразованы в ассоциации регионального планирования. В этот период времени в Германии уже действовал центральный национальный орган, имеющий значительные полномочия в сфере регионального планирования [8]. После Второй мировой войны многие районы Германии стали депрессивными, поскольку ряд производств были перемещены в развивающиеся страны с дешевой рабочей силой, это вызвало необходимость активизации использования инструментов регионального планирования. В шестидесятые годы прошлого столетия законодательно была оформлена необходимость разработки регионального плана развития земли, который занимает важнейшее место в системе территориального развития и в сегодняшней обстановке.

В настоящее время региональное планирование Германии основывается на принципах программы «Agenda 21», утвержденной в Рио де Жанейро в 1992 году. Германия реализует стратегию стабильности, предполагающую сбалансированность экономических, социальных и экологических факторов развития при условии эффективного использования ресурсов [9]. Основные принципы сформулированы в федеральном законе о региональном планировании. Национальное правительство определяет территориальные принципы планирования [10]. В пределах утвержденных правовых рамок национальное правительство дает полномочия немецким федерациям в сфере территориального планирования [11]. Конкретное территориальное планирование, проводимое на базе утвержденных принципов на федеральном уровне, осуществляется каждой землей самостоятельно. Координацией работы в сфере территориального планирования между национальным правительством и землями занимается Конференция министров по территориальному планированию. Главным инструментом территориального планирования является План регионального развития, принятый землей, в котором отражены основные моменты развития региона. Данный план разрабатывается для всей территории земли, в нем учитывается сложившееся состояние экономической, социальной, инфраструктурной и экологической составляющих хозяйственного комплекса региона [12]. Все принимаемые решения предполагают проведение консультаций с участниками низших уровней управления. Важным моментом является широкое участие общественности в слушаниях, в принятии решений по всем вопросам территориального развития, которое закреплено в соответствующих нормативно-правовых актах. В процессе формирования и проведения региональной политики в Германии применяются механизмы государственно - частного партнерства, взаимодействия государственного, частного секторов и гражданского общества, сотрудничества региональных органов управления и муниципалитетов [13]. По мнению аналитиков, в условиях, когда в нашей стране региональное планирование недостаточно связано с финансовым планированием целесообразно учитывать опыт Германии в части повышения самостоятельности регионов. В настоящее время значительная часть ресурсов регионов, по

оценке специалистов, направлена не на реализацию стратегических целей, а на оперативное управление и выполнение поручений федерального уровня [14]. Для Германии характерна уникальная система вертикального и горизонтального финансового выравнивания, в которой в качестве инструментов вертикального выравнивания выступают субсидии, компенсационные выплаты и гранты, а инструментом горизонтального выравнивания является, в частности, перераспределение между землями налога на добавленную стоимость [15]. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 21 апреля 2021 было уделено внимание вопросу обеспечения долгосрочной устойчивости региональных и муниципальных финансов, повышению самостоятельности регионов [16]. В документе предусмотрена помощь регионам с высоким уровнем коммерческой задолженности: весь объем коммерческого долга субъекта Федерации выше 25 процентов его собственных доходов будет замещен бюджетными кредитами, которые должны быть погашены до 2029 года. Посланием предложено продлить до 2029 года сроки погашения бюджетных кредитов, которые были предоставлены регионам для реализации мер, связанных с противодействием пандемии. Новым инструментом региональной политики должны стать инфраструктурные бюджетные кредиты по ставке не более трех процентов годовых (срок погашения - 15 лет). Приоритет в получении инфраструктурных кредитов будут иметь те регионы, которые проводили взвешенную финансовую политику и имеют меньше долгов. На наш взгляд, эти важные инструменты вертикального выравнивания социально-экономического положения регионов целесообразно дополнить инструментами горизонтального финансового выравнивания по опыту стран с развитой рыночной экономикой.

Как отмечается в экономической литературе по мере разукрупнения параметров сферы потребления продовольствия имеет место тенденция к усилению различий между полярными величинами показателей потребления [17]. Следует отметить, что по мере дезагрегирования объекта исследования в процессе проведенного анализа также отмечалось нарастание уровня региональной дифференциации (таблица 3).

Таблица 3 - Потребление основных продуктов питания в 2020 году в территориальных составляющих Приволжского федерального округа (в среднем на потребителя в год, кг)

Продукты питания	Хлебные продукты	Картофель	Овощи и бахчевые	Фрукты и ягоды	Мясо и мясопродукты	Молоко и молочные продукты	Яйца, шт.	Рыба и рыбопродукты	Сахар и кондитерские изделия
Федеральные округа									
Приволжский ФО	99,0	55,0	99,8	77,2	88,8	261,7	237	21,1	32,6
Республика Башкортостан	115,7	51,6	93,4	82,2	101,8	275,5	245	23,4	38,0
Республика Марий Эл	112,8	53,0	87,8	63,7	76,9	199,0	213	14,1	36,9
Республика Мордовия	109,3	40,6	90,5	65,3	96,1	297,6	255	29,2	42,9
Республика Татарстан	86,6	70,5	95,3	84,3	76,4	281,2	225	18,7	31,7
Удмурдская Республика	90,4	60,1	105,1	86,8	70,2	249,7	208	18,6	31,7
Чувашская Республика	105,8	96,6	110,1	74,8	65,9	259,0	213	20,2	24,5
Пермский край	90,1	50,7	93,3	72,0	72,9	242,4	213	15,5	26,4
Кировская область	94,7	49,9	94,5	74,7	85,6	266,6	254	20,2	32,8
Нижегородская область	107,9	51,6	109,7	72,3	105,0	264,4	251	26,2	36,7
Оренбургская область	104,6	60,7	113,4	80,7	109,1	263,7	249	21,6	33,4
Пензенская область	105,1	54,2	95,4	68,8	93,0	242,9	242	25,5	36,7
Самарская область	86,9	38,5	87,3	68,7	86,4	237,7	243	19,5	25,3
Саратовская область	101,2	50,6	119,9	87,2	95,2	275,5	251	22,3	35,9
Ульяновская область	86,7	55,0	99,5	74,1	88,6	263,7	237	20,3	27,6

Примечание: составлено на основе статистических данных [6]

Дифференциация по потреблению мяса и мясных продуктов в территориальных составляющих Приволжского федерального округа составила 1,55 раза: максимальный уровень был характерен для Оренбургской области (109,1 кг), минимальный – для Удмурдской Рес-

публики (70,2 кг). По сравнению с межрегиональным уровнем (на уровне федеральных округов) дифференциация потребления мясных продуктов увеличилась в 1,34 раза. В трёх территориальных составляющих округа – Удмурдской Республике, Чувашской Республике и Пермском крае не была достигнута экономическая доступность мясных продуктов в среднем для всего населения. Фактическое потребление мясных продуктов в Республике Башкортостан, Республике Мордовия, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской и Саратовской областях было выше среднего уровня по округу (88,8 кг). Дифференциация по потреблению молока и молочных продуктов в территориальных составляющих Приволжского федерального округа составила 1,5 раза: максимальный уровень был характерен для республики Мордовия (297,6 кг), минимальный – для Республики Марий Эл (199,0 кг). По сравнению с межрегиональным уровнем (на уровне федеральных округов) дифференциация потребления молочных продуктов увеличилась в 1,19 раза. Ни в одной территориальной составляющей федерального округа не была достигнута экономическая доступность молочных продуктов в среднем для всего населения. Фактическое потребление молочных продуктов в Республике Башкортостан, Республике Мордовия, республике Татарстан и Саратовской области было выше среднего уровня по округу (261,7 кг). Дифференциация по потреблению фруктов и ягод в территориальных составляющих Приволжского федерального округа составила 1,36 раза: максимальный уровень был характерен для Саратовской области (87,2 кг), минимальный – для Республики Мари Эл (63,7 кг). По сравнению с межрегиональным уровнем (на уровне федеральных округов) дифференциация потребления мясных продуктов увеличилась в 1,03 раза. Ни в одной территориальной составляющей федерального округа не была достигнута экономическая доступность фруктов в среднем для всего населения. Фактическое потребление мясных продуктов в Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Удмурдской Республике, Оренбургской и Саратовской областях было выше среднего уровня по округу (77,2 кг).

Дифференциация по потреблению овощей и бахчевых в территориальных составляющих Приволжского федерального округа составила 1,37 раза: максимальный уровень был характерен для Саратовской области (119,9 кг), минимальный – для Самарской области (87,3 кг). Ни в одной территориальной составляющей федерального округа не была достигнута экономическая доступность овощей в среднем для всего населения. Фактическое потребление овощей в Удмурдской Республике, Чувашской республике, Нижегородской, Оренбургской и Саратовской областях было выше среднего уровня по округу (99,8 кг). Дифференциация по потреблению яиц в территориальных составляющих Приволжского федерального округа составила 1,22 раза: максимальный уровень был характерен для Республики Мордовия (255 штук в год на потребителя), минимальный – для Удмурдской Республики (208 штук). По сравнению с межрегиональным уровнем (на уровне федеральных округов) дифференциация потребления мясных продуктов увеличилась в 1,05 раза. Ни в одной территориальной составляющей федерального округа не была достигнута экономическая доступность яиц в среднем для всего населения. Фактическое потребление овощей в Удмурдской Республике, Чувашской Республике, Республике Мари Эл, Республике Татарстан было ниже среднего уровня по округу (237 штук). Дифференциация по потреблению рыбы и рыбопродуктов в территориальных составляющих Приволжского федерального округа составила 2,07 раза: максимальный уровень был характерен для Республики Мордовия (29,2 кг), минимальный – для Республики Мари Эл (14,1 кг). По сравнению с межрегиональным уровнем (на уровне федеральных округов) дифференциация потребления мясных продуктов увеличилась в 1,48 раза. В пяти территориальных составляющих округа – в Республике Башкортостан, Республике Мордовия, Нижегородской, Пензенской и Саратовской областях была достигнута экономическая доступность мясных продуктов в среднем для всего населения. Фактическое потребление рыбы и рыбопродуктов в Республике Башкортостан, Республике Мордовия, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской и Саратовской областях было выше среднего уровня по округу (21,1 кг). Дифференциация по потреблению хлебных продуктов в территориальных составляющих Приволжского федерального округа составила 1,34 раза: максималь-

ный уровень был характерен для Республики Башкортостан (115,7 кг), минимальный – для Республики Татарстан (14,1 кг). В таких территориальных составляющих округа как Республика Татарстан, Удмурдская Республика, Пермский край, Кировская, Самарская и Ульяновская области фактическое среднедушевое потребление хлебных продуктов было ниже рациональной нормы потребления. Фактическое потребление хлебопродуктов в Республике Татарстан, Удмурдской Республике, Пермском крае, Кировской, Самарской и Ульяновской областях было ниже среднего уровня по округу (99,0 кг). Дифференциация по потреблению картофеля в территориальных составляющих Приволжского федерального округа составила 2,5 раза: максимальный уровень был характерен для Чувашской Республики (96,6 кг), минимальный – для Самарской области (38,5 кг). По сравнению с межрегиональным уровнем (на уровне федеральных округов) дифференциация потребления картофеля увеличилась в 1,89 раза. Ни в одной территориальной составляющей федерального округа не была достигнута рациональная норма по потреблению картофеля в среднем для всего населения. Фактическое потребление картофеля в Республике Татарстан, Удмурдской Республике, Чувашской республике и Оренбургской области было выше среднего уровня по округу (55,0 кг). Дифференциация по потреблению сахара в территориальных составляющих Приволжского федерального округа составила 1,75 раза: максимальный уровень был характерен для Республики Мордовия (42,9 кг), минимальный – для Чувашской Республики (24,5 кг). По сравнению с межрегиональным уровнем (на уровне федеральных округов) дифференциация потребления картофеля увеличилась в 1,34 раза. Во всех территориальных составляющих федерального округа была превышена рациональная норма по потреблению сахара в среднем для всего населения, в республике Мордовия она была превышена в 1,8 раза. Фактическое потребление сахара в Республике Татарстан, Удмурдской Республике, Чувашской Республике, Пермском крае, Самарской и Оренбургской областях было ниже среднего уровня по округу (32,6 кг). Наиболее высокие уровни дифференциации в Приволжском федеральном округе отмечались по потреблению картофеля, рыбы и сахара.

Как отмечают специалисты, имеет место и существенная дифференциация параметров уровня жизни внутри регионов или внутрирегиональная дифференциация [18]. Повышение уровня сбалансированности социально-экономического развития регионов представляет собой важное условие роста уровня жизни населения административно-территориальных единиц регионов - муниципальных образований [19]. Существование значительной дифференциации параметров благосостояния между муниципальными образованиями в любом регионе является фактором усиления внутрирегиональной миграции. Нарастание различий в параметрах благосостояния муниципальных образований влияет на уровень межрегиональной дифференциации и место, которое занимает регион в рейтинге субъектов РФ.

Интересным аспектом рассматриваемой темы является оценка эффективности деятельности органов управления всех уровней, в том числе органов местного самоуправления. Об этом говорится в таких нормативно-правовых документах, как: Указ Президента РФ от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 16.01.2017 «Об утверждении основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года» и ряде других. В научной литературе ставится вопрос о формировании оплаты труда работников бюджетной сферы, государственных и муниципальных служащих в зависимости от полученных результатов [20]. Аналитики отмечают наличие существенного разрыва между оценкой эффективности реализации документов стратегического планирования и мерами по повышению эффективности деятельности органов власти. В научной литературе справедливо ставится вопрос о создании механизмов стимулирования работников органов местного самоуправления в зависимости от результатов реализации документов стратегического планирования муниципального образования. В связи с этим предложен методологический подход к формированию и реализации документов стратегического планирования муниципального образования, включающий следующие составляющие: выявление социально-экономических проблем муниципального образования и целевых показателей, определенных субъектом РФ для муниципального образования; форми-

рование документов стратегического планирования муниципального образования; организация мониторинга эффективности реализации документов стратегического планирования муниципального образования; разработка механизма стимулирующих выплат работникам органов местного самоуправления в зависимости от результатов реализации документов стратегического планирования муниципального образования. На наш взгляд, важнейшей проблемой рассматриваемого уровня управления и планирования является недостаток финансовых средств на уровне муниципалитетов. Предложенный методологический подход, устанавливающий связь между реализацией документов стратегического планирования муниципального образования и оплатой труда работников данного уровня управления, правомочен при условии решения вопросов усиления финансового выравнивания и повышения самостоятельности административно-территориальных единиц.

Заключение.

Изучение теоретико-методологических аспектов повышения эффективности пространственного развития как совершенствования системы расселения и территориальной организации экономики показало, что необходимым условием осуществления данного процесса является сбалансированная региональная экономическая политика государства. Одной из существенных проблем современного регионального развития является наличие значительных социально-экономических диспропорций, высокого уровня межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации параметров уровня жизни. В ходе проведенного анализа были выявлены особенности достижения экономической доступности основных продуктов питания для всего населения в территориальных составляющих страны. Отмечены ряд позитивных моментов в сфере потребления продовольствия в современных условиях: достижение экономической доступности во всех федеральных округах РФ по мясным продуктам и сахару, в пяти федеральных округах - по рыбопродуктам. В тоже время во всех федеральных округах РФ фактическое среднедушевое потребление овощей, фруктов, молока, картофеля и яиц было меньше рациональной нормы потребления. По мере дезагрегирования объекта исследования отмечено нарастание уровня региональной дифференциации. Наиболее высокие уровни дифференциации в территориальных составляющих Приволжского федерального округа имели место по потреблению картофеля, рыбы и сахара. В ходе проведенного исследования предложены инструменты вертикального выравнивания социально-экономического положения регионов (в частности, инфраструктурные и бюджетные кредиты) дополнить инструментами горизонтального финансового выравнивания по опыту стран с развитой рыночной экономикой.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.». – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/?_utl_t=vk.
2. Окрепилов В.В. Пространственное развитие и качество. - СПб.: Наука, 2011.- 294 с.
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. - М.: ГУ ВШЭ, 2000 - 495 с.
4. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. N 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <http://constitution.garant.ru/act/federative/71587690>.
5. Решетникова Е.Г. Региональная дифференциация уровня жизни: вызовы времени // Проблемы развития территории. - 2021. - Т.25. - № 1. - С.108-122.
6. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2020 году по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ANvrRBXm/potr07_12.xlsx.
7. Леонов С.Н., Сидоренко О.В. Закономерности и особенности реализации селективной региональной политики зарубежных стран // Пространственная экономика. - 2011. - № 1. - С.67-80.

8. Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism, Japan. – URL: [https:// pdfslide.net/documents/ministry-of-land-infrastructure-and-transport-japan.html](https://pdfslide.net/documents/ministry-of-land-infrastructure-and-transport-japan.html).
9. Population Statistics for Countries, Administrative Areas, Cities and Agglomerations – Interactive Maps and Charts <http://citypopulation.de>. - URL: [http://spymetrics.ru/ru/ website/citypopulation.de](http://spymetrics.ru/ru/website/citypopulation.de).
10. Низамутдинов М.М., Горин Н.И., Нецадин А.А. Проблемы развития городского расселения в Российской Федерации // Общество и экономика. - 2013. - № 7-8. - С.157-166.
11. Строев П.В. Пространственная организация экономики России: тенденции и перспективы развития городов как точек экономического роста. - М.: А-проджект, 2015.- 144 с.
12. Строев П.В. Трансформация пространственной структуры России // Вестник Института экономики РАН. - 2014. - № 4. - С.61-71.
13. Hans J.Cassens. Regional planning in Germany. UPMP Project MOI – GTZ March 2002.
14. Строев П.В., Решетников С.Б. Планирование территориального развития в Германии // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. - 2016. - № 2-3 (51-52). - С.110- 120.
15. Кунец А.А., Халидшаев А.М., Тургаева А.А. Межбюджетные трансферты и их роль в формировании бюджетов субъектов Российской Федерации // Символ науки. - 2016. - № 2. - С.167-170.
16. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/.
17. Решетникова Е.Г. Информационные аспекты обеспечения продовольственной безопасности России // Информационная безопасность регионов. - 2014. - № 3(16). - С.45-50.
18. Чернова Т.В. О формировании выравнивающей селективной региональной политики // Вестник Таганрогского института управления и экономики. - 2015. - № 1. - С.22-25.
19. Решетникова Е.Г. Стратегический анализ сферы потребления продовольствия : региональный аспект // Региональные агросистемы : экономика и социология. - 2015. - № 1. - С.5.
20. Пьянкова С.Г. Методологический подход к формированию и реализации документов стратегического планирования муниципальных образований // Экономическое возрождение России. - 2017. - № 4 (54). - С.127- 135.

References

1. Spatial development strategies of the Russian Federation for the period up to 2025." - URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/?_utl_t=vk. (In Russ)
2. Okrepilov V.V. Spatial development and quality. - St. Petersburg: Nauka, 2011.- 294 p. (In Russ)
3. Granberg A.G. Fundamentals of regional Economics. - M.: Higher School of Economics, 2000 - 495 p. (In Russ)
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 13 dated January 16, 2017 "On approval of the Fundamentals of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation for the period up to 2025". – URL: <http://constitution.garant.ru/act/federative/71587690> (In Russ)
5. Reshetnikova E.G. *Regional differentiation of living standards: challenges of time*. Problems of territorial development. 2021: 25(1):108-122. (In Russ)
6. Household food consumption in 2020 based on the results of a sample survey of household budgets. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ANvrRBXm/potr07_12.xlsx. (In Russ)
7. Leonov S.N., Sidorenko O.V. *Regularities and features of the implementation of selective regional policy of foreign countries*. Spatial economics. 2011;(1):67-80. (In Russ)
8. Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism, Japan. – URL: [https:// pdfslide.net/documents/ministry-of-land-infrastructure-and-transport-japan.html](https://pdfslide.net/documents/ministry-of-land-infrastructure-and-transport-japan.html).
9. Population Statistics for Countries, Administrative Areas, Cities and Agglomerations – Interactive Maps and Charts <http://citypopulation.de>. - URL: [http://spymetrics.ru/ru/ website/citypopulation.de](http://spymetrics.ru/ru/website/citypopulation.de).

10. Nizamutdinov M.M., Gorin N.I., Neshadin A.A. *Problems of urban settlement development in the Russian Federation*. Society and Economics. 2013; (7-8):157-166. (In Russ)
11. Stroeв P.V. Spatial organization of the Russian economy: trends and prospects of urban development as points of economic growth. - М.: А-project, 2015.- 144 p. (In Russ)
12. Stroeв P.V. *Transformation of the spatial structure of Russia*. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2014; (4): 61-71. (In Russ)
13. Hans J.Cassens. Regional planning in Germany. UPMP Project MOI - GTZ March 2002.
14. Stroeв P.V., Reshetnikov S.B. *Planning of territorial development in Germany*. The economy of the North-West: problems and prospects of development. 2016; (51-52):110- 120. (In Russ)
15. Kunets A.A., Khalidshaev A.M., Turgaeva A.A. *Inter-budgetary transfers and their role in the formation of budgets of the subjects of the Russian Federation*. Symbol of Science. 2016; (2): 167-170. (In Russ)
16. The message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on 21.04.2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382666/. (In Russ)
17. Reshetnikova E. G. *Informational aspects of food security of Russia*. Information security of regions. 2014; 3(16): 45-50. (In Russ)
18. Chernova T. V. *On the formation of the alignment of selective regional policy*. Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. 2015; (1):.22-25. (In Russ)
19. Reshetnikova E.G. *Strategic analysis of the sphere of food consumption: regional aspect*. Regional agricultural systems: economics and sociology. 2015; (1):5. (In Russ)
20. Pyankova S.G. *Methodological approach to the formation and implementation of strategic planning documents of municipalities*. The economic revival of Russia. 2017;(5): 127- 135/ (In Russ)

Информация об авторе

В.Д. Иосипенко – кандидат экономических наук

Information about the author

V.D. Iosipenko – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 44-56.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 44-56.

Научная статья
УДК 332.54

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВОДА В ОБОРОТ НЕИСПОЛЬЗУЕМОЙ ПАШНИ ДЛЯ РАСШИРЕНИЯ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Юрий Павлович Бондаренко

Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, Bondarenko-YP@mail.ru

Аннотация. Предложен методический подход к ранжированию регионов, обладающих потенциалом для расширения посевных площадей за счёт неиспользуемой пашни. Проведён анализ ресурсных и финансовых показателей развития сельского хозяйства в регионах, имеющих площади неиспользуемой пашни свыше полумиллиона гектаров. Сделан вывод, что только 18 из 33 многоземельных регионов России обладают достаточным потенциалом, чтобы за счёт ввода в оборот неиспользуемой пашни обеспечить дополнительный рост объёмов аграрного производства. В остальных регионах расширение посевных площадей только усугубит спад аграрного производства.

Ключевые слова: площади неиспользуемой пашни, регионы России, ресурсные и финансовые факторы аграрного производства, инвестирование и субсидирование, эффективность использования основных фондов и трудовых ресурсов сельского хозяйства, направления и перспективы расширения посевных площадей.

Для цитирования: Бондаренко Ю.П. Перспективы ввода в оборот неиспользуемой пашни для расширения посевных площадей в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С 44-56.

Original article

PROSPECTS FOR INTRODUCING UNUSED ARABLE LAND TO EXPAND SOWING AREA IN THE REGIONAL SPACE OF RUSSIA

Yury P. Bondarenko

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia, Bondarenko-YP@mail.ru

Abstract. A methodical approach to the ranking of regions with the potential to expand sown areas due to unused arable land is proposed. An analysis of the resource and financial indicators of the development of agriculture in the regions with more than half a million hectares of unused arable land was carried out. It is concluded that only 18 out of 33 multi-land regions of Russia have sufficient potential to ensure additional growth in agricultural production by introducing unused arable land. In other regions, the expansion of sown areas will only exacerbate the decline in agricultural production.

Key words: areas of unused arable land, regions of Russia, resource and financial factors of agricultural production, investment and subsidies, efficiency of use of fixed assets and agricultural labor resources, directions and prospects for expanding sown areas.

For citation: Bondarenko Yu.P. Prospects for introducing unused arable land to expand sowing area in the regional space of Russia // *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2022; (1): 44-56.

Введение.

В современных условиях проблема обеспечения продовольственной безопасности России является одной из наиболее острых. Перспективным направлением её решения может стать вовлечение в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель. Разные регионы страны имеют разный запас неиспользуемых пахотных земель, от практически полного их отсутствия – и до размеров, превышающих миллион гектаров. При этом эффективность использования пахотных земель в разных регионах тоже разная, и на это влияют множество разных объективных и субъективных факторов. Поэтому анализ предполагаемой эффективности расширения пахотных земель в региональном пространстве страны является актуальной задачей для определения круга приоритетных регионов, в которых вовлечение в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель приведет к росту выхода валовой продукции сельского хозяйства. Решение такой задачи является актуальным и для оценки эффективности реализации утверждённой постановлением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 года № 731 государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации [1].

Цель исследований.

Анализ показателей эффективности использования посевных площадей в региональном пространстве России для ранжирования регионов по возможности и необходимости вовлечения в оборот неиспользуемых пахотных земель с целью максимизации выхода валовой продукции сельского хозяйства.

Методика исследований.

Для проведения исследований из 85 субъектов Российской Федерации были отобраны 33 региона, в которых площадь неиспользуемой пашни превышала полмиллиона гектаров, что предполагает возможность масштабных преобразований в аграрном производстве регионов за счёт ввода в сельскохозяйственный оборот значительных площадей неиспользуемых пахотных земель. На данные 33 региона приходится 78,8% всего размера неиспользуемой пашни в России, 68,4% используемой пашни. За период 2019-2021 гг в этих регионах было произведено 51,7% валовой продукции сельского хозяйства страны. Общий размер неиспользуемой пашни в данных регионах составляет 60,7% по сравнению с посевной площадью сельскохозяйственных культур. Далее были проведены расчёты показателей уровня развития сельского хозяйства и эффективности использования посевных площадей, и на основе их результатов выделенные регионы были проранжированы по степени потенциальной эффективности введения в оборот неиспользуемой пашни. Методической основой для проведения исследования являются более ранние работы самого автора и других исследователей, посвящённые анализу различных проявлений межрегиональной дифференциации в развитии сельского хозяйства страны, а также проблемам вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения [2-32]. Информационной базой для исследования послужили статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации [33-35].

Результаты исследований.

В таблице 1 представлены состав и основные характеристики отобранных для исследования регионов, площадь неиспользуемой пашни в которых превышает полмиллиона гектаров.

Таблица 1 – Состав и основные характеристики выделенных регионов, ранжированных по степени увеличения площади неиспользуемой пашни

№№ п/п	Регионы	Площадь неиспользуемой пашни, тысяч гектаров	Размер неиспользуемой пашни, в % от используемой посевной площади сельхозкультур	Изменение объёмов аграрного производства в 2021 году к 2011 году (2011 год = 100%)	Доля в производстве валовой сельхозпродукции страны, в среднем за 2019-2021 годы, %
1	Ярославская область	531	202,3	126,2	0,62
2	Республика Калмыкия	535	179,6	84,6	0,42
3	Псковская область	535	255,4	306,6	0,76
4	Республика Хакасия	542	379,7	80,4	0,22
5	Республика Татарстан	550	19,2	89,6	3,78
6	Амурская область	564	54,7	115,3	0,83
7	Ульяновская область	571	52,6	108,9	0,80
8	Кемеровская область	592	62,8	108,3	0,96
9	Московская область	600	113,3	102,4	1,96
10	Калужская область	601	169,6	157,5	0,82
11	Тульская область	618	65,9	162,8	1,32
12	Свердловская область	663	82,3	102,2	1,44
13	Республика Бурятия	711	601,4	94,2	0,26
14	Самарская область	756	34,6	123,6	1,87
15	Пензенская область	757	50,2	172,9	1,95
16	Респ. Башкортостан	841	29,8	93,2	2,76
17	Ставропольский край	934	30,5	111,0	3,29
18	Нижегородская область	963	89,8	100,1	1,26
19	Тверская область	1026	214,8	124,3	0,62
20	Иркутская область	1039	149,3	104,7	1,02
21	Смоленская область	1061	264,6	86,5	0,41
22	Курганская область	1083	82,1	60,5	0,69
23	Челябинская область	1107	56,7	85,8	1,86
24	Ростовская область	1120	23,2	123,1	5,28
25	Омская область	1212	41,1	92,7	1,60
26	Пермский край	1257	173,8	87,6	0,75
27	Алтайский край	1404	26,7	128,1	2,77
28	Новосибирская область	1452	62,6	122,4	1,69
29	Красноярский край	1644	111,4	94,8	1,55
30	Кировская область	1662	203,2	108,0	0,72
31	Оренбургская область	1823	42,5	89,9	2,02
32	Саратовская область	1828	44,0	114,4	2,71
33	Волгоградская область	2777	90,2	116,9	2,74
	Итого	33361	60,7		51,7

Анализ таблицы 1 отражает пятикратный разброс размера неиспользуемой пашни среди исследуемых регионов, от 531 тысячи гектаров в Ярославской области до 2,777 миллиона гектаров в Волгоградской области. При этом разброс соотношений размера неиспользуемой пашни к размерам используемых под посадку сельхозкультур посевных площадей составляет 31,3 раза. В Республике Татарстан размер неиспользуемой пашни составляет чуть менее одной пятой части от размера используемых пахотных земель, а в Республике Бурятия, наоборот, размер неиспользуемой пашни более чем в шесть раз превышает используемые пахотные земли. То есть, объёмы производства продукции растениеводства в регионах потенциально можно нарастить от 20% до шести раз при условии сохранения существующей интенсивности производства, но средневзвешенная величина по всем регионам отражает, что объёмы можно увеличить только на 60%.

Широкие возможности расширения посевных площадей никак не влияют на уровень развития сельского хозяйства в выделенных регионах, когда за динамику последних десяти лет в 12 регионах объёмы производства валовой сельхозпродукции упали от 39% в Курганской области до 5% в Красноярском крае. В трёх регионах объёмы сельхозпроизводства за

2011-2021 годы практически никак не изменились, а в 8 регионах они увеличились от 5% до 17%. Лишь в 10 из 33 исследуемых регионах производство за десять лет выросло от 22% и выше. Такие соотношения отражают, что почти в половине рассматриваемых регионов сельское хозяйство находится в упадке, в четверти регионах оно практически не развивается, и только оставшаяся четверть регионов может решать проблему роста продовольственного обеспечения страны, которые в среднем за 2019-2021 годы произвели лишь 17,7% валовой продукции сельского хозяйства страны. Поэтому изучение более детальных показателей развития сельского хозяйства должно дать представление о том, какие регионы обладают возможностями для более эффективного освоения неиспользуемой пашни с целью максимизации производства валовой сельхозпродукции.

Рассмотрим показатели обеспеченности аграрного комплекса регионов тракторами и зерно- и кукурузоуборочными комбайнами (рис. 1).

Рисунок 1 – Обеспеченность сельскохозяйственных организаций тракторами (без тракторов, на которых смонтированы землеройные, мелиоративные и др. машины) в расчёте на тысячу гектаров посевных площадей сельхозкультур, и зерно- и кукурузоуборочными комбайнами в расчёте на тысячу гектаров убранных под зерновыми культурами площадей, в среднем за 2019-2020 годы

Анализ рисунка 1 показывает, что обеспеченность тракторами и комбайнами в аграрном комплексе рассматриваемых регионов подвержена абсолютно хаотичным колебаниям, никак не связанным с ростом размеров площади неиспользуемой пашни. Максимальное значение обеспеченности тракторами приходится на Республику Хакасия – 12 штук на тысячу гектаров посевных площадей сельхозкультур. Минимальное значение – на Пензенскую область (2,1 трактора на тысячу гектаров). Обеспеченность зерно- и кукурузоуборочными комбайнами также имеет абсолютно хаотичный разброс значений, где разница между минимальным и максимальным значениями составляет 8,2 раза (Пензенская область - 1,02 комбайна на тысячу гектаров убранных под зерновыми культурами площадей, Амурская область – 8,39 комбайна).

Так как уровень обеспеченности тракторами и комбайнами никак не коррелирует с ростом размеров пахотных земель, то нельзя быть уверенным, что с увеличением масштабов аграрного производства и расширением посевных площадей ситуация с обеспеченностью сельхозтехникой кардинальным образом изменится в лучшую сторону. Поэтому, с нашей точки зрения, для определения наиболее перспективных регионов для реализации государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения необходимо использовать соотношение высокой обеспеченности сельхозтехникой по

обоим показателям. Наиболее высокие соотношения обеспеченности тракторами и комбайнами на тысячу гектаров посевных площадей имеют только два региона – Республика Хакасия (12,0 и 7,2 штук) и Ярославская область (8,4 и 4,8 штук). В таких регионах, как Московская, Псковская, Свердловская и Кировская области, при достаточно высоких показателях обеспеченности тракторами (свыше 6,1 штук на тысячу гектаров) – показатели обеспеченности комбайнами ниже среднего уровня (не более 2,5 штук на тысячу гектаров). Обратная ситуация в Амурской, Калужской и Тверской областях, где при высоких показателях обеспеченности комбайнами – достаточно низкая обеспеченность тракторами. Но именно эти перечисленные девять регионов из 33 рассматриваемых имеют наибольший потенциал для возделывания значительных площадей неиспользуемой пашни после ввода её в сельхозоборот. Далее изучим показатель сложившегося уровня внесения минеральных удобрений в регионах (рис. 2).

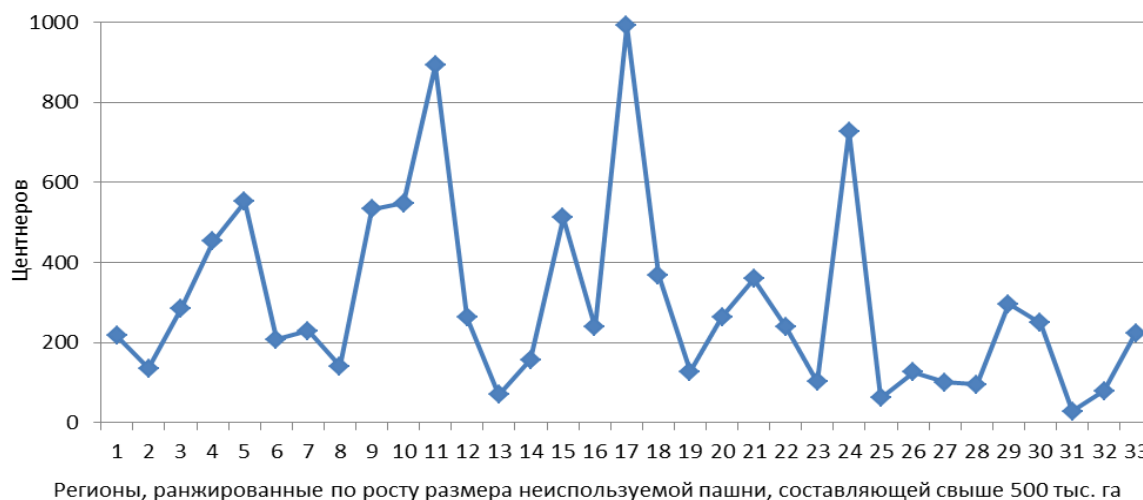

Рисунок 2 – Уровень внесения минеральных удобрений (центнеров, в пересчете на 100% питательных веществ) на тысячу гектаров посевных площадей в сельскохозяйственных организациях, в среднем за 2019-2020 годы

В соответствии с рисунком 2, среднее количество вносимых минеральных удобрений на единицу посевной площади не коррелирует с ростом площади неиспользуемой пашни в регионах. Разница между минимальным и максимальным значениями количества вносимых минеральных удобрений составляет 34,8 раза в среднем за 2019-2020 годы. Соответственно, регионы, имеющие наиболее высокий уровень внесения минеральных удобрений, могут являться более приоритетными для стимулирования расширения посевных площадей с целью максимизации урожайности сельскохозяйственных культур. Такими регионами могут являться Московская, Калужская, Ростовская, Тульская области, Республика Татарстан, Ставропольский край. Теперь рассмотрим эффективность финансовых инструментов стимулирования развития сельского хозяйства (рис. 3).

Значения показателей, приведённых на рисунке 3, показывают, что наиболее высокие уровни инвестирования в сельское хозяйство и государственного субсидирования сельского хозяйства среди всех регионов имеют Псковская, Московская и Калужская области, что является значительным преимуществом в обеспечении финансовой поддержки ввода в сельхозоборот неиспользуемой пашни. С другой стороны, Республики Калмыкия, Хакасия, Бурятия, и Амурская область входят в число регионов с наиболее высоким уровнем направляемых государством субсидий на поддержку сельского хозяйства, но при этом имеют одни из самых низких уровней инвестирования в сельское хозяйство. В остальных регионах уровень инвестиций и госсубсидий одинаково низкий по сравнению с регионами-лидерами из первой описанной тройки. Далее рассмотрим экономические показатели эффективности аграрного производства в регионах (рис. 4).

Рисунок 3 – Объёмы инвестиций и государственных субсидий в регионах, тысяч рублей в расчёте на тысячу гектаров посевных площадей, в среднем за 2019-2020 годы

Рисунок 4 – Фондоотдача (рублей валовой сельхозпродукции на тысячу рублей стоимости основных сельхозфондов), фондовооружённость труда (тысяч рублей сельхозфондов) и производительность труда (тысяч рублей валовой сельхозпродукции) на одного занятого в сельском хозяйстве, в среднем за 2019-2020 годы

Рисунок 4 подтверждает, что показатели фондоотдачи, фондовооружённости и производительности труда в сельском хозяйстве не коррелируют между собой, однако, проводя анализ соотношений между данными показателями, можно выделить несколько разноплановых ситуаций. Например, Кемеровская, Московская и Калужская области, обладая самым высоким уровнем фондовооружённости труда среди всех регионов, имеют самую низкую из всех регионов фондоотдачу, уровень производительность труда - и чуть выше среднего. С другой стороны, в Ростовской и Омской областях, Пермском и Алтайском краях наблюдается один из самых высоких уровней фондоотдачи в сельском хозяйстве, который соотносится с одним из самых низких уровней фондовооружённости и производительности труда. С нашей точки зрения, наиболее перспективными являются регионы, имеющими достаточно высокое соотношение уровней всех трёх показателей: Амурская, Пензенская, Саратовская области, однако, для более подробного рассмотрения финансовых показателей развития сель-

ского хозяйства необходимо обратить внимание на показатели обновления и износа основных фондов сельского хозяйства (рис. 5).

Рисунок 5 – Коэффициенты обновления, степени общего износа, и удельный вес полностью изношенных основных сельхозфондов, в среднем за 2019-2020 годы

Согласно рисунку 5, только в Калужской, Тульской и Тверской областях складывается наиболее благоприятная ситуация с состоянием основных сельхозфондов, когда при самом высоком уровне их обновления – показатели общего и полного износа сельхозфондов являются самыми низкими. В подавляющем большинстве регионов высокий рост общего износа фондов сопряжён с низким уровнем их обновления и модернизации, что не будет способствовать эффективному использованию вводимых в оборот пахотных земель.

На основе проведённого исследования были сделаны выводы, что уровень ресурсных и финансовых показателей развития сельского хозяйства не коррелирует с ростом в регионах размеров неиспользуемой пашни. Поэтому нет конкретной тенденции соотношений всех этих показателей, по которым можно было бы построить чётко ранжированную вертикаль рассматриваемых регионов по степени убывающей приоритетности поддержки расширения пахотных земель за счёт имеющихся резервов неиспользуемой пашни.

В таблице 2 представлены результаты ранжирования 33 выделенных регионов по приоритетности их поддержки в масштабном расширении использования пахотных земель. Данное ранжирование осуществлялось по совокупному соотношению всех изученных показателей развития сельского хозяйства, когда больший приоритет будут получать те регионы, в которых по усреднённым соотношениям все показатели имели достаточно большие значения.

Таблица 2 – Ранжирование выделенных регионов по степени снижения приоритетности их поддержки в масштабном расширении использования пахотных земель с целью максимизации роста валовой продукции сельского хозяйства страны

№№ групп	Регионы	Краткое описание показателей, характеризующих приоритеты поддержки
1	Псковская, Тверская и Калужская области	Самые приоритетные регионы, с наиболее высоким ростом аграрного производства за последние десять лет. Являются лидерами по обеспеченности основной сельхозтехникой, по объёмам инвестиций и госсубсидий на единицу посевных площадей. Входят в число лидеров по уровню внесения минеральных удобрений, по уровням фондовооружённости и производительности труда в сельском хозяйстве, но уровень фондоотдачи не выше среднего. Являются лидерами по коэффициентам обновления основных сельхозфондов, и самыми низкими уровнями общего и полного износа сельхозфондов.

Продолжение таблицы 2

№№ групп	Регионы	Краткое описание показателей, характеризующих приоритеты поддержки
2	Ярославская, Ростовская, Новосибирская и Волгоградская области, Ставропольский край	Регионы с высоким потенциалом для эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения. Имеют один из самых высоких рост объемов аграрного производства за последние десять лет. Входят в число лидеров по обеспеченности сельхозтехникой и уровню инвестиций в сельское хозяйство. По остальным показателям лидерами не являются, но имеют уровень значительно выше среднего.
3	Пензенская и Тульская области	Являются лидерами по росту аграрного производства, уступая только Псковской области. Лидеры по уровню внесения минеральных удобрений в расчёте на единицу площади посевных площадей. В числе лидеров по уровню инвестиций в сельское хозяйство, фондовооружённости и производительности труда в сельском хозяйстве. Практически лидеры по самой низкой доле полностью изношенных сельхозфондов, но уровень обеспеченности сельхозтехникой ниже среднего уровня.
4	Алтайский край, Самарская, Саратовская и Ульяновская области	Высокий темп роста аграрного производства за последнее десятилетие. Входят в число лидеров по уровню фондоотдачи в сельском хозяйстве, но уровень обновления и износа основных сельхозфондов на среднем уровне, а размер инвестиций и госсубсидий в сельское хозяйство ниже среднего уровня.
5	Амурская, Кемеровская, Кировская и Иркутская области	Самый низкий рост аграрного производства за период 2011-2021 гг., но при этом очень высокий уровень фондовооружённости труда в сельском хозяйстве и обеспеченности сельхозтехникой. В данных регионах имеются предпосылки для роста производительности труда в сельском хозяйстве за счёт более эффективного использования основных сельхозфондов работниками сельского хозяйства, но для этого необходимо повысить уровень государственных субсидий на сельское хозяйство, размер которых значительно уступает регионам с более высокими темпами роста аграрного производства.
6	Московская, Свердловская, Нижегородская области, Красноярский край	Стагнация аграрного производства. За последние десять лет объёмы валовой сельхозпродукции практически не изменились. Относительно высокий уровень фондовооружённости труда в сельском хозяйстве, в том числе уровень обеспеченности сельхозтехникой. Инвестирование и субсидирование сельского хозяйства немного выше среднего уровня, но при этом низкий уровень внесения минеральных удобрений в расчёте на единицу посевных площадей. Уровень обновления и износа основных сельхозфондов находится а среднем уровне.
7	Республики Бурятия, Башкортостан, Татарстан, Пермский край, Смоленская область	Спад аграрного производства за последние десять лет составил от 6% до 14%. Уровень обеспеченности сельхозтехникой значительно выше среднего уровня, уровень инвестирования и субсидирования сельского хозяйства в расчёте на тысячу гектаров посевных площадей - средний. Все остальные показатели ниже среднего уровня, что отражает низкую эффективность использования основных сельхозфондов, недостаточную для выхода из состояния спада производства.
8	Омская, Оренбургская и Челябинская области	Спад аграрного производства составил от 7% до 14%. В отличие от регионов предыдущей группы показатели инвестирования, субсидирования и обеспеченности сельхозтехникой здесь в среднем в два раза ниже, что снижает возможности аграрного комплекса данных регионов хотя бы выйти из состояния спада производства. В этих регионах основное внимание должно быть уделено повышению эффективности использования существующих обрабатываемых земель.
9	Республики Калмыкия и Хакасия, Курганская область	Спад производства за последние десять лет составил от 15% до 39%, показатели развития сельского хозяйства здесь самые низкие среди всех регионов. В данных регионах полностью отсутствует потенциал для эффективного ввода в оборот неиспользуемой пашни.

Заключение.

Анализ ресурсных и финансовых показателей развития сельского хозяйства в регионах, где площадь неиспользуемой пашни превышает полмиллиона гектаров, отражает существенную дифференциацию потенциала данных регионов по возможному уровню эффективности ввода в оборот неиспользуемой пашни. Самым высоким потенциалом эффективности расширения пахотных земель обладают Псковская, Тверская и Калужская области, в которых самый высокий рост аграрного производства и самый высокий уровень общего соотношения показателей развития сельского хозяйства. Остальные регионы идут уже со снижением сте-

пени потенциала по эффективности ввода в оборот неиспользуемой пашни. В целом можно сказать, что только 18 из 33 регионов, расположенных в первых пяти группах таблицы 2, обладают достаточным потенциалом для расширения пахотных земель за счёт площадей неиспользуемой пашни. В остальных 15 регионах, расположенных в последних четырёх группах таблицы 2, потенциал для эффективного использования новых пахотных земель практически отсутствует, и ввод в оборот новых площадей неиспользуемой пашни вместо роста аграрного производства ещё больше усугубит спад объёмов валовой продукции сельского хозяйства. Поэтому здесь необходимо повысить эффективность использования существующих земельных ресурсов, вовлечённых в сельскохозяйственный оборот, а также добиться сбалансированности имеющихся материально-технических и финансовых ресурсов.

Список источников

1. Государственная программа эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2021 года, № 731.
2. Андриященко С.А., Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П. Эффективность использования основных фондов как фактор повышения конкурентоспособности региональных АПК // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 5. С. 8-13.
3. Сидоркина М.А. Проблема неиспользуемых сельскохозяйственных земель России: причина и решение // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 1 (33). С. 131-138.
4. Шалаева Л.В. Финансовые результаты деятельности сельскохозяйственных организаций как фактор обеспечения продовольственной безопасности // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19. № 8 (491). С. 1477-1497.
5. Бондаренко Ю.П. Оценка государственного субсидирования сельского хозяйства России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2020. № 8. С. 55-61.
6. Андриященко С.А. Тенденции конкурентоспособного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Островские чтения. 2020. № 1. С. 73-77.
7. Андриященко С.А., Шабанов В.Л., Бондаренко Ю.П., Васильченко М.Я. Дифференциация стратегий развития агропродовольственных систем в регионах России, неблагоприятных для сельскохозяйственного производства // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 56-65.
8. Бондаренко Ю.П. Оценка направлений повышения эффективности использования основных фондов сельского хозяйства в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3. С. 81-90.
9. Спешилова Н.В., Кожуховская Ю.А. Обоснование перспективных направлений развития сельского хозяйства в регионах России с использованием математико-статистических методов // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 1298-1303.
10. Исмиханов З.Н. Идентифицируемые регрессионные модели взаимосвязи показателей развития сельского хозяйства в регионах // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 7 (478). С. 1357-1373.
11. Хлыстун В.Н., Мурашева А.А., Столяров В.М. Концептуальные подходы к разработке и реализации программы вовлечения в оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2020. № 5. С. 2-11.
12. Хабаров Д.А., Лагодный Е.Н. Экономическая целесообразность вовлечения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения // Московский экономический журнал. 2020. № 11. С. 7.
13. Бондаренко Ю.П. Влияние инвестиций на обновление и эффективность использования основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 3. С. 43-49.

14. Бондаренко Ю.П. Ресурсные факторы и ограничения инновационного развития агропродовольственного комплекса в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 3. С. 93-106.
15. Бондаренко Ю.П. Закономерности и тенденции формирования структуры экономического роста сельского хозяйства России в условиях межрегиональных различий развития // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 4. С. 99-108.
16. Андрищенко С.А. Обоснование механизма управления инновационным развитием производственного потенциала агропродовольственного комплекса на основе сочетания национальных и региональных приоритетов // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 4. С. 87-94.
17. Оборин М.С. Социально-экономические проблемы развития сельского хозяйства в российских регионах // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. 2019. Т. 5. № 3 (19). С. 349-358.
18. Карпова О.И., Савкин В.И. Неиспользуемые земли сельскохозяйственного назначения: влияние на производственный и экспортный потенциал АПК России // Вестник аграрной науки. 2019. № 6 (81). С. 96-103.
19. Крылов В.С., Баюнов В.А., Михеев Е.Ю. Как вернуть в хозяйственный оборот неиспользуемые земли сельскохозяйственного назначения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 11. С. 77-82.
20. Хаметов Т.И., Ширчкова А.О. Опыт регионов Российской Федерации по введению неиспользуемых земель в сельскохозяйственный оборот // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2019. № 3 (22). С. 112-116.
21. Андрищенко С.А., Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П., Васильченко М.Я. Особенности социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, признанных неблагоприятными для сельскохозяйственного производства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 4 (73). С. 47-53.
22. Бондаренко Ю.П. Оценка необходимости обновления основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2018. № 9. С. 24-30.
23. Андрищенко С.А., Бондаренко Ю.П. Оценка перспективных направлений инновационного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2018. № 5. С. 3.
24. Бондаренко Ю.П. Перспективы многоукладности аграрного сектора России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2016. № 1. С. 12.
25. Бондаренко Ю.П. Многоукладность аграрного сектора экономики России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 5. С. 52-58.
26. Бондаренко Ю.П. Прогноз развития сельского хозяйства в условиях неоднородности регионального пространства страны // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2016. № 2. С. 11.
27. Бондаренко Ю.П. Межрегиональные различия производственного потенциала агропродовольственного комплекса России на современном этапе // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2015. № 1. С. 4.
28. Пахомова Н.В., Рихтер К., Малышков Г.Б., Бондаренко Ю.П. Организационно-институциональные условия формирования спроса на инновации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2015. № 2. С. 4-33.
29. Дьяченко И.Л., Брюханова Г.А., Покровский С.А. Потенциальные возможности неиспользуемых земель и кормовых угодий в обеспечении продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 6. С. 21-24.
30. Бондаренко Ю.П. Ресурсные ограничения производственного потенциала агропродовольственного комплекса регионов России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2014. № 2. С. 7.

31. Бондаренко Ю.П. Факторы межрегиональной дифференциации в оценке потенциала экономического роста сельского хозяйства России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2010. № 1. С. 5.

32. Бондаренко Ю.П. Фермерский сектор регионов в решении проблемы продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. № 8. С. 59-62.

33. Статистическая информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. – URL: <http://www.gks.ru/>

34. Статистическая информация Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcs.ru/>

35. Статистическая информация Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии Российской Федерации. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/>

References

1. The state program of effective involvement in the turnover of agricultural lands and the development of the reclamation complex of the Russian Federation. Approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated May 14, 2021, No. 731.

2. Andryushchenko S.A., Kutenkov R.P., Bondarenko Yu.P. Efficiency of the use of fixed assets as a factor of increasing the competitiveness of regional agro-industrial complex. *Economics of Agriculture of Russia*. 2021; (5); 8-13. (In Russ)

3. Sidorkina M.A. The problem of unused agricultural lands in Russia: the reason and the solution. *Nauka. Society. State*. 2021;1(33): 131-138. (In Russ)

4. Shalaeva L.V. Financial results of agricultural organizations as a factor of food security. *Regional economy: theory and practice*. 2021; 8 (491):1477-1497. (In Russ)

5. Bondarenko Yu.P. Assessment of state subsidization of agriculture in Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2020; (8): 55-61. (In Russ)

6. Andryushchenko S.A. Trends in the competitive development of the production potential of the agro-food complex of Russia. *Ostrovsky readings*. 2020; (1): 73-77. (In Russ)

7. Andryushchenko S.A., Shabanov V.L., Bondarenko Yu.P., Vasilchenko M.Ya. Differentiation of strategies for the development of agro-food systems in the regions of Russia unfavorable for agricultural production. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2020; (3):56-65. (In Russ)

8. Bondarenko Yu.P. Assessment of directions for improving the efficiency of the use of fixed assets of agriculture in the regional space of Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2020; (3): 81-90. (In Russ)

9. Speshilova N.V., Kozhukhovskaya Yu.A. Substantiation of promising directions of agricultural development in the regions of Russia using mathematical and statistical methods. *Economics and entrepreneurship*. 2020; 5 (118):1298-1303. (In Russ)

10. Ismikhonov Z.N. Identifiable regression models of the relationship of indicators of agricultural development in the regions. *Regional economics: theory and practice*. 2020; 7(478): 1357-1373. (In Russ)

11. Khlystun V.N., Murasheva A.A., Stolyarov V.M. Conceptual approaches to the development and implementation of the program of involvement in the turnover of unused agricultural land. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2020; (5): 2-11. (In Russ)

12. Khabarov D.A., Lagodny E.N. Economic feasibility of involving unused agricultural land in the turnover. *Moscow Economic Journal*. 2020; (11): 7. (In Russ)

13. Bondarenko Yu.P. The impact of investments on the renewal and efficiency of the use of fixed assets in agriculture in Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2019; (3): 43-49. (In Russ)

14. Bondarenko Yu.P. Resource factors and limitations of the innovative development of the agro-food complex in the regional space of Russia. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2019; (3): 93-106. (In Russ)

15. Bondarenko Yu.P. Patterns and trends in the formation of the structure of economic growth of agriculture in Russia in the conditions of interregional differences in development. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2019; (4): 99-108. (In Russ)
16. Andryushchenko S.A. Substantiation of the mechanism of management of innovative development of the production potential of the agro-food complex based on a combination of national and regional priorities. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2019; (4): 87-94. (In Russ)
17. Oborin M.S. Socio-economic problems of agricultural development in Russian regions. *Bulletin of the Mari State University. Series: Agricultural sciences. Economic sciences*. 2019; 3 (19): 349-358. (In Russ)
18. Karpova O.I., Savkin V.I. Unused agricultural lands: impact on the production and export potential of the agro-industrial complex of Russia. *Bulletin of Agrarian Science*. 2019; 6(81): 96-103. (In Russ)
19. Krylov V.S., Bayunov V.A., Mikheev E.Yu. How to return unused agricultural lands to economic circulation. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2019; (11): 77-82. (In Russ)
20. Khametov T.I., Shirchkova A.O. The experience of the regions of the Russian Federation on the introduction of unused lands into agricultural circulation. *Education and Science in the modern world. Innovation*. 2019; 3 (22): 112-116. (In Russ)
21. Andryushchenko S.A., Kutenkov R.P., Bondarenko Yu.P., Vasilchenko M.Ya. Features of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation recognized as unfavorable for agricultural production. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2018; 4(73): 47-53. (In Russ)
22. Bondarenko Yu.P. Assessment of the need to update fixed assets in agriculture in Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2018; (9): 24-30. (In Russ)
23. Andryushchenko S.A., Bondarenko Yu.P. Assessment of promising directions of innovative development of the production potential of the agro-food complex. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2018; (5): 3. (In Russ)
24. Bondarenko Yu.P. Prospects of multiculturalism of the agricultural sector of Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2016; (1): 12. (In Russ)
25. Bondarenko Yu.P. Diversity of the agricultural sector of the Russian economy. *Economy of agricultural and processing enterprises*. 2016; (5): 52-58. (In Russ)
26. Bondarenko Yu.P. Forecast of agricultural development in the conditions of heterogeneity of the regional space of the country. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2016; (2): 11. (In Russ)
27. Bondarenko Yu.P. Interregional differences in the production potential of the agro-food complex of Russia at the present stage // *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2015. No. 1. p. 4.
28. Pakhomova N.V., Richter K., Malyshev G.B., Bondarenko Yu.P. Organizational and institutional conditions for the formation of demand for innovations. *Bulletin of St. Petersburg University. Economy*. 2015; (2): 4-33. (In Russ)
29. Dyachenko I.L., Bryukhanova G.A., Pokrovsky S.A. Potential opportunities of unused lands and forage lands in ensuring food security of Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2015; (6): 21-24. (In Russ)
30. Bondarenko Yu.P. Resource limitations of the production potential of the agro-industrial complex of the regions of Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2014; (2): 7. (In Russ)
31. Bondarenko Yu.P. Factors of interregional differentiation in assessing the potential of economic growth of agriculture in Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2010; (1): 5. (In Russ)
32. Bondarenko Yu.P. The farming sector of the regions in solving the problem of food security in Russia. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2009; (8): 59-62. (In Russ)

33. Statistical information of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. - URL: <http://www.gks.ru/>
34. Statistical information of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation. - URL: <http://mcx.ru/>
35. Statistical information of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography of the Russian Federation. – URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/>

Информация об авторе

Ю.П. Бондаренко – кандидат экономических наук

Information about the author

Yu.P. Bondarenko – Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 57-63.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 57-63.

Научная статья
УДК 331.56

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕАКЦИИ СЕЛЬСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОЛЕБАНИЯ: ОЦЕНКА ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Татьяна Викторовна Блинова¹, Владимир Александрович Марков²

¹ Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия,

² Научный экспертно-аналитический центр

АН Республики Саха (Якутия), Россия

^{1 2} iagpran@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию и моделированию гендерных различий в циклической реакции сельской безработицы на экономические колебания с использованием модели Оукена. На основе оценки значений коэффициента Оукена измерялась зависимость между динамикой выпуска и реакцией сельской безработицы как мужской, так и женской. Результаты исследования показали, что степень чувствительности мужской сельской безработицы к деловому циклу оказалась более высокой, чем женской.

Ключевые слова: сельская безработица, закон Оукена, экономические колебания, гендерные различия

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00681.

Для цитирования: Блинова Т.В., Марков В.А. Моделирование реакции сельской безработицы на экономические колебания; оценка гендерных различий // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 57-63.

Original article

MODELING THE RESPONSE OF RURAL UNEMPLOYMENT TO ECONOMIC VARIATIONS: ASSESSMENT OF GENDER DIFFERENCES

Tatyana V. Blinova¹, Vladimir A. Markov²

¹ Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia

² Scientific Expert and Analytical Center of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Russia

^{1 2} iagpran@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study and modeling of gender differences in the cyclical response of rural unemployment to economic fluctuations using the Okun model. Based on the assessment of the values of the Okun coefficient, the relationship between the dynamics of output and the response of rural unemployment, both male and female, was measured. The results of the study

showed that the degree of sensitivity of male rural unemployment to the business cycle was higher than that of female unemployment.

Keywords: rural unemployment, Okun's law, economic fluctuations, gender differences

Funding: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project No. 20-010-00681.

For citation: Blinova T.V., Markov V.A. Modeling the response of rural unemployment to economic fluctuations; assessment of gender differences // *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2022; (1):57-63.

Введение.

Обратная зависимость и отрицательная связь между безработицей и экономическим ростом (спадом), описанная Оукеном [1], отражает один из фундаментальных механизмов регулирования рынка труда. В зарубежной научной литературе исторически сложившуюся взаимосвязь уровня безработицы с реальным объемом производства считают одной из самых прочных [2, 3]. Первоначально эконометрическая модель Оукена была предназначена для количественной оценки потенциального объема выпуска в условиях полной занятости [1]. Основная задача состояла в том, чтобы рассчитать потенциальные возможности экономики США при полной занятости, допускающей уровень безработицы, не ускоряющий инфляцию. По результатам выполненных расчетов и эмпирического анализа данных рынка труда и экономики США в 1947-1960 гг. был сделан вывод, что, рост безработицы на один процентный пункт, превышающий естественный уровень безработицы, который в то время составлял 4%, означает спад производства на 3 процентных пункта [1]. Исследованию на основе модели Оукена взаимосвязи «выпуск-безработица» посвящено немало современных работ российских и зарубежных авторов [4 - 9]. Наибольший научный интерес представляет оценка реакции отдельных сегментов рынка труда на экономические колебания. Так, Эванс, рассматривая отношение «выпуск - безработица» в разрезе пола и возраста, приходит к выводу, что для молодых людей, не имеющих опыта работы, риски увольнения в период экономического кризиса выше, чем для более опытных квалифицированных работников [2]. Исследователи убеждены, что стимулирование темпов роста экономики ведет как к повышению уровня занятости, так и значительному сокращению молодежной безработицы [10, 11].

Эванс рассчитал динамику коэффициента участия, который измеряет циклическую реакцию рабочей силы на экономические колебания и шоки выпуска. Результаты показали, что занятые мужчины в средних возрастных группах, как правило, остаются в составе рабочей силы на протяжении всего делового цикла, тогда как участие в рабочей силе женщин является проциклическим [2]. Другие авторы считают, что мужская безработица может быть более циклической, чем женская, если в структуре занятости определенных видов экономической деятельности больше мужчин [3]. Предполагается, что женщины, имеющие малолетних детей, могут выйти из состава рабочей силы в период экономического спада, что не повлияет на рост безработицы. Рассчитав коэффициенты Оукена для разных возрастных когорт мужчин и женщин ряда европейских стран, зарубежные исследователи обнаружили, что не для всех социально-демографических групп коэффициенты оказались статистически значимыми. Наиболее высокие значения коэффициента Оукена характерны для самых молодых когорт, в особенности мужчин. Сделан вывод, что молодое мужское население в наибольшей степени подвержено влиянию бизнес - цикла [3].

Некоторые авторы описывают разнотипные и асимметричные поведенческие реакции рынка труда на экономические шоки. Асимметрия проявляется, во-первых, в межстрановых и межрегиональных контрастах ключевых индикаторов рынка труда и факторах, их объясняющих [9, 13]. Данные исследований позволили сделать вывод, «что особенности реализации закона Оукена в конкретной экономике зависят от определенных характеристик ее рынка труда» [4. С. 477]. Во-вторых, асимметрия проявилась в разнотипных реакциях на спад производства и экономический рост, а именно резком и краткосрочном росте безработицы в условиях экономической рецессии и более медленном восстановлении значений докризисно-

го уровня [7]. Полученные результаты «эконометрического моделирования показали, что в период экономической рецессии коэффициент Оукена отражает более сильную реакцию безработицы на спад, чем в годы восстановительного роста» [7. С. 184]. В-третьих, асимметрия может проявиться в использовании разных комбинаций элементов подстройки к шокам уровней занятости, заработной платы, безработицы, участия в рабочей силы [4]. В то же время следует отметить, что при большом числе работ, где исследуются различные аспекты функционирования рынка труда, недостаточно изучены реакции аграрного рынка труда и сельской безработицы на экономические колебания и шоки [12, 14]. Статья частично восполняет этот пробел, расширяя подходы, представленные в литературе, и учитывая специфические особенности аграрного рынка труда.

Цель исследования - выполнить оценку и провести сравнительный анализ степени чувствительности уровня сельской мужской и женской безработицы к циклическим колебаниям экономической динамики, используя модифицированную модель Оукена. Эмпирическая база основана на данных Росстата. Исследование влияния экономических колебаний на изменение индикаторов аграрного рынка труда является актуальным, особенно в условиях негативных социально-экономических последствий пандемии Covid-19.

Материалы и методы исследования.

Информационную базу исследования составила статистика Росстата. Исходные показатели численности и уровня сельской безработицы получены на основе данных Росстата, размещенных на официальном сайте. В том числе использовались статданные сборников «Регионы России. Социально-экономические показатели»; «Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы); «Сельское хозяйство в России» и др. Темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) определены на основе индекса физического объема валового внутреннего продукта на душу населения. Выборка состоит из 79 российских регионов, период исследования включает 2010-2019 гг. Методологической основой количественной оценки влияния темпов экономического роста на уровень сельской безработицы выступил закон Оукена [1], рассмотрены его модификации [11, 15, 16]. Расчет значений коэффициента Оукена, который измеряет циклическую реакцию безработицы на колебания выпуска, выполнен в отдельности для сельских безработных мужчин и женщин. Высказана рабочая гипотеза, что циклический отклик сельской занятости и сельской безработицы мужчин и женщин различаются, т.к. стратегии на аграрном рынке труда и механизмы адаптации к экономическим шокам не совпадают, имеют специфические особенности и гендерные различия. Причинами неодинакового отклика мужской и женской безработицы на экономические шоки являются гендерные особенности сельской занятости и неодинаковые стратегии участия в рабочей силе в период экономического роста и спада. В литературе обсуждаются разные версии закона Оукена, одна из которых была предложена в 1962 году, с целью оценки потенциального ВВП. В настоящей работе использовалась модифицированная модель Оукена для оценки степени чувствительности уровня сельской безработицы (мужской и женской) к изменениям темпов экономического роста. По параметрам модели, построенной на годовых данных, проверялась гипотеза уязвимости аграрного рынка труда и сельской безработицы к циклическим колебаниям. Для анализа гендерных различий сравнивались значения коэффициента Оукена, специально рассчитанные для разных гендерных групп. В статье рассматриваются гендерные различия реакции сельской безработицы на экономические колебания.

Результаты исследования.

Проведен количественный анализ и выполнено моделирование гендерных различий в поведенческих реакциях сельской безработицы на экономические колебания. Используя модифицированную модель Оукена [11], отражающую зависимость между циклической безработицей, с одной стороны, и экономическим ростом (спадом), с другой стороны, выполнены количественные оценки гендерных различий в экономической чувствительности сельской безработицы. Задача состояла в том, чтобы на базе модифицированной модели Оукена выполнить оценку влияния экономических колебаний и шоков на динамику уровня сельской

мужской и женской безработицы в России. Степень чувствительности аграрного рынка труда к экономическому циклу оценивалась с использованием панельной регрессии и логарифмами уровня сельской безработицы и темпов производства, следуя подходу зарубежных авторов [1, 11, 16]. Уравнение панельной регрессии имеет вид:

$$(U_t) = a + \beta(G_t) + e \quad (1)$$

где U_{it} – уровень сельской безработицы в год t , G_t – темп роста ВВП в период t . Оценивалась модель панельной регрессии на годовых данных за 2010-2019 гг. для сельских безработных, как мужчин, так и женщин. После тестирования подтверждена значимость модели и значений коэффициента Оукена. Учитывались не только гендерные, но и возрастные различия, т.к. важно было понять, в какой степени сельская безработица обусловлена возрастным фактором. Необходимо было получить ответы на вопрос: «Существуют ли гендерные и возрастные особенности реакции аграрного рынка труда на экономические колебания, и какую долю от общей зависимости они определяют?». Для этих целей выполнены спецификации модели:

$$U_w = 11,01 - 0,211535G \quad (2),$$

$$U_m = 16,33 - 0,256032G \quad (3),$$

где: U_w – уровень сельской женской безработицы;

U_m – уровень сельской мужской безработицы.

Расчеты показали, что значения коэффициента Оукена, рассчитанные по моделям с фиксированными кросс-эффектами для мужской и женской сельской безработицы, статистически значимы. Детализация параметров моделей дана в таблице.

Таблица – Оценка моделей, 2010-2019 гг.

Параметр	Коэффициент	Сельская женская безработица	Сельская мужская безработица
G	beta (Okun)	-0,212	-0,256
	Prob.	0,013	0,003
	Std. Error	-0,082	-0,082
	t-Statistic	-2,575	-3,121
intercept	Coefficient	11,01	16,33
	Prob.	0,19	0,06
	Std. Error	8,35	8,34
	t-Statistic	1,32	1,96
Weighted Statistics	Durbin-Watson stat	0,562	0,564
	Mean dependent var	10,072	9,834
	S.D. dependent var	5,046	5,010
	Adjusted R-squared	0,934	0,931
	F-statistic	141,2	134,4
	Prob(F-statistic)	0,000	0,000
	R-squared	0,941	0,938
	S.E. of regression	1,957	1,782

Источник: расчеты выполнены авторами по данным Росстата

Таблица содержит параметры двух моделей, построенных с использованием панельных данных для оценки коэффициента Оукена. Мы выявили наличие и сравнили степень чувствительности безработицы сельских мужчин и женщин разного возраста к бизнес-циклу. Как видим, обе модели имеют сходный экономический смысл, отражая обратную зависимость сельской мужской и женской безработицы, с одной стороны и экономических колебаний, измеряемых динамикой валового внутреннего продукта (ВВП), с другой. Полученные значения коэффициента Оукена значимы по критерию Стьюдента, для сельской мужской и женской безработицы они составляют -0,256 и -0,212 соответственно. Отрицательный знак означает обратную зависимость безработицы и выпуска, что соответствует экономическому содержанию взаимосвязи. Известно, что одной из главных причин изменения уровня безработицы является колебание совокупного спроса, когда спад производства приводит к росту безработицы, а экономический рост понижает ее уровень. Сравнение качества моделей пока-

зывает, что коэффициент детерминации, фиксирующий наличие и объяснительную силу модели составляет 93,4% и 93,1%. Неодинаковые значения коэффициента Оукена отражают разную степень чувствительности возрастных и гендерных групп, занятых в сельской экономике, к колебаниям объемов производства. Чтобы учесть гендерные различия, оценки были сделаны в отдельности для мужчин и женщин.

Данные таблицы показывают, во-первых, что коэффициенты Оукена являются достаточно низкими для рассматриваемых когорт безработных, а именно мужской и женской сельской безработицы, особенно по сравнению с оценками, выполненными для экономически развитых стран [3]. Полученные результаты согласуются с данными других авторов, которые считают, что низкие значения коэффициента Оукена в России объясняются рядом причин, одной из которых является наличие теневой экономики, неформальной занятости и скрытой безработицы, опосредующих влияние спада производства на изменение уровня безработицы. Как отмечают исследователи, «существование скрытой безработицы, производства и занятости населения в теневом секторе ведет к искажениям в исследуемой зависимости динамики ВВП и уровня безработицы» [4. С. 484]. Кроме того, слабую чувствительность изменения безработицы к изменению выпуска в России, авторы объясняют тем, что адаптация к условиям рынка проходила не только за счет изменения числа занятых, но и изменения реальной заработной платы, отработанных чалов, продолжительности рабочей недели [4]. Во-вторых, расчеты, выполненные на базе модифицированной модели Оукена, направленные на оценку степени чувствительности уровня сельской мужской и женской безработицы к колебаниям экономической динамики, дают понять, что мужская сельская безработица является более проциклической, чем женская. Следует также учитывать, что на отношение «выпуск-безработица» влияют не только экономические факторы, но и демографические, а также социальные, в частности, трудовые предпочтения граждан разного пола, возраста, уровня образования, институциональные и социокультурные.

В дальнейшем планируется исследование влияния экономических и эпидемиологических шоков на поведение индикаторов аграрного рынка труда, что является не менее сложной задачей, поскольку необходимо учитывать негативные последствия пандемии коронавируса Covid-19 и структурные сдвиги в сфере занятости. «Пандемия COVID-19 сформировала новые вызовы для эффективного функционирования рынка труда» [17. С. 329]. Не только в России, но и других странах, увеличивается структурная безработица, вызванная повышением спроса на новые компетенции [17].

Заключение.

Статья посвящена исследованию гендерных различий в поведенческих реакциях аграрного рынка труда на экономические колебания на основе оценки коэффициента Оукена, рассчитанного для сельской безработицы мужчин и женщин. Важно отметить, что влияние экономического цикла на разнородные сегменты гетерогенного пространства российского рынков труда слабо исследовано в научной литературе. В меньшей степени исследован аграрный рынок труда и поведенческие реакции его индикаторов на экономические шоки. В статье на основе системных представлений о влиянии экономического роста (спада) на поведение индикаторов аграрного рынка труда, обобщения зарубежного и российского опыта эконометрического анализа, сформирован подход к моделированию поведенческих реакций мужской и женской сельской безработицы в зависимости от ситуации в экономике страны. Проведен анализ влияния экономических колебаний на изменение уровня сельской безработицы с использованием модифицированной модели Оукена. Сокращение совокупно спроса в период экономической рецессии является ключевой причиной роста безработицы на рынке труда, также как экономический рост в посткризисный период способствует снижению уровня безработицы. Исследования зарубежных и российских авторов показывают, что различные сегменты рынка труда обладают разной чувствительностью к экономическим колебаниям, это в определенной степени объясняет различия в уровне безработицы – межрегиональные, секторальные, гендерные, возрастные. В статье исследованы гендерные различия в уровне сельской безработицы, отражающие разную чувствительность неоднородных сегментов аграрно-

го рынка труда. Наши расчеты, выполненные на базе модифицированной модели Оукена с целью оценки степени чувствительности уровня сельской мужской и женской безработицы к циклическим колебаниям, показали, что мужская безработица в большей степени зависит от стадий экономического цикла, чем женская.

Список источников

1. Okun A.M. Potential GNP: Its Measurement and Significance. *American Statistical Association. Proceedings of the Business and Economic Statistics Section*. 1962: 98-104.
2. Evans A. Okun coefficients and participation coefficients by age and gender. *IZA Journal of Labor Economics*. 2018;7(5): 1-22.
3. Zanin L On Okun's Law in OECD countries: an analysis by age cohorts. *Economics Letters*. 2014; 125(2): 243–248.
4. Ахундова О. В., Коровкин А. Г., Королев И.Б. Взаимосвязь динамики ВВП и безработицы: теоретический и практический аспект. Научные труды ИПП РАН. Под ред. А. Г. Коровкина. 2005, с. 471–497.
5. Вакуленко Е.С., Гурвич Е.Т. Взаимосвязь ВВП, безработицы и занятости: углубленный анализ закона Оукена для России // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 5-27.
6. Kargi B. Okun's law and long term cointegration analysis for OECD countries (1987–2012). *International Research Journal of Finance and Economics*. 2014; (119): 77–85.
7. Blinova T.V., Rusanovskii V.A., Markov V.A. Assessment of the reaction of cyclical unemployment to the economic decline and recovery growth in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020: 13(6): 184–198. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.11.
8. Blinova T.V., Rusanovskii V.A., Markov V.A. Estimating the Impact of Economic Fluctuations on Unemployment in Russian Regions Based on the Okun Model. *Studies on Russian Economic Development*. 2021: 32(1): 103-110. DOI: 10.1134/S1075700721010032
9. Boeri T., Jimeno J. F. Learning from the Great Divergence in Unemployment in Europe during the Crisis. *Labour Economics*. 2016; (41): 32–46. DOI: 10.1016/j.labeco. 2016.05.022.
10. Dixon, R. Lim, G. C. and J. C. van Ours Revisiting the Okun relationship. *Applied Economics*. 2017; 49:28, 2749-2765. DOI: 10.1080/00036846.2016.1245846
11. O'Higgins N. This Time It's Different? Youth Labour Markets during 'The Great Recession'. *Comparative Economic Studies*. 2012; (54):395–412. DOI: 10.1057/ces. 2012.15.
12. Блинова Т.В., Марков В.А. Влияние темпов сельскохозяйственного производства на уровень сельской безработицы // АПК: экономика, управление. 2021. № 8. С. 3-8.
13. Молодежный рынок труда: оценка и моделирование межрегиональных различий. М, 2016.
14. Блинова Т.В. Факторы сельской безработицы в период экономической рецессии // АПК: экономика, управление. 2020. № 4. С.62-68.
15. Tombolo G., Hasegawa M. Okun's law: Evidence for the Brazilian economy. *The Economic Research Guardian*. 2014; 4(1): 2–12.
16. Boulhol H., Sicari P. Labour Market Performance by Age Groups: A Focus on France, OECD *Economics Department Working Papers*. 2013: 1027.
17. Чекмарев О.П., Лукичев П.М., Конев П.А. Факторы изменений рынка труда России под влиянием пандемии COVID-19 и стратегии адаптации работодателей // Экономика труда. 2021. Том 8. № 4. С. 329-340.

References

1. Okun A.M. Potential GNP: Its Measurement and Significance. *American Statistical Association. Proceedings of the Business and Economic Statistics Section*. 1962: 98-104.
2. Evans A. Okun coefficients and participation coefficients by age and gender. *IZA Journal of Labor Economics*. 2018;7(5): 1-22.
3. Zanin L On Okun's Law in OECD countries: an analysis by age cohorts. *Economics Letters*. 2014; 125(2): 243–248.

4. Akhundova O. V., Korovkin A. G., Korolev I.B. Interrelation of GDP dynamics and unemployment: theoretical and practical aspect. *Scientific works of INP RAS*. Edited by A. G. Korovkin. 2005, pp. 471-497. (In Russ)
5. Vakulenko E.S., Gurvich E.T. The relationship of GDP, unemployment and employment: an in-depth analysis of the Okun Law for Russia. *Economic issues*. 2015; (3): 5-27. (in Russ)
6. Kargi B. Okun's law and long term cointegration analysis for OECD countries (1987–2012). *International Research Journal of Finance and Economics*. 2014; (119): 77–85.
7. Blinova T.V., Rusanovskii V.A., Markov V.A. Assessment of the reaction of cyclical unemployment to the economic decline and recovery growth in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020: 13(6): 184–198. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.11.
8. Blinova T.V., Rusanovskii V.A., Markov V.A. Estimating the Impact of Economic Fluctuations on Unemployment in Russian Regions Based on the Okun Model. *Studies on Russian Economic Development*. 2021: 32(1): 103-110. DOI: 10.1134/S1075700721010032
9. Boeri T., Jimeno J. F. Learning from the Great Divergence in Unemployment in Europe during the Crisis. *Labour Economics*. 2016; (41): 32–46. DOI: 10.1016/j.labeco. 2016.05.022.
10. Dixon, R. Lim, G. C. and J. C. van Ours Revisiting the Okun relationship. *Applied Economics*. 2017; 49:28, 2749-2765. DOI: 10.1080/00036846.2016.1245846
11. O'Higgins N. This Time It's Different? Youth Labour Markets during 'The Great Recession'. *Comparative Economic Studies*. 2012; (54):395–412. DOI: 10.1057/ces. 2012.15.
12. Blinova T.V., Markov V.A. The influence of agricultural production rates on the level of rural unemployment. *Agroindustrial complex: economics, management*. 2021; (8): 3-8. (In Russ)
13. Youth labor market: assessment and modeling of interregional differences. М, 2016. (In Russ)
14. Blinova T.V. Factors of rural unemployment during the economic recession. *Agroindustrial complex: economics, management*. 2020; (4): 62-68. (In Russ)
15. Tombolo G., Hasegawa M. Okun's law: Evidence for the Brazilian economy. *The Economic Research Guardian*. 2014; 4(1): 2–12.
16. Boulhol H., Sicari P. Labour Market Performance by Age Groups: A Focus on France, OECD *Economics Department Working Papers*. 2013: 1027.
17. Chekmarev O.P., Lukichev P.M., Konev P.A. Factors of changes in the Russian labor market under the influence of the COVID-19 pandemic and employer adaptation strategies. *Labor economics*. 2021; 8(4): 329-340.

Информация об авторах

Т.В. Блинова – доктор экономических наук;
В.А. Марков – кандидат экономических наук.

Information about the authors

T.V. Blinova – Doctor of Economic Sciences;
V.A. Markov - Candidate of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 26.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022;
принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 26.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022;
accepted for publication 15.04.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 64-73.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 64-73.

Научная статья
УДК 314.5

СТУДЕНТЫ О ДЕТЯХ, СЕМЬЕ И РОДИТЕЛЬСТВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Татьяна Викторовна Блинова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. На основе сопоставления результатов исследования репродуктивных установок молодежи, представленных в отечественной и зарубежной литературе, анализа данных пилотного опроса студентов аграрного университета, проведенного в Саратове (ноябрь-декабрь 2020 г.), исследованы ценностные ориентации и определено место детей в иерархии ценностей молодежи. Изучены представления об идеальном количестве детей в семье, выявлены гендерные и сельско-городские различия, особенности отношения к модели «childfree» (добровольной бездетности), оценено влияние пандемии Covid-19 на принятие решения о рождении ребенка.

Ключевые слова: репродуктивные установки, студенты, сельско-городские и гендерные различия, пилотный опрос, пандемия Covid-19.

Для цитирования: Блинова Т.В. Студенты о детях, семье и родительстве в период пандемии Covid-19: сельско-городские сопоставления // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 64-73.

Original article

STUDENTS ON CHILDREN, FAMILY AND PARENTING DURING THE COVID-19 PANDEMIC: RURAL-URBAN COMPARISONS

Tatyana V. Blinova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. Based on a comparison of the results of a study of the reproductive attitudes of young people presented in domestic and foreign literature, an analysis of data from a pilot survey of students of an agricultural university conducted in Saratov (November-December 2020), value orientations were studied and the place of children in the hierarchy of youth values was determined. The ideas about the ideal number of children in a family were studied, gender and rural-urban differences were identified; the peculiarities of attitudes towards the “childfree” model (voluntary childlessness), the impact of the Covid-19 pandemic on the decision to have a child was assessed.

Keywords: *reproductive attitudes, students, rural-urban and gender differences, pilot survey, Covid-19 pandemic.*

For citation: *Blinova T.V. Students on children, family and parenting during the COVID-19 pandemic: rural-urban comparisons // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1):64-73.*

Введение.

Второй демографический переход [1-3] сопровождается трансформацией социального института семьи, радикальными переменами в семейно-брачных отношениях и репродуктивном поведении семей в экономически развитых и большинстве развивающихся стран. Как и во всем мире в России меняются формы и модели семейно-брачных отношений, повышается их многообразие, появляются новые семейные практики [4, с. 240]. Институт брака пережил глубокие потрясения [5], сопровождаемые растущей терпимостью общества к добравному сексуальному поведению и внебрачному деторождению [6]. Большая часть внебрачных деторождений приходится на неформальные союзы, при этом их стабильность ниже по сравнению с официальными союзами с детьми [7]. «Сомнения в надежности отношений с неофициальными партнерами приводят к откладыванию рождения детей» [8, с.26], что формирует предпосылки снижения рождаемости. Многие авторы справедливо считают, что «брачное поведение современных россиян принципиально не отличается от брачного поведения жителей западных стран, где количество браков снижается, на их место приходит сожителство, а также растет число разводов» [9, с.74].

Глобальным трендом второго демографического перехода является «старение рождаемости» («старение материнства»), сопровождаемое повышением возраста вступления в первый брак и возраста рождения ребенка. «Старение материнства» является следствием повышения длительности протогенетического интервала, то есть интервала между вступлением в брак (зарегистрированный или нет) и рождением первого ребенка» [10, с. 6]. Увеличение возраста вступления в брак и более позднее рождение ребенка свидетельствует о расширении практики «отложенного родительства», которое все больше становится итогом личного выбора, как женщин, так и мужчин. Кроме того, увеличилось число семейных пар, сознательно отказавшихся от рождения детей и продолжения рода (child free). Повышение возраста вступления в первый брак, рост «отложенных деторождений», а также сознательная бездетность привели к значительному снижению рождаемости [11,12]. Спаду рождаемости способствовало также стремление женщин получить хорошее образование и достойную работу. Рост участия женщин в составе рабочей силы во всех развитых странах и большинстве развивающихся сопровождался распространением малодетности и бездетности [13]. Для молодежи повысилась значимость личного выбора на фоне ослабления социального контроля, как со стороны представителей старших поколений, так и со стороны мужчин над женщинами. В экономически развитых странах резко сократилась доля домохозяйств, состоящих из представителей разных поколений, что снизило влияние старших на принятие решений молодыми людьми [14]. Вместе с развитием информационных технологий и социальных сетей молодежь экономически развитых и развивающихся стран активно осваивала новые формы общения [15].

Таким образом, в России, как и других странах, происходят фундаментальные демографические изменения, связанные с трансформацией института семьи, повышением многообразия форм семейной жизни, возрастанием роли «индивидуального выбора» и конкуренций многообразных потребностей, когда потребность в детях уже не является наиболее значимой. «Меняется не только институт семьи, исследователи фиксируют расширяющееся разнообразие семейных жизненных путей в XXI в.» [16, с.48].

Цель исследования – провести сельско-городские сопоставления и выявить различия в отношении студенческой молодежи к современной семье, определить место детей в иерархии ценностей сельчан и горожан, понять представление об идеальном и желаемом количестве детей, выявить гендерные и сельско-городские различия и особенности восприятия мо-

дели «childfree», оценить степень влияния пандемии Covid-19 на рождаемость. Актуальность исследования подтверждается тем, что «именно в период студенчества необходимо целенаправленное воздействие на процессы развития у молодежи представлений о семье, формирование репродуктивных установок и установок на родительство в целом» [17, с.126]. Исследование репродуктивных установок и предпочтений современной молодежи позволяет понять направления дальнейшего демографического развития сельских и городских территорий.

Материалы и методы.

Эмпирическая база исследования представлена данными прикладного пилотного социологического исследования, проведенного ИАГП РАН. Методом сбора информации являлся дистанционный анкетный опрос студентов Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова в ноябре-декабре 2020 г. Всего было опрошено 230 студентов, но после контроля и отбраковки осталось 216 анкет. В числе опрошенных - 65 человек в возрасте 17-19 лет (30,1%), 106 лиц 20-21 года (49,1%) и 45 человек в возрасте 22-25 лет (20,8%). В составе выборки 78 мужчин (36,1%) и 138 женщин (63,9%). В сельской местности родилось и проживало до поступления в аграрный университет 66 студентов (31,4%), горожанами являются 144 респондента (68,6%). Валидных наблюдений по признаку «место рождения» 210, т.к. 6 анкет заполнены зарубежными студентами, указавшими только страну проживания. Анкета включала блоки вопросов, связанных с изучением ценностных ориентаций, репродуктивных установок и предпочтений, выяснением отношения к сознательной бездетности семей и отказу от продолжения рода, оценкой влияния пандемии Covid-19 на принятие решения о рождении ребенка. Обработка результатов пилотного опроса проведена с использованием пакета прикладных программ SPSS 17.0.

Результаты исследования.

Прежде всего, были исследованы ценностные ориентации молодых сельских и городских мужчин и женщин, выявлены их представления об идеальном и желаемом количестве детей в семье. Изучено отношение студентов к сознательной бездетности, обсуждались предпочтительные для современной молодежи модели семьи и причины низкой рождаемости в России, рассматривались варианты влияния пандемии Covid-19 на рождаемость.

Иерархия ценностей. Исследователями доказано, что «репродуктивные намерения и оценка условий их реализации в значительной мере определяются ценностными ориентациями молодежи» [18, с. 92]. В статье проанализирована иерархия ценностей респондентов с учетом места проживания до поступления в аграрный университет, и составлен рейтинг (табл. 1).

Результаты исследования показали, что в иерархии жизненных ценностей сельских юношей семья с детьми стоит на первом месте, в отличие от городских, где она занимает шестое место после здоровья, свободы, работы по душе, реализации способностей, профессионального успеха. В иерархии жизненных ценностей молодых женщин, как городских, так и сельских, семья с детьми на пятом месте. На первом и втором находятся здоровье и внутренний комфорт (гармония с собой), затем профессиональный успех (или материальная обеспеченность) и работа по душе.

Таким образом, как показали результаты исследования, семья с детьми для большинства студентов не является ценностью первостепенной важности. Исследования, проведенные другими авторами, свидетельствуют, что только 18% молодежи видят радость жизни в детях, около 47% с той или иной категоричностью отвергают традиционные установки на детность как залог личного, семейного счастья [19]. По мнению молодежи, рождение ребенка привносит в жизнь больше трудностей, чем позитивных изменений, что провоцирует рационализм и прагматизм индивидуальных репродуктивных установок молодого поколения [19]. Данные, полученные многими авторами, дают понять, что «высокооплачиваемая работа и материальная обеспеченность, высокий социальный статус, активный и многообразный досуг занимают ведущие позиции социальных установок и ценностных ориентаций современного человека» [20, с 40].

Таблица 1 – Гендерные различия в иерархии жизненных ценностей студентов в зависимости от места постоянного проживания до поступления в университет

N	Мужчины		Женщины	
	Село	Город	Село	Город
1	Семья, дети	Здоровье	Здоровье	Гармония с собой, внутренний комфорт
2	Здоровье	Свобода	Гармония с собой, внутренний комфорт	Здоровье
3	Свобода	Работа по душе	Профессиональный успех, карьера	Материальная обеспеченность
4	Общение с друзьями	Реализация способностей	Работа по душе	Работа по душе
5	Яркая, насыщенная событиями жизнь	Профессиональный успех, карьера	Семья, дети	Семья, дети
6	Работа по душе	Семья, дети	Получение от жизни удовольствия	Профессиональный успех, карьера
7	Образование	Гармония с собой, внутренний комфорт	Материальная обеспеченность	Свобода
8	Получение от жизни удовольствия	Образование	Свобода	Реализация способностей
9	Материальная обеспеченность	Яркая, насыщенная событиями жизнь	Реализация способностей	Получение от жизни удовольствия
10	Профессиональный успех, карьера	Материальная обеспеченность	Образование	Образование
11	Гармония с собой, внутренний комфорт	Получение от жизни удовольствия	Яркая, насыщенная событиями и жизнь	Яркая, насыщенная событиями жизнь
12	Путешествие и познание мира	Общение с друзьями	Общение с друзьями	Путешествия и познание мира
13	Реализация способностей	Путешествия и познание мира	Путешествия и познание мир	Общение с друзьями
14	Высокий социальный статус (власть, престижная работа, уважение)	Высокий социальный статус (власть, престижная работа, уважение)	Высокий социальный статус (власть, престижная работа, уважение)	Высокий социальный статус (власть, престижная работа, уважение)

Репродуктивные установки. Сохраняются различия между репродуктивными установками мужчин и женщин, выросших в городской и сельской местности. Полученные результаты свидетельствуют, что репродуктивные установки молодых сельчан выше, чем горожан, а мужчин выше, чем женщин. Проведенное исследование показывает, что сельские мужчины считают идеальным иметь в семье более двух детей (2,27), что является максимальным числом детей среди опрошенных студентов, а в качестве желаемого количества детей они назвали 2,5 ребенка (городские мужчины – 2,0 и 2,02 соответственно). У сельских женщин среднее идеальное число детей составляет 2,11, в то время как желаемое – 2,17. Меньше всего детей в семье хотят иметь горожанки, идеальным и желаемым они назвали наличие одного-двух детей (1,93 и 1,9). Желаемое количество детей в семье отражает репродуктивные предпочтения мужчин и женщин, проживающих в городской и сельской местности. Следует обратить внимание на то, что молодые мужчины, как сельские, так и городские, в отличие от женщин, желали бы иметь больше детей, чем считают идеальным.

Сельско-городские различия выявлены также при анализе мнения респондентов о мерах поддержки семей с детьми и стимулирования роста рождаемости. Как показывают результаты опроса, выходцы из села чаще горожан считают, что росту числа детей в семье могло бы способствовать увеличение зарплаты работающих членов семьи (87,9% и 79,2%), улучшение жилищных условий (71,2% и 58,3%), улучшение медицинского обслуживания детей (50,0% и 34,7%), увеличение ежемесячного пособия на ребенка до величины прожиточного минимума (48,5% и 38,9%), а также увеличение размера материнского капитала до 1 млн. рублей (33,3% и 27,1%). Молодые горожане считают важными такие меры, как повышение доступности и качества образования (52,1% при среднем значении по выборке 50,0%), гарантии трудоустройства матерей (31,9% при среднем значении 31,0%). Нельзя не заметить,

что выходцы из села, в особенности мужчины, в большей мере поддерживают те инструменты, которые направлены на улучшение условий жизнедеятельности семей с детьми. Меры, связанные с повышением заработной платы и пособия на детей, также как и размера материнского капитала, выполняют компенсирующую функцию, частично возмещая расходы, связанные с рождением, воспитанием детей и ответственным родительством. В гораздо меньшей мере они выполняют стимулирующую функцию, особенно для городских женщин. Создание условий для совмещения материнства и занятости, комплексное развитие социальной инфраструктуры детства, создание среды, доброжелательной к семье с детьми, а также формирование потребности молодежи в детях являются не менее важными направлениями социальной политики [21].

Отношение к добровольной бездетности. Особое беспокойство и научный интерес вызывают тенденции, связанные с расширением сторонников и сочувствующих добровольной бездетности – модели семьи «childfree» [22]. Данные опроса российских женщин до 45 лет и мужчин до 55 лет о желаемом и ожидаемом числе детей, проведенного Левада-Центром в 2019 г., показали, что 39% планируют иметь двоих детей, 27% - одного, 13% - троих, 5% четверых и более, а 9% респондентов предпочли бы остаться бездетными [23]. В России добровольная бездетность и отказ от продолжения рода не являются массовыми, но получили поддержку отдельных социальных групп. В Интернете активно обсуждаются достоинства семьи без детей, продвигаются ценности модели childfree [24]. По данным нашего опроса большинство молодых сельчан (78,8%) и горожан (69,4%) указали на нейтральное отношение к людям, которые сознательно не хотят иметь детей, считая, что такой выбор – это их личное дело (табл.2).

Таблица 2 – Сельско-городские различия в субъективной оценке студентов модели «childfree», % от соответствующей группы

Отношение к людям, которые не хотят иметь детей	Село	Город	Среднее по выборке
Положительное, в чем-то я их понимаю	6,1	22,2	17,1
Нейтральное, это их личное дело	78,8	69,4	72,7
Отрицательное	9,1	2,8	4,6
Трудно сказать	6,0	5,6	5,6

Как показывают данные таблицы 2, положительно относятся к отказу от продолжения рода 6,1% молодых сельчан и 22,2% горожан, которые подчеркнули, что в чем-то их понимают. Отрицательное отношение характерно для 9,1% сельских и 2,8% городских студентов, остальные затруднились с ответом. Если рассматривать гендерные различия, не учитывая место рождения, то девушки чаще юношей положительно относятся к сознательной бездетности и добровольному отказу от продолжения рода (22,2% и 7,7% соответственно). Только 5,8% девушек и 2,6% молодых людей указали, что отрицательно относятся к людям, не желающим иметь детей.

Отношение к выбору модели семьи. Результаты опроса показывают, что современное поколение, в особенности городская молодежь, больше тяготеет к эгалитарной модели семьи, которая функционирует на основе гендерного равноправия и равноценного участия каждого в жизни семьи (табл.3).

Таблица 3 – Сельско-городские различия в выборе модели семьи, % от соответствующей группы

Предпочитаемая модель семьи	Село	Город	Среднее по выборке
Женщина – хранительница семейного очага, мужчина - добытчик	21,2	9,8	13,1
Каждый делает то, что у него лучше получается	10,6	18,2	16,8
В семье должно быть равноправие и все обязанности - поровну	68,2	72,0	70,1

По данным таблицы 3 68,2% выходцев из села и 72,0% горожан считают, что в семье должно быть равноправие, в том числе и в распределении обязанностей. Около 10,6% моло-

дых сельчан и 18,2% горожан убеждены, что в семье каждый должен делать то, что у него лучше получается. Сторонниками традиционного распределения ролей в семье, когда мужчина зарабатывает деньги, а женщина занимается воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства, являются 21,2% молодых сельчан. Для молодых горожан такая модель уже не привлекательна, лишь 9,8% сделали выбор в пользу традиционной модели. Полученные нами данные согласуются с результатами исследования других авторов, которые на основании мониторинга репродуктивного потенциала населения эмпирически подтвердили, что молодые супруги склоняются к равенству полов, признают совместное равноценное участие супругов в семейной жизни, что говорит о формировании в молодежной среде нового стереотипа распределения семейных обязанностей [25]. При этом, как свидетельствуют результаты исследований, проведенных различными авторами, женщины чаще мужчин демонстрируют новые модели ролевого поведения, которые корректируют традиционные гендерные отношения [26, 27].

Влияние пандемии Covid-19. «Вопрос о влиянии пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 на демографическую ситуацию в России представляется особенно важным в контексте продолжающейся в стране депопуляции» [9, с. 72].

Таблица 4 - Сельско-городские различия в оценке влияния пандемии Covid-19 на рождаемость, %

Реализуют ли свои планы семьи, решившие завести детей, в период пандемии Covid-19?	Село	Город	Среднее по выборке
Думаю, да	55,4	52,9	53,7
Думаю, нет	44,6	47,1	46,3

Анализ мнения опрошенных студентов позволяет сделать вывод, что выходцы из сельской местности чаще, чем горожане считают, что семьи, решившие завести детей, обязательно реализуют свои планы, несмотря на пандемию Covid-19 (55,4% и 52,9%). В то же время 44,6% выходцев из села и 47,1% горожан убеждены, что в период пандемии Covid-19 репродуктивные намерения тех семей, которые планировали завести ребенка, не будут реализованы. Анализ гендерных различий показывает, что женщины чаще мужчин склоняются к мысли, что эти семьи вне зависимости от сложившихся обстоятельств решатся на рождение детей в период пандемии (56,7% против 48,1% среди мужчин).

Мужчины чаще думают, что это произойдет из-за любви к своей семье и детям (61,8% по сравнению с 52,1% среди женщин). Девушки считают, что, кроме любви к семье, объяснением может быть желание продолжения отношений с партнером (50,7% по сравнению с 38,2% среди мужчин). Причинами могут стать как возросшее свободное время в самоизоляции (20,6% мужчин и 11,0% женщин), так и потребности в позитиве (8,8% мужчин и 6,8% женщин). Главными причинами «отложенных деторождений», по мнению женщин, является неопределенность влияния пандемии Covid-19 на беременность и будущего ребенка (51,8% по сравнению с 47,5% среди мужчин) и опасения относительно трудностей получения медицинской помощи, связанной с беременностью, вовремя и в полном объеме (48,2% и 45,0% соответственно). По мнению мужчин, основной причиной отказа от запланированного рождения детей, являются опасения экономических последствий пандемии, в частности, возможной потери работы и снижения стабильности доходов (65,0% мужчин и 57,1% женщин). Наличие феномена «отложенного родительства» дает основание предположить, что вместе с завершением пандемии Covid-19 последует компенсаторный рост рождаемости. В связи с чем, возможно, удастся избежать глубокой «демографической ямы» в том числе «за счет реализации отложенных рождений после окончания пандемии» [28, с. 151]. Исследователи подчеркивают, что «вопрос о влиянии пандемии Covid-19 на брачное поведение и репродуктивные установки российских женщин является крайне актуальным с точки зрения корректировки будущих демографических прогнозов» [9, с.74].

Заключение.

В статье исследованы ценностные ориентации студентов в возрасте 17-25 лет, представления об идеальном количестве детей в современной семье, репродуктивные установки и отношение к «модели childfree», выполнены сельско-городские сопоставления. Подтвержден эффект «отложенного родительства» и доказано влияние пандемии коронавируса Covid-19 на принятие решения о рождении ребенка. Эмпирическая база представлена данными пилотного опроса студентов в ноябре-декабре 2020 г. Несмотря на то, что большая часть студенческой молодежи по данным опроса хотела бы создать семью, «дети и родительство» не вошли в число наиболее значимых ценностей городской молодежи. Полученные результаты свидетельствуют, что репродуктивные установки сельских студентов выше, чем городских, в особенности молодых мужчин, которые до поступления в аграрный университет проживали в сельской местности. В то же время многие молодые горожанки считают, что замужество и рождение детей мешают профессиональной карьере, экономической независимости женщины, возможности самореализации. Проведенное исследование показывает, что фундаментальные перемены, происходящие в России, связанные с изменением репродуктивных установок городской и сельской молодежи, понижением места детей в иерархии социальных ценностей, толерантным отношением к добровольной бездетности, находятся в контексте системных изменений демографического перехода, который является глобальной закономерностью, затрагивающей большинство стран мира.

Влияние пандемии Covid-19 на рождаемость, как показали исследования, проявляется, во-первых, в отказе от родительства и продолжения рода. Во-вторых, в наличии «отложенных деторождений», формирующих краткосрочный потенциал роста рождаемости в постпандемический период. Результаты исследования мнений студенческой молодежи, как юношей, так и девушек, о ценности семьи, детей, родительства, влиянии пандемии Covid-19 на рождаемость могут быть полезны для разработки региональных программ поддержки молодых семей с детьми и стратегии демографического развития сельских территорий.

Список источников

1. Lesthaeghe, R. The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014;(111):18112–18115.
2. Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*. 1987; 42(1): 1–59.
3. Захаров С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Демоскоп Weekly. - URL: <http://demoscope.hse.ru/zaharov>.
4. Егорова, Шорыгин. Партнерство, семья и родительство в нарративах незарегистрированных пар // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 18 (2). С. 239–254.
5. Cherlin A. Goode's world revolution and family patterns: A reconsideration at fifty years. *Population and Development Review*. 2012;(38): 577–607.
6. Thornton, A., Young-DeMarco, L. Four decades of trends in attitudes towards family issues in the United States: The 1960s through the 1990s. *Journal of Marriage and Family*. 2004;(63): 1009–1037.
7. Manning, W., Smock, P., Majumdar, D. The relative stability of cohabiting and marital unions for children. *Population Research and Policy Review*. 2004;(23): 135–159.
8. Синельников А.Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26–39.
9. Смирнов А.В., Храмова М.Н. Влияние пандемии COVID-19 на репродуктивные установки россиянок // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 72–81.
10. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14).
11. Casterline, J. Prospects for fertility decline in Africa. *Population and Development Review*. 2017;43(S1): 3–18.

12. Madsen, J., Moslehi, S., Wang, C. What has driven the great fertility decline in developing countries since 1960? *The Journal of Development Studies*. 2018; (54): 738–757
13. Kreyenfeld, M., Konietzka, D. Childlessness in Europe: Contexts, causes, and consequences. *Demographic Research Monographs*. Springer International Publishing. 2017/
14. Taylor, H., Taylor, R., Nguyen, A., Chatters, L. Social isolation, depression, and psychological distress among older adults. *Journal of Aging and Health*. 2018;(30): 229–246
15. Greenwood, J. Evolving households: The imprint of technology on life. *Cambridge MA, The MIT Press*. 2018.
16. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 21, № 1 (26). С. 31–54.
17. Багирова А.П., Шубат О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126-131.
18. Кучмаева О. В., Золотарева О. А., Гуляев С. Б. Современная российская молодежь: ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2021. № 2. С. 92-103.
19. Ивченков С.Г., Ивченкова М.С. Особенности репродуктивных установок современной молодежи: мнения экспертов и реальность // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11. С. 36-44.
20. Дунаева О. Н. Гендерный ресурс общества: супружество и родительство // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2, № 4. С. 38-49.
21. Блинова Т.В. Отношение сельских женщин к дополнительным мерам демографической политики // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2018. №1. С.18.
22. Белинская Д. В. Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. 2018. Т. 4, № 13. С. 12—19.
23. Желаемое и ожидаемое число детей (2019) // Левада-Центр. - URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislo-detej/>.
24. Вильданова С. М., Граничная А. А., Мингалиева А. Р., Салыхиева Л. М. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 192—205.
25. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 147-160.
26. Клёдина И.С., Иоффе Е.В. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 72–90.
27. Блинова Т.В., Вяльшина А.А. Социальное самочувствие работающих матерей: современные проблемы // Женщина в российском обществе. 2020. №3. С.103-114.
28. Русанова Н.Е. Рождаемость после пандемии: "бэби - бум" или "демографическая яма"? // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2020. № 4. С. 151–159.

References

1. Lesthaeghe, R. The second demographic transition: A concise overview of its development. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2014:(111):18112–18115.
2. Van de Kaa D. J. Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*. 1987; 42(1): 1–59.
3. Zakharov S.V. Birth rate in Russia: the first and second demographic transition // Demoscope Weekly. - URL: <http://demoscope.hse.ru/zaharov>. (In Russ)
4. Egorova, Shorygin. Partnership, family and parenthood in the narratives of unregistered couples. *Journal of Social Policy Research*. 2020;18 (2): 239-254. (In Russ)

5. Cherlin A. Goode's world revolution and family patterns: A reconsideration at fifty years. *Population and Development Review*. 2012;(38): 577–607.
6. Thornton A., Young-DeMarco L. Four decades of trends in attitudes towards family issues in the United States: The 1960s through the 1990s. *Journal of Marriage and Family*. 2004;(63): 1009–1037.
7. Manning W., Smock P., Majumdar D. The relative stability of cohabiting and marital unions for children. *Population Research and Policy Review*. 2004;(23): 135–159.
8. Sinelnikov A.B. Transformation of marriage and fertility in Russia. *Population*. 2019;(2); 26-39. (In Russ)
9. Smirnov A.V., Khramova M.N. The impact of the COVID-19 pandemic on the reproductive habits of Russian women. *DEMIS. Demographic research*. 2021;1(4): 72-81. (In Russ)
10. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Changes in reproductive and marital behavior of the Russian population (based on the analysis of sample studies of Rosstat). *Social Space*. 2018;2 (14). (In Russ)
11. Casterline J. Prospects for fertility decline in Africa. *Population and Development Review*. 2017;43(S1): 3–18.
12. Madsen J., Moslehi S., Wang C. What has driven the great fertility decline in developing countries since 1960? *The Journal of Development Studies*. 2018; (54): 738–757.
13. Kreyenfeld M., Konietzka D. Childlessness in Europe: Contexts, causes, and consequences. *Demographic Research Monographs*. Springer International Publishing. 2017.
14. Taylor H., Taylor R., Nguyen A., Chatters L. Social isolation, depression, and psychological distress among older adults. *Journal of Aging and Health*. 2018;(30): 229–246.
15. Greenwood J. Evolving households: The imprint of technology on life. Cambridge MA, The MIT Press. 2018.
16. Gurko T.A. Theoretical approaches to the study of the transformation of the family institute. *Sociological Journal*. 2020;1(26): 31-54. (In Russ)
17. Bagirova A.P., Shubat O.M. Family and parenthood through the prism of student opinions. *Sociological research*. 2017;(7): 126-131. (In Russ)
18. Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A., Gulyaev S.B. Modern Russian youth: value aspects of the realization of reproductive intentions. *Bulletin of YURSTU (NPI)*. 2021;(2): 92-103. (In Russ)
19. Ivchenkov S.G., Ivchenkova M.S. Features of reproductive attitudes of modern youth: expert opinions and reality. *Alma mater (Bulletin of the Higher School)*. 2020;(11): 36-44. (In Russ)
20. Dunaeva O.N. Gender resource of society: matrimony and parenthood. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*. 2016;2(4): 38-49. (In Russ)
21. Blinova T.V. The attitude of rural women to additional measures of demographic policy. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2018;(1):18. (In Russ)
22. Belinskaya D. V. Childfree's social portrait. *Bulletin of the Tambov University. Ser.: Social Sciences*. 2018; 4(13): 12-19. (In Russ)
23. The desired and expected number of children // Levada Center. - URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislo-detej>.
24. Vildanova S.M., Borzhnaya A.A., Mingalieva A.R., Salakhieva L.M. Trends in the spread of childfree values in Russia and their impact on the crisis of the family institution. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2017;(3): 192-205. (In Russ)
25. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Social vulnerability of families with children in modern Russia. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019;12(2):147-160. (In Russ)
26. Kletsina I.S., Ioffe E.V. Norms of female behavior: traditional and modern models. *Woman in Russian society*. 2019;(3): 72-90. (In Russ)
27. Blinova T.V., Vyalshina A.A. Social well-being of working mothers: contemporary problems. *Woman in Russian society*. 2020;(3):103-114. (In Russ)
28. Rusanova N.E. Birth rate after the pandemic: "baby boom" or "demographic pit"? *Bulletin of the Moscow University of Finance and Law*. 2020;(4):151-159. (In Russ)

Информация об авторе

Т.В. Блинова – доктор экономических наук

Information about the author

T.V. Blinova – Doctor of Economic Sciences

*Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022;
принята к публикации 15.04.2022.*

*The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 04.04.2022;
accepted for publication 15.04.2022.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 74-83.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 74-83.

Научная статья
УДК 316.4

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОПАСЕНИЙ СТУДЕНТОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Анна Александровна Вяльшина

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ опасений молодежи, связанных с пандемией COVID-19. На материалах проведенного пилотажного социологического исследования выявлены различия в тревогах молодых людей в зависимости от возраста, места проживания и наличия опыта заболевания. Главные опасения молодежи связаны со страхом за здоровье близких, опасениями относительно доступности необходимой медицинской помощи для себя и родственников, а также с потерей экономического благополучия. Показано, что с возрастом увеличивается удельный вес тех, кто внимательнее относится к своему здоровью, склонен соблюдать профилактические меры, рационально воспринимает пандемию и возникающие последствия. Выходцы из сельской местности более аккуратны в соблюдении превентивных мер, в то время как горожане предъявляют более высокие требования к качеству и доступности медицинской помощи в период пандемии. Полученные результаты исследования позволяют глубже понять специфические особенности тревожных состояний различных социальных групп молодежи, позволяющие повысить эффективность профилактических мер постпандемической адаптации.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, тревоги и опасения, сельско-городские различия, возрастные особенности, социологическое исследование.

Для цитирования: Вяльшина А.А. Сельско-городские различия и возрастные особенности опасений студентов в период пандемии Covid-19 // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 74-83.

Original article

RURAL AND URBAN DIFFERENCES AND STUDENTS' AGE FEARS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Anna A. Vyalshina

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. The article analyzes fears of young people associated with the COVID-19 pandemic. Based on the materials of the pilot sociological study, differences in the anxieties of young people were revealed depending on age, place of residence and experience of the disease. The main fears of young people are related to the fear for the health of loved ones, concerns about the avail-

ability of necessary medical care for themselves and their relatives, as well as the loss of economic well-being. It is shown that with age, the proportion of those who are more attentive to their health, tend to comply with preventive measures, and rationally perceive the pandemic and the resulting consequences increases. People from rural areas are more careful in observing preventive measures, while city dwellers place higher demands on the quality and availability of medical care during the COVID-19 pandemic. The results of the study allow a deeper understanding of the specific features of the anxiety states of various social groups of young people, which makes it possible to increase the effectiveness of preventive measures for post-pandemic adaptation.

Keywords: COVID-19 pandemic, anxieties and fears, rural and urban differences, age characteristics, sociological research.

For citation: Vyalshina A.A. Rural and urban differences and students' age fears during the COVID-19 pandemic // *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2022;(1):74-83.

Введение.

Пандемия COVID-19 спровоцировала не только глобальную чрезвычайную ситуацию в области здравоохранения, но и породила множество социально-экономических и психологических последствий. Исследования выявили рост опасений, связанных с последствиями пандемии. Эксперты уверяют, что опасения, связанные с COVID-19, проявляется, как в тревоге из-за возможного заболевания и даже смерти, так и в опасениях относительно возможных последствий пандемии для трудового, профессионального, экономического и сберегательного поведения индивидов. За последние два года страх для многих людей трансформировался из адаптивной реакции на опасность в хроническую и обременительную фобию. Зарубежные исследователи отмечают признаки формирования коронофобии в обществе [1]. К числу главных сфер беспокойства индивидов чаще всего относятся: здоровье близких, перегрузка систем здравоохранения и экономические последствия.

В практике отечественных исследований уже накоплен опыт работы по анализу психологического воздействия пандемии COVID-19 и её последствий [2; 3]. В отдельных работах рассматриваются психологические эффекты пандемии на различных уровнях социально-психологического анализа (внутриличностном, межличностном, групповом, межгрупповом и макропсихологическом), анализируются влияние тревоги, страха смерти, воспринимаемой неконтролируемости угрозы на соблюдение групповых норм, а также оценивается воздействие вынужденной изоляции, страха заражения и физического дистанцирования на близкие отношения, доверие к людям, межличностную мобильность, принятие решений в малых группах [4].

Другие исследователи обращают внимание, что психологические реакции населения, связанные с распространением пандемии COVID-19, специфически ассоциированы со следованием конкретным противоэпидемическим мероприятиям (самоизоляция, социальное дистанцирование, мытье рук, использование антисептиков, ношение перчаток и масок) [5]. При этом они отмечают, что наличие страха за близких было свойственно абсолютному большинству респондентов (77,2%) и оказалось характерным (преобладающим) для всех групп вне зависимости от типов адаптивного поведения в период пандемии [5, с. 89]. Некоторые работы посвящены анализу восприятия пандемии различными социально-демографическими группами населения, а также особенностей их поведения в условиях ограничений. Результаты показывают, что стресс, тревожность и восприятие угрозы свойственны, в первую очередь, более молодым респондентам [6, с. 130]. Другие исследователи делают важный вывод о том, что младшая возрастная группа (18-24 года) является наиболее уязвимой в плане развития тревожно-фобических и депрессивных реакций. В данной группе преобладают фобические компоненты тревоги, не связанные со страхом заразиться. Авторы предполагают, что это, скорее всего, реакция не общую ситуацию социальной неопределенности при отсутствии опыта переживания подобных кризисов, приводящая к сильному повышению тревожности [7, с.115].

Было выявлено, что люди, полагающие, что угроза коронавируса «сильно преувеличена», характеризуются большим спокойствием, ощущают «понимание» пандемии и думают о том, что она не нуждается в контроле [6]. Подобное восприятие, по мнению экспертов, более характерно для молодежи 18–24 лет, которые считают, что риск инфицирования для них минимален или вообще отсутствует. Зачастую такая позиция объясняется уверенностью в собственном здоровье (92,4% молодых оценивают его как «отличное» и «хорошее») [8, с.140]. Кроме того, есть работы, эмпирически подтверждающие различия в восприятии пандемии у лиц, имеющих или не имеющих заболевшего родственника. Для респондентов, имеющих родственников, перенёвших коронавирусную инфекцию, характерно восприятие пандемии, как более угрожающей, менее понятной и требующей большего контроля [8, с.134].

Студенты представляют особый интерес при изучении воздействия пандемии COVID-19, потому что они находятся в процессе социально-эмоционального и личностного развития, что делает их более уязвимыми к возможным последствиям пандемии. Хотя COVID-19 сильно влияет на учащихся и студентов, еще недостаточно исследований, посвященных анализу влияния COVID-19 на них. В частности, мы не знаем, как изменилось их поведение и жизнь после COVID-19, каковы их главные опасения в период пандемии.

Целью исследования является изучение основных опасений студентов в период пандемии в зависимости, с одной стороны, от возраста и места жительства, а, с другой, от наличия последствий пандемии (начиная от опыта болезни, заканчивая трудностями в получении необходимой медицинской помощи и экономическими последствиями).

Методы исследования.

Информационную базу исследования составляют результаты прикладного пилотажного социологического исследования на тему «Дети в современной семье». Основным методом сбора информации являлся дистанционный анкетный опрос в электронном виде. Объект исследования – студенты Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова. Всего опрошено 216 студентов, в том числе 78 мужчин (36,1%) и 138 женщин (63,9%). В составе опрошенных: 65 человек в возрасте 17-19 лет (30,1%), 106 лиц 20-21 года (49,1%) и 45 человек в возрасте 22-25 лет (20,8%). Городскими жителями являются 144 респондента (68,6%), 66 родились в сельской местности (31,4%) (валидных наблюдений по признаку «место рождения» 210 человек). Обработка результатов осуществлялась путем анализа многомерных распределений ответов респондентов с использованием пакета прикладных программ SPSS 17.0.

Результаты исследования.

Место рождения и проживания (город или село) обуславливает, как разный запас здоровья, так и предпосылки для его поддержания, включая разные возможности формирования и сохранения здоровья – экология, доступность качественной медицинской помощи, различия в доходах и моделях потребительского поведения, образе и стилях жизни, условия труда, возможности занятости. Влияние возраста определяется с точки зрения формирования системы жизненных ценностей и предпосылок ответственного поведения по отношению к здоровью. Молодежь 17-19 лет (студенты начальных курсов), недавно вышедшие из родительских семей, еще не сформировали навыков бережного отношения к своему здоровью, т.к. до недавнего времени эти функции выполняли родители. В возрасте 20-21 года молодые люди начинают задумываться о здоровье, а к 25 годам формируют ту или иную модель самосохранительного поведения.

Молодежь 17-19 лет представлена двумя социальными группами. Большинство внимательно и настороженно относятся к происходящему, вероятно находясь еще в тесном контакте и под влиянием родителей, испытывают умеренную тревогу за свое здоровье и здоровье близких, характеризуются позитивными моделями самосохранительного поведения с ориентацией на превентивные меры, особенно те, кто не сталкивались еще с COVID-19. Среди них многие на себе ощутили неблагоприятные экономические последствия пандемии. Вторая группа включает молодых людей, которые в меньшей степени соблюдают требования профилактики, даже личный опыт заболевания COVID-19 не стимулирует их следовать правилам.

Молодые люди 20-21 года более внимательны к своему здоровью и здоровью близких, они опасаются конкретных проблем – отсутствия эффективных схем лечения, нехватки мест в стационарах, что во многом обусловлено личным опытом столкновения с COVID-19. Некоторые из них столкнулись с проблемами доступности медицинской помощи и ощутили на себе экономические последствия пандемии.

Молодежь 22-25 лет еще более рациональна и внимательна к своему здоровью, ориентируется на наиболее эффективные противоэпидемические меры. Молодые люди в данной группе отличаются экономической активностью, среди них 41,9% совмещают учебу с работой. В составе лиц 17-19 лет и 20-21 года выше доля тех, кто считает, что переболел COVID-19 (но тест не делал) (12,5% и 12,3% соответственно), среди молодежи 22-25 лет таких меньше (4,5%). Однако среди старших выше удельный вес тех, кто имеет положительный тест (2,3% по сравнению с 1,6% среди 17-19-летних и 0,9% среди 20-21 летних). Интересно отметить, что молодежь 22-25 лет имеет не только меньший личный опыт заболевания COVID-19, но и меньше родственников и знакомых, переболевших коронавирусом. Порядка 59,1% из них указали, что ни сами, ни кто-то из родственников и знакомых не сталкивались с COVID-19, среди 17-19-летних - 45,3%, в составе 20-21-летних – 49,1%. Согласно полученным данным, около 21,9% лиц 17-19 лет и 20,8% лиц из более старшей возрастной группы (20-21 год) имеют родственников, которые болели COVID-19, еще 29,7% и 29,2%, соответственно, знакомых, перенесших это заболевание. Однако в составе лиц 22-25 лет доля имеющих близких, перенесших коронавирус, меньше (у 18,2% болели родственники и у 22,7% - знакомые).

Главными опасениями, связанными с пандемией, респонденты называют страх того, что заболеют близкие (на это указывают от 72,7% лиц 22-25 лет до 76,4% тех, кому 20-21 год). Опасения заболеть самому характерны для молодежи гораздо реже, причем отмечен их существенный рост с возрастом (от 17,2% в возрасте 17-19 лет до 27,3% среди 22-25-летних). Также с возрастом увеличивается удельный вес беспокоящихся из-за возможной нехватки лекарств и средств индивидуальной защиты (табл. 1). В составе молодежи 20-21 года намного выше доля тех, кто опасается отсутствия эффективных схем лечения и лекарств против COVID-19 (51,9% по сравнению с 38,6% среди 22-25-летних и 31,3% в составе 17-19-летних) и неграмотных действий врачей (48,1% по сравнению с 40,6% среди 17-19-летних и 36,4% среди тех, кому 22-25 лет). Данный факт свидетельствует, с одной стороны, о том, что в возрасте 20-21 года молодые люди проявляют осмысленный интерес к различного рода информации о происходящем вокруг, что определяет более высокий уровень грамотности по сравнению с 17-19-летними респондентами, а, с другой, о более внимательном анализе опыта близких и знакомых, столкнувшихся с заболеванием. Среди них высока доля тех, кто опасается неполучения своевременной диагностики и нехватки мест в стационарах, что свидетельствует о рациональном подходе к оценке последствий заболевания, и минимальная доля тех, кто опасается потери дохода и одиночества в самоизоляции, т.к. понимают, что сохранение здоровья важнее экономических и коммуникационных потерь.

Таблица 1 – Опасения, связанные с пандемией COVID-19, в зависимости от возраста (в % от соответствующей группы)

	17-19 лет	20-21 год	22-25 лет
ничего не боюсь	7,8	2,8	6,8
боюсь заболеть	17,2	20,8	27,3
опасаюсь, что заболеют близкие	73,4	76,4	72,7
боюсь не получить назначения на тестирование	7,8	6,6	6,8
не попасть вовремя в стационар	12,5	15,1	11,4
не получить своевременную диагностику	26,6	26,4	20,5
неграмотных действий врачей	40,6	48,1	36,4
отсутствия эффективных лекарств и схем лечения	31,3	51,9	38,6
нехватки лекарств и средств индивидуальной защиты	23,4	29,2	29,5
боюсь потерять регулярный доход	14,1	9,4	11,4
боюсь одиночества во время самоизоляции	12,5	1,9	6,8

Как показывают результаты исследования, опасения в связи с пандемией у 20-21-летних обусловлены имеющимся опытом (личным или по рассказам знакомых и родственников) столкновения с COVID-19. Так, среди них по сравнению с другими возрастными группами максимальные доли тех, кто указал, что в период пандемии столкнулся с такими проявлениями ограниченной доступности медицинской помощи, как: долгое ожидание «Скорой помощи» (22,4% по сравнению с 19,0% среди 17-19-летних и 18,6% среди тех, кому 22-25 лет); длительное ожидание врача (21,4%, 17,5% и 14,0%, соответственно), опасения посещать медицинские учреждения даже в случае необходимости из-за страха подхватить COVID (13,3%, 4,8% и 7,0%, соответственно). Среди них максимальный удельный вес тех, кто столкнулся с трудностями при госпитализации по поводу COVID-19 (11,2% по сравнению с 1,6% среди 17-19-летних). Респонденты 17-19 лет и 22-25 лет чаще указывают на то, что не было доступного врача (25,4% и 27,9%, соответственно, по сравнению с 18,4% среди тех, кому 20-21 год), а также на то, что их проблемы с доступностью медицинской помощи не были связаны с пандемией COVID-19 (14,3% среди лиц 17-19 лет и 9,3% в составе 22-25-летних).

Важно отметить, что если молодежь 20-21 года чаще сталкивалась с проблемами в доступности медицинской помощи, то молодые люди 17-19 лет больше пострадали от экономических последствий пандемии. Среди них 31,4% указали на то, что кто-либо из членов их семьи потерял работу в период пандемии. (9,4% сказали, что они были уволены, еще у 21,9% - временно не работают). В составе респондентов 22-25 лет около 13,6% указали, что их родственники были уволены и еще 13,6% временно не работают. Меньше остальных ощутили на себе экономические последствия пандемии лица 20-21 года (8,5% указали, что члены их семьи были уволены, еще 11,3% - временно не работают). Большинство респондентов, как 20-21 года, так и 22-25 лет указали, что главной причиной потери работы у членов их семей является то, что фирма сократила работников из-за отсутствия клиентов/снижения объемов работы (71,5% и 83,3% соответственно). Для членов семей лиц 17-19 лет важными причинами потери работы стали как причины, не связанные с пандемией COVID-19 (31,6%), так и прекращение деятельности предприятия/организации из-за введенных ограничений (21,1%), при том, что преобладающей причиной является все же увольнение из-за снижения объемов продаж/сокращения числа клиентов (47,3%).

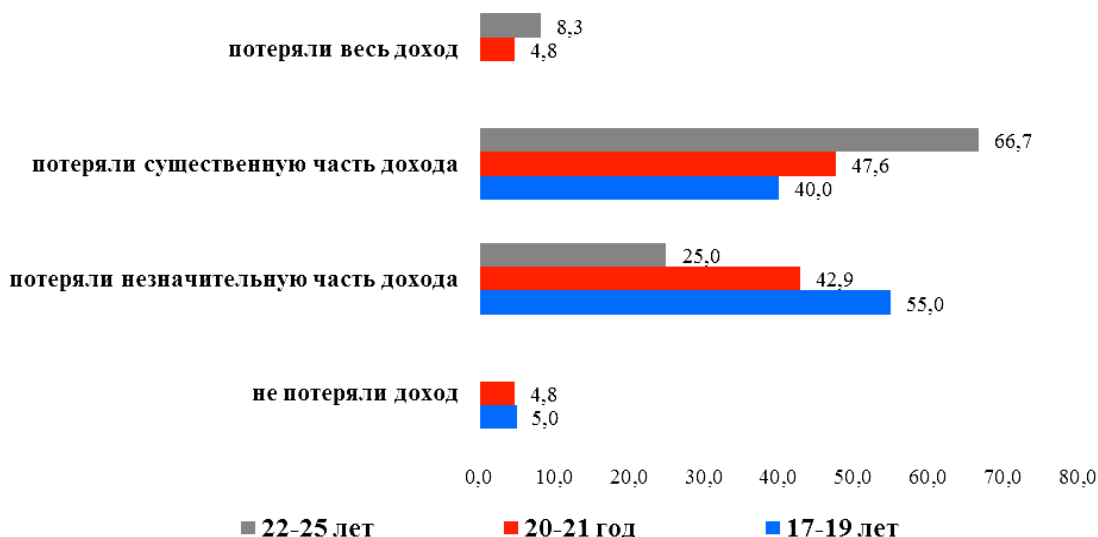

Рисунок - Динамика доходов респондентов из-за потери работы членами семьи (в % от тех, чьи родственники потеряли работу)

Респонденты 17-19 лет чаще остальных возрастных групп указывали на незначительную потерю дохода, в то время как лица 22-25 лет – на существенную его долю (66,7%) и полную потерю дохода (8,3%) (рисунок). При этом ухудшение доступности основных необходимых товаров и услуг (продуктов питания, одежды и обуви и т.д.) также наблюдается с

увеличением возраста - от 35,0% среди 17-19 летних до 42,9% среди тех, кому 20-21 год и 66,7% - у 22-25-летних.

Возраст в совокупности с опытом заболевания COVID-19 определяет основные различия в моделях самосохранительного поведения.

Для молодежи 17-19 лет выявлена зависимость: кто переболел – слабо соблюдает все меры, кто не сталкивался – все соблюдает. Личный опыт COVID-19 для них не имеет значения в части формирования позитивной модели самосохранительного поведения. Среди имеющих личный опыт наименьшие доли тех, кто выполняет те или иные меры предосторожности.

Для лиц 20-21 года личный опыт заболевания влияет на выполнение наиболее общих правил личной гигиены – регулярное мытье рук и использование антисептиков. Не имеющие никакого опыта COVID-19 максимально ориентируются на превентивные меры (использование маски, личная гигиена, соблюдение социальной дистанции). Самоизоляцию при признаках ОРВИ чаще соблюдают те, кто столкнулся с опосредованным влиянием COVID-19.

Для группы 22-25-летних характерна избирательная модель самосохранительного поведения – выборочное соблюдение наиболее эффективных мер независимо от наличия опыта заболевания COVID-19. Доказательством этому является максимальный удельный вес соблюдающих основные меры (пользование маской, соблюдение социальной дистанции и самоизоляции при признаках ОРВИ) по сравнению с другими возрастными группами, особенно среди тех, кто не сталкивался с COVID-19 ни лично, ни опосредованно (табл.2). Опыт заболевания родственников или знакомых чаще обуславливает соблюдение таких мер, как регулярное мытье рук и пользование маской. Интересно, что для лиц 22-25 лет личный опыт использования антисептиков и регулярное мытье рук имеет минимальные значения среди всех групп.

Таблица 2 – Соблюдение мер профилактики заболевания COVID-19 в зависимости от возраста и наличия опыта COVID-19 (в % от соответствующей группы)

Меры	17-19 лет	20-21 год	22-25 лет
Регулярное мытье рук			
- имеют личный опыт COVID-19	44,4	71,4	0,0
- опосредованный опыт (болели знакомые, родственники)	60,6	64,1	88,9
- не сталкивались с COVID-19	79,3	67,3	69,2
Соблюдение социальной дистанции 1,5 метра			
- имеют личный опыт COVID-19	33,3	42,8	66,7
- опосредованный опыт (болели знакомые, родственники)	51,5	47,2	55,6
- не сталкивались с COVID-19	55,2	57,7	76,9
Не прикасаются к лицу немытыми руками			
- имеют личный опыт COVID-19	66,7	64,3	66,7
- опосредованный опыт (болели знакомые, родственники)	51,5	62,3	55,6
- не сталкивались с COVID-19	72,4	67,3	65,4
Пользование маской в многолюдных местах			
- имеют личный опыт COVID-19	66,7	78,6	66,7
- опосредованный опыт (болели знакомые, родственники)	75,7	73,6	88,9
- не сталкивались с COVID-19	86,2	82,7	84,6
Регулярное использование антисептиков			
- имеют личный опыт COVID-19	44,4	57,1	33,3
- опосредованный опыт (болели знакомые, родственники)	54,2	54,7	55,5
- не сталкивались с COVID-19	55,2	46,1	53,8
Самоизоляция при признаках ОРВИ			
- имеют личный опыт COVID-19	55,5	50,0	66,7
- опосредованный опыт (болели знакомые, родственники)	54,5	62,3	55,6
- не сталкивались с COVID-19	55,2	59,6	73,1

В среднем по выборке совмещают работу с учебой 27,0% респондентов. Девушки намного чаще молодых людей и работают, и учатся (27,5% и 26,0%, соответственно), сельские студенты чаще городских (28,8% и 26,6%). По мере увеличения возраста растет удельный

вес тех, кто совмещает учебу и работу (10,9% среди лиц 17-19 лет; 30,2% в составе тех, кому 20-21 год и 41,9% среди 22-25-летних). Среди респондентов, совмещающих учебу с работой, максимальная доля тех, кто переболел COVID-19 – 3,4% имеют положительный тест и еще 12,1% считают, что переболели (но тест не делали). Среди них по сравнению с теми, кто только учиться, выше доля имеющих знакомых, переболевших COVID-19 (37,9% и 24,8%, соответственно). Среди неработающих студентов выше удельный вес тех, кто не сталкивался с коронавирусом (52,2% по сравнению с 43,1% в составе совмещающих учебу с работой). Более насыщенная событиями, различными перемещениями и взаимодействиями жизнь у тех, кто совмещает работу с учебой, по сравнению с обычными студентами обуславливает различия в их отношении к COVID-19. Во-первых, среди работающих студентов ниже доля тех, кто считает пандемию раскрученным СМИ феноменом (10,3% по сравнению с 13,2% среди обычных студентов). Во-вторых, работающие студенты чаще склонны к высокой степени беспокойства о возможности заболеть (12,1% выбрали альтернативу «я очень боюсь заболеть» при средней по выборке 8,9% и 7,7% среди обычных студентов). Они чаще обычных студентов опасаются отсутствия эффективных схем лечения COVID-19 (48,3% и 40,1%, соответственно), нехватки лекарств (29,3% и 26,8%) и особенно потери регулярного дохода (20,7% и 7,6%). Неработающие студенты чаще работающих опасаются, что заболеют близкие (75,8% и 69,0%, соответственно), неграмотных действий врачей (45,2% и 39,7%), а также не получить назначение на тестирование (7,6% и 5,2%).

Опасения работающих студентов в значительной степени обусловлены тем, что они больше взаимодействуют с другими людьми и имеют больше информации об окружающей действительности (требования работодателей, поведение в общественном транспорте и в других многолюдных местах, разговоры с коллегами по работе, различными санитарными и надзорными службами). Они гораздо чаще неработающих студентов сталкивались с проблемами в доступности медицинской помощи в период пандемии. Среди них 25,0% указали, что не было доступного врача и еще 25,0% - на долгое ожидание врача после вызова (среди неработающих студентов – 21,6% и 16,2% соответственно). Около 23,2% из них долго ждали «скорую помощь» (среди неработающих только 18,9%), 8,9% указали на трудности при госпитализации по причине COVID-19 (4,1% в составе неработающих студентов). Кроме того, около 12,5% работающих студентов указали, что опасались посещать медицинские учреждения даже при необходимости получить медицинскую помощь из-за страха заразиться COVID-19 (среди неработающих - 8,8%).

Работающие студенты чаще неработающих указывали на потерю работы кем-то из родственников (или самими) в период пандемии (29,3% и 23,6% соответственно). Однако членов семей неработающих студентов чаще увольняли по сравнению с работающими студентами (45,9% и 20,0% из числа потерявших работу), а среди тех, кто совмещает учебу с работой выше удельный вес лиц, которые временно не работают (80,0% при 54,1% среди неработающих). Около 64,6% потерявших работу членов семей неработающих студентов лишились работы из-за сокращения штата при снижении объемов продаж в пандемию, еще 19,4% - из-за закрытия фирмы, не выдержавшей ограничений. В составе работающих студентов 58,8% так же указали на увольнение в связи с сокращением деятельности в пандемию, но в их составе выше доля тех, кто потерял работу по другим причинам (23,5% по сравнению с 13,9% в составе неработающих студентов), возможно, по собственному желанию. Работающие студенты чаще неработающих указывали на потерю значительной части дохода (25,9% и 21,7% соответственно), те, кто только учится – на несущественную часть (37,6% и 34,5% среди работающих). При этом обычные студенты чаще сталкивались с ухудшением доступности основных необходимых товаров и услуг (34,4% при 27,6% среди работающих).

Неработающие студенты чаще, чем работающие пользуются маской в общественных местах (84,0% и 71,9% соответственно), регулярно моют руки (72,3% и 65,5%) и соблюдают социальную дистанцию в многолюдных местах (56,4% и 53,4%). Работающие студенты, в свою очередь, чаще следуют правилам личной гигиены (68,4% при 63,5% среди неработаю-

щих) и пользуются антисептиками (56,1% и 50,6%). Правила самоизоляции при признаках ОРВИ соблюдают 60,3% работающих и 58,2% неработающих студентов.

Городские студенты чаще сельских имеют опыт заболевания COVID-19: среди них 2,1% указали на положительный тест и еще 11,8% считают, что перенесли заболевания, но тестом оно не подтверждено. Среди сельских около 9,1% считают, что переболели COVID-19 (без теста). Также у городских студентов больше знакомых и родственников переболели коронавирусом (у 22,9% болели родственники, еще у 31,9% - знакомые). Распространение COVID-19 в сельской местности меньше – 16,7% указали на заболевание родственников и 21,2% - знакомых. Среди сельских студентов максимальная доля тех, кто не сталкивался на момент опроса с COVID-19 (59,1% по сравнению с 44,4% среди городских студентов).

Городские студенты чаще сельских указывают на наличие проблем с получением необходимой медицинской помощи в период пандемии (табл. 3). В первую очередь, это связано с тем, что на момент опроса пандемия еще сильно не распространилась на сельскую местность, а также с тем, что городские жители традиционно имеют более высокие предпочтения и ожидания от системы здравоохранения, обуславливающие более высокие требования к ее качеству и условиям получения. Горожане чаще сельчан указывали на наличие таких проблем, как: длительное ожидание «Скорой помощи», отсутствие доступного врача, долгое ожидание прихода врача, а также трудности при госпитализации по поводу COVID-19. Среди сельских студентов 48,4% указали на отсутствие проблем с получением медицинской помощи при необходимости. Среди горожан почти в два раза выше по сравнению с сельскими студентами доля тех, кто указал на страх посещения медицинских учреждений даже в случае необходимости из-за опасений заразиться COVID-19.

Таблица 3 – Проблемы с доступностью необходимой медицинской помощи в период пандемии в зависимости от места жительства (в % от соответствующей группы)

С начала пандемии COVID-19 была ли такая ситуация, что вы или ваши близкие не смогли получить вовремя медицинскую помощь, когда она вам была нужна?	село	город
да, не было доступного врача или возможности попасть на прием	20,3	24,3
да, потому что врача нужно долго ждать	15,6	19,9
да, потому что из-за COVID-19 я боялся посещать медицинские учреждения	6,3	11,0
да, долго не приезжала скорая помощь	14,1	24,3
да, были трудности с плановой госпитализацией	6,3	5,1
да, были трудности с госпитализацией по поводу COVID-19	3,1	7,4
проблемы с доступностью медицинской помощи были, но причина не в COVID-19	9,4	9,6
проблем с доступностью медицинской помощи не было, при необходимости мог (ла) получить медицинскую помощь	48,4	41,9

Около 25,0% студентов указали на то, что члены их семей потеряли работу в период пандемии. Однако наблюдаются различия между городом и селом: если в городе родственники студентов чаще имели временные проблемы с работой (выбор альтернативы «временно не работает») (17,4% по сравнению с 12,1% в сельской местности), то на селе респонденты чаще указывали на то, что родственник был уволен (13,6% по сравнению с 8,3% в городе). Если в городе преобладающими причинами потери работы были сокращение сотрудников по причине снижения объемов работы/сокращения клиентов (59,5%), закрытия организации из-за ограничений по COVID-19 (21,6%), а также другие причины (18,9%), то для выходцев из села - 75,0% потеряли работу из-за сокращения персонала из-за потери объемов производства. Тем не менее среди выходцев из села меньше тех, кто указал на потерю дохода в период пандемии (56,1% по сравнению с 61,1% среди горожан). Городские студенты чаще имели незначительное сокращение доходов (40,3% по сравнению с 27,3% среди сельчан), в то время как сельские студенты – существенную часть дохода (25,8% и 20,8%, соответственно) и весь доход (3,0%, среди городских студентов потерявших весь доход нет). В составе выход-

цев из села выше доля тех, кто ощутил ухудшение доступности основных необходимых товаров и услуг по сравнению с городскими студентами (37,9% и 30,6%, соответственно).

Заключение.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о наличии различий в опасениях студентов, обусловленных, с одной стороны, возрастом и местом жительства (город или сельская местность), а, с другой, опытом наличия тех или иных последствий пандемии COVID-19. Выявлено, что вне зависимости от возраста главные опасения молодежи связаны с тревогой за здоровье близких и родных, однако, по мере увеличения возраста растет настороженное и более рациональное отношение к последствиям пандемии, выражающееся в увеличении тревоги относительно нехватки лекарств, средств личной гигиены, отсутствия эффективных схем лечения. Личное отношение к пандемии, а также страхи и опасения респондентов 21-25 лет во многом обусловлены имеющимся личным опытом и анализом опыта близких и знакомых. Результаты исследования показывают, что молодые люди, столкнувшиеся с заболеванием COVID-19, чаще остальных указывают на проблемы с доступностью необходимой медицинской помощи. Более молодые респонденты (17-21 год) чаще указывают на наличие экономических последствий пандемии (потерю работы кем-то из родителей, сокращение уровня доходов и снижение доступности основных товаров и услуг).

Проведенное исследование показывает, что на момент опроса городская молодежь в большей степени ощутила на себе влияние пандемии как для своего здоровья, так и здоровья близких. В сельской местности пандемия на момент опроса распространилась не так сильно по сравнению с городом, поэтому личный опыт заболевания сельские студенты имеют меньше, однако, они больше ощутили экономические последствия (потерю работы и дохода близкими родственниками). Кроме наличия большего опыта заболевания COVID-19 горожане имеют более высокие требования к системе здравоохранения, что обусловило появление специфических для города страхов (опасения неграмотных действий врачей), в то время как на селе молодежь чаще боится экономических и коммуникационных последствий пандемии. Результаты исследования позволяют глубже понять социально-демографические и пространственные особенности различий в опасениях, связанных с пандемией, для молодежи. Полученные результаты могут быть использованы для разработки мероприятий по психологической адаптации различных групп населения к последствиям пандемии COVID-19 с учетом специфических различий между ними.

Список источников

1. Arora A., Kumar A., Alat P., Sekhar S. Understanding coronaphobia. *Asian Journal of Psychiatry*. 2020; (54):102384. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102384>.
2. Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация. Институт психологии Российской академии наук // Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2(18). С. 291-308;
3. Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. С. 1.
4. Нестик Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Социальная и экономическая психология. 2020. Том 5. № 2(18). С.47-83.
5. Сорокин М.Ю., Касьянов Е.Д., Рукавишников Г.В., Макаревич О.В., Незнанов Н.Г., Лутова Н.Б., Мазо Г.Э. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2020. № 2.
6. Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б. и др. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 119–146.
7. Холодова Ю.Б. Особенности переживания тревоги в период пандемии COVID-19 представителями разных возрастных групп // Международный журнал медицины и психологии. 2020. Том 3. №2. С.114-117.

8. Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С.138-143.

References

1. Arora A., Kumar A., Alat P., Sekhar S. Understanding coronaphobia. *Asian Journal of Psychiatry*. 2020; (54):102384. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102384>.
2. Bykhovets Yu.V., Kogan-Lerner L.B. The COVID-19 pandemic as a multifactorial psycho-traumatic situation. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. *Social and Economic Psychology*. 2020; 2(18): 291-308. (In Russ)
3. Boyko O.M., Medvedeva T.I., Enikolopov S.N., Vorontsova O.Yu., Kazmina O.Yu. The psychological state of people during the COVID-19 pandemic and the targets of psychological work. *Psychological research*. 2020;13(70):1. (In Russ)
4. Nestik T.A. The impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis. *Social and economic psychology*. 2020;2(18):47-83. (In Russ)
5. Sorokin M.Yu., Kasyanov E.D., Rukavishnikov G.V., Makarevich O.V., Neznanov N.G., Lutova N.B., Mazo G.E. Psychological reactions of the population as a factor of adaptation to the COVID-19 pandemic. *Review of psychiatry and medical psychology*. 2020;(2). (In Russ)
6. Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B., etc. Perception of COVID-19 by the Russian population in the conditions of the 2020 pandemic. *Clinical and special Psychology*. 2020;9(2): 119-146. (In Russ)
7. Kholodova Yu.B. Features of anxiety experience during the COVID-19 pandemic by representatives of different age groups. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2020; 3(2);114-117. (In Russ)
8. Reshetnikov A.V., Juror N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N.Yu. Perception of the COVID-19 pandemic by Moscow residents. *Sociological Research*. 2020;(7):138-143. (In Russ)

Информация об авторе

А.А. Вяльшина – кандидат социологических наук

Information about the author

A.A. Vyalshina – Candidate of Sociological Sciences

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022;
принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved after reviewing 04.04.2022;
accepted for publication 15.04.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 84-93.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 84-93.

Научная статья
УДК 332.1: 338.421.7

КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ЦЕЛЕОРИЕНТИРУЮЩИЙ КРИТЕРИЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС И КАТАЛИЗАТОР УСТОЙЧИВОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РФ

Сергей Николаевич Семенов¹, Мария Ярославовна Ржевская²,
¹² Институт аграрных проблем — обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия
¹² iagpran@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается новая и мало разработанная проблема качества трудовой жизни в условиях реализации концепции управляемого устойчивого развития социо-природно-экономического пространства агропромышленного комплекса и сельских территорий. Рассмотрена суть и особенности социально-экономической категории качества трудовой жизни сельского населения, понимаемого как совокупность практических условий и резервов, определяющих степень эффективной реализации трудового потенциала агропромышленного производства, отдельного работника агропромышленного комплекса, меру эффективности агропромышленных систем в условиях пандемии COVID-19. Качество трудовой жизни исследуется в неразрывной связи с качеством жизни сельского населения и резервами личностного развития крестьянина.

Ключевые слова: устойчивое пространственное развитие, социо-природно-экономическое пространство, агропромышленный комплекс, сельские территории, качество жизни, стандартизация, балансовые методы, кластер.

Для цитирования: Семенов С.Н., Ржевская М.Я. Качество трудовой жизни сельского населения как целеориентирующий критерий, социальный ресурс и приоритетный катализатор устойчивого пространственного развития сельских территорий РФ // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С.84-93.

Original article

THE WORK LIFE QUALITY OF THE RURAL POPULATION AS A GOAL-ORIENTING CRITERION, A SOCIAL RESOURCE AND A PRIORITY CATALYST FOR SUSTAINABLE SPATIAL DEVELOPMENT OF RURAL AREAS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey N. Semenov¹, Mariya Ya. Rzhevskaya²,
¹² Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences,
Saratov, Russia
¹² iagpran@mail.ru

Abstract. *The article raises a new and little developed problem of the work life quality in the context of the implementation of the concept of managed sustainable development of the socio-natural-economic space in the agro-industrial complex and rural areas. The essence and features of the socio-economic category of the work life quality of the rural population, understood as a set of practical conditions and reserves that determine the degree of effective implementation of the labor potential of agro-industrial production, an individual worker of the agro-industrial complex, a measure of the effectiveness of agro-industrial systems in the context of the COVID-19 pandemic, are considered. The work life quality is studied in close connection with the life quality of the rural population and the reserves of the peasant's personal development.*

Keywords: *sustainable spatial development, socio-natural-economic space, agro-industrial complex, rural areas, life quality, standardization, balance methods, cluster.*

For citation: *Semenov S.N., Rzhevskaya M.Ya. The work life quality of the rural population as a goal-orienting criterion, a social resource and a priority catalyst for sustainable spatial development of rural areas in the Russian Federation // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022; (1):84-93.*

Введение.

О социально-экономическом положении и трендах развития сельских территорий РФ можно судить по результативности реализации трех государственных программ.

1. Программа «Развитие сельского хозяйства и продовольственных рынков», на которую в 2019 г. выделялось из федерального бюджета 311 млрд. руб., но в 2021 г. произошло сокращение ее финансирования до 285 млрд. руб.

2. Программа «Комплексное развитие сельских территорий», призванная решать задачи сохранения сельского населения, увеличения его доходов, сельского жилищного строительства и благоустройства села, первоначально оценивалась в 2,3 трлн. бюджетных рублей. Эта сумма затем была сокращена более чем вдвое — до 1,25 трлн. руб. На 2022 г. на программу выделено всего 40 млрд. руб.

3. Программа «второй целины», посвященная сохранению и восстановлению почв, урезана на четверть. При этом почвы в стране закисляются, приходят в негодность и запустение. Лесные регионы получают лишь 20–30% финансирования от необходимого, при этом в 2021 г. в России было зарегистрировано 15 тыс. природных пожаров на площади свыше 10 млн га [1, с. 2].

В 2021 г. (26–27 мая) состоялся третий международный Московский академический экономический форум на тему: «Глобальная трансформация современного общества и национальные цели развития России», организованный Вольным экономическим обществом России, РАН и Международным Союзом экономистов. Как отметил в своем выступлении на открытии форума его сопредседатель Бодрунов С.: «Предметом анализа сегодня являются те изменения, которые мы имеем возможность наблюдать в экономике и обществе. Вопросы конструирования, видения будущего экономического и социального устройства, а также обсуждение инструментария, бесконфликтной и эффективной трансформации к этому будущему состоянию, переходу к более справедливому и разумному, целесообразному обустройству нашей жизни».

Директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Широков А. подчеркнул, что для «запуска» российской экономики следует поддерживать, в первую очередь, социальную сферу и потребительский спрос. «Потребление домашних хозяйств составляет примерно 50% нашего ВВП — это главный потенциал. Структура рабочих мест в экономике неэффективна. В России более 40% населения работает на низкоквалифицированных рабочих местах. Всего 28% работников получают на уровне и выше среднего. Половина домашних хозяйств тратит на продукты питания более 40% доходов, они не могут тратить на человеческий капитал — оплачивать ни образование, ни здравоохранение, ни отдых».

Главный экономист Внешэкономбанка Клепач А.Н. справедливо отметил, что доходы населения и социальный блок — самые болевые точки, «несмотря на принятые меры, в 2024

году у нас реальные доходы населения будут на 2,5% ниже, чем в 2013 году. То есть мы получаем 11 лет общего спада или стагнации, а это означает, что взаимосвязь социальной сферы и экономики должна кардинально измениться. Если экономика не работает на благосостояние людей — такая экономика обречена, она неконкурентоспособна... качество жизни и благосостояние населения зависит от многих аспектов, в том числе от уровня развития здравоохранения, образования и технологий» [2, с. 129–132].

Приведенные выводы известных ученых приобретают большую актуальность в связи с решением проблем развития сельских территорий. В этой связи следует согласиться с выводом д.э.н. Жукова Н.И. о том, что современный уровень развития производительных сил в АПК привел к «увеличению пространственной дифференциации сельской экономики и к снижению доходов, уровня жизни, занятости населения, темпов экономического роста...» [3, с. 88].

Таким образом, объективная оценка состояния и трендов пространственной экономики сельских территорий, особенно по показателям качества жизни сельского населения, указывают на их неприемлемость. Кроме социо-природно-экономического состояния неприемлемым является и состояние системы государственного управления устойчивым и конкурентоспособным развитием сельских территорий.

В целом задача исследования состоит в том, чтобы выявить резервы, факторы и траекторию перехода от неустойчивой, разбалансированной, неконкурентоспособной и диспропорциональной пространственной агроэкономики к ее целевому гармоничному, креативному и качественному образу, складывающемуся из лучших отечественных и мировых образцов и передового опыта.

Целью исследования является разработка концептуальных положений совершенствования управления устойчивым и конкурентоспособным развитием социо-природно-экономическим пространством аграрно-промышленного комплекса и сельских территорий (СПЭП АПК и СТ) на основе выявления и использования резервов и ресурсов потенциала качества трудовой жизни (КТЖ) сельского населения, активной интеграции качества трудовой жизни в процессы устойчивого развития (УР).

Методология исследования. Методологической основой для выполнения исследования является диалектический подход, как всеобщий метод познания. В статье использованы методы квалиметрии, экономики качества, методы пространственной экономики и теории устойчивого развития. В качестве теоретических источников использованы труды отечественных ученых по управлению качеством, стандартизации и сертификации, размещению и расселению, бережливому производству.

Результаты исследования.

Устойчивое пространственное развитие в теории социальных альтернатив

Выявление резервов пространственного УР СПЭП АПК и СТ невозможно без опоры на теорию социальных альтернатив, в которой проявляются особенности новых парадигм общественного развития, представлений о крестьянстве, сельском социуме и происходящих в нем изменениях и переменах.

При этом необходимо учитывать новые глобальные проблемы: климатические, биологического разнообразия, опустынивания, мирового океана, эпидемий, включая Covid-19. Имеется много мнений на этот счет. Так, один из видных специалистов в экономике природопользования и охраны окружающей среды Шапхоев Е.С., выступая на парламентских слушаниях Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по проблемам УР, определил понятие «устойчивого развития» как «стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы и обеспечивающее непрерывный прогресс общества» [4, с. 16]. Конечно, данное определение является слишком общим и не отражает в полной мере суть идеи УР. Вместе с тем, заслуживают внимания выводы Шапхоева Е.С. о задачах УР в социальной сфере, сводящихся «к разработке и достижению научно обоснованных параметров качества жизни людей, увеличению средней продол-

жительности жизни населения, улучшению среды обитания человека, планирования семьи и рационализации масштабов личного потребления, обеспечению равных возможностей для развития личности, социальной защите престарелых, инвалидов и других социально уязвимых групп населения <...> На пути к УР начнет формироваться новое качество общества с постепенным освобождением от стереотипов потребительства. <...> Таким образом, рассматриваемая проблема имеет широкое мировоззренческое значение, охватывая все стороны жизни общества, включая вопросы этики, морали и нравственности» [4, с. 18, 19].

Более исчерпывающим и соответствующим представлениям мирового сообщества является формулировка термина «устойчивое развитие», данная академиком РАН Савиным А.И.: «Устойчивое развитие — удовлетворение потребностей существующего поколения без ущерба способностей будущих поколений обеспечить свои потребности, достижение желательного равновесия между экономическим ростом и справедливым развитием человечества, человеческого потенциала и здоровыми продуктивными экосистемами» [4, с. 190].

Не раскрывая содержания понятий «справедливое развитие человеческого потенциала» и «здоровых продуктивных экосистем», автор, на наш взгляд, делает важное предложение: «создать экономную стратегию развития человечества», в основе которой должен лежать принцип ограничения закона возвышения потребностей. «Он должен действовать только в рамках необходимых полезных потребностей, определенных из условий человечества для своего бескризисного существования, должен вписываться в естественные биохимические циклы, то есть круговорот веществ, который характерен экологической нише, принимаемой в природе человечеством. Престижные и вредные потребности должны быть ликвидированы» [4, с. 194].

Очень верно в этой связи пишут Ланшиков А.П. и Салуцкий А.С.: «Для нашей страны крестьянский вопрос невозможно дробить на части, разглядывать деревню сквозь призму утилитарного потребительства — в качестве либо расселенческой системы, необходимой “для эксплуатации территориально рассредоточенных ресурсов”, либо эффективного источника продовольствия. При рассмотрении крестьянского вопроса даже на секунду невозможно отвлечься от проблем духовных и нравственных, ибо независимо от численности крестьянства, именно оно было и остается хранителем того народного духа, без которого не могут существовать великие общества» [5, с. 4].

Видный отечественный экономист академик Абалкин Л.И., рассматривая альтернативы и сценарии общественного развития России, выделил наиболее оптимистичный и желательный вариант: «Возрождение как великой державы, вхождение в число лидеров мировой экономики, умножение духовного и интеллектуального вклада в развитие человеческой культуры и цивилизации в целом, создание достаточно высоких жизненных стандартов для населения, вызывающих чувство гордости и уважения, вхождение в число держав, которые в равной степени делят ответственность за судьбы человеческого общества» [6, с. 14]. Данную мысль можно использовать при разработке альтернативных положений и целей устойчивого развития сельских территорий. Вместе с тем, по нашему мнению, выдвинутое академиком Л.И. Абалкиным предложение необходимо дополнить (применительно к агроэкономике) концептуальным положением управляемого устойчивого развития — обеспечение лидерства по качеству жизни сельского населения [7, с. 18].

Методологические подходы к включению категории качества трудовой жизни в Концепцию устойчивого развития сельских территорий

В различных изданиях, рассматривающих гуманистическую (человеческую) сторону национального богатства, включают в него такие дефиниции, как: «человеческий потенциал», «трудовые ресурсы», «рабочая сила», «народонаселение», «совокупный человек», «экономический человек», «человеческий капитал» и т.д. Широко используются и такие понятия, как: «качество труда», «качество населения», «качество развития человеческого потенциала», «качество жизни» и пр.

Наиболее распространенное понятие «качество жизни» возникло в конце 50-х – начале 60-х годов XX века, после его использования президентом США Кеннеди Д. в своем докладе о положении в стране.

Теория КТЖ возникла в 70-х годах прошлого века, как обобщение трудовых теорий и концепций «человеческого капитала», «человеческих отношений», «гуманизации и обогащения труда», «производственной демократии».

Основными общепризнанными инклюзивными элементами концепции КТЖ являются: условия, препятствующие процессам отчуждения труда, обеспечение целостности и культуры труда, возвышение работника, как самостоятельной творческой личности. В соответствии с этой концепцией трудящиеся села должны рассматриваться, как трудовые ресурсы определенного состава и качества в тесной связи с условиями для их оптимальной реализации, как творческих личностей: экономических, социальных, культурных, национальных, нравственных, бытовых. Системно и комплексно в этих целях должны быть использованы следующие резервы, ресурсы и факторы: профессиональные, образовательные, воспитательные, самореализации и самовыражения, здоровья, моральных и духовных ценностей, организации труда, быта и отдыха. По нашему мнению, важнейшим условием обеспечения высокого КТЖ в ходе реализации Концепции УР СТ, наряду с сохранением величины природного капитала, природных ресурсов, ресурсов и резервов человеческого капитала, особое значение приобретают резервы КТЖ сельского социума.

В этой связи важнейшими резервами обеспечения КТЖ являются:

- резервы обеспечения справедливого материального и морального стимулирования сельского труда;
- резервы обеспечения безопасности и здоровых условий сельского труда;
- резервы использования и развития своих способностей, удовлетворения потребностей в самоорганизации и самовыражении;
- резервы развития трудовой демократии и повышения правовой защищенности работников АПК и других сфер сельской занятости;
- резервы профессиональной карьеры и повышения уверенности в будущем трудовой жизни;
- резервы повышения общественной полезности, разумности, бережливости труда и его достойного места в сельской жизни.

Теоретический анализ свидетельствует о недостаточности социально-экономической разработки категории КТЖ, что объясняется отсутствием воспроизводственного и межотраслевого подхода в социологических и экономических исследованиях качества жизни вообще и КТЖ, в частности.

По нашему мнению, социально-экономическое КТЖ сводится к повышению степени удовлетворения определенных общественных потребностей. Эта социально-экономическая категория обладает качественной и количественной сторонами.

Качественная сторона категории КТЖ — это способность единицы этой категории удовлетворять определенную потребность в труде.

Количественная сторона КТЖ — это степень, мера удовлетворения определенной общественной потребности единицей данной категорией.

По нашему мнению, существующие закономерности процесса УР определяют внутренний механизм и резервы воспроизводства КТЖ, к которым можно отнести:

- 1) закономерность безграничного и опережающего по отношению к агропромышленному производству научно-технического развития;
- 2) закономерность непрерывного, устойчивого и возрастающего повышения КТЖ.

Безграничное и созидательное значение научно-технического прогресса в условиях реализации Концепции УР раскрывается в опережении его развития по отношению к агропромышленному производству и посредством его глубокого качественного преобразования на основе непрерывного появления новых потребностей и отраслей АПК и других сфер сель-

ской занятости и видов трудовой деятельности, как результатов материализации новых научных знаний и передового опыта в системе: «наука–техника–производство–потребление».

В этой связи важнейшее значение приобретает изучение эффекта от повышения КТЖ в СПЭП АПК и СТ, обладающего синергетическими, мультипликационными свойствами. Мультипликационный эффект от повышения КТЖ обладает следующими особенностями:

- постоянное его нарастание и распространение по интеграционной цепочке в АПК. Умножение при переходе от одного смежного производства к другому;
- мультипликационный эффект — совместный эффект всегда результативнее, чем суммарный эффект отдельных сфер и отраслей агропромышленной системы, включая непроизводственную сферу.

Можно выделить следующие формы мультипликационного эффекта повышения КТЖ в АПК:

- диффузный эффект — реализуется, когда более высокое КТЖ распространяется в другие сферы и отрасли;
- резонансный эффект — умножающийся эффект, вызывающий (лучеобразно или цепочным путем) распространение эффекта в более отдаленные сферы качества жизни СТ;
- эффект стартового взрыва — цепочная реакция эффекта в перспективе, последующего лавинообразного увеличения эффекта от повышения КТЖ;
- эффект акселерации — эффект ускорения темпов повышения КТЖ;
- интегральный эффект — результат реализации всех видов эффектов, зависящий от факторов: эффективности реализуемой модернизации, масштабов распространения этой инновации в СПЭП АПК и СТ, сроков его эффективной реализации.

Таким образом, на наш взгляд, целесообразно проведение фундаментального исследования особенностей эффекта и эффективности повышения КТЖ в реализации концепции УР СПЭП АПК и СТ, а также в качестве исходной предпосылки для разработки межотраслевого баланса научно-технического прогресса и КТЖ в АПК.

Повышение КТЖ сельского населения, как логический результат инновационного научно-технического прогресса, ставит агропромышленную сферу страны перед необходимостью создания нового КТЖ как условие нового технологического развития на пути к «умному» агропромышленному производству на основе цифровой трансформации, искусственного интеллекта и роботизации труда. Как справедливо отмечает Раменская Л.А.: «локомотивом новой промышленной революции стали прорывы в сфере информационных технологий <...> Интересной представляется типология, изложенная в проекте технологического развития стран Евросоюза «Factories of Future Partnership», где фабрики будущего разделяются на три типа — “цифровые”, “умные” и “виртуальные”. При этом, «цифровые» фабрики в основном сосредоточены на использовании цифровых технологий в процессе разработки новой продукции. “Умные” — помимо этого также используют цифровые технологии непосредственно в процессе изготовления продукции, а в “виртуальных” — помимо перечисленного фокус внимания смещается на рассмотрение экосистемы производства в целом» [8, с. 56, 57].

КТЖ — важнейший резерв конкурентоспособности и экспортных возможностей АПК. Сложившаяся в результате пандемии COVID-19 неблагоприятная социально-экономическая обстановка усложнила достижение целевых показателей национального проекта «Международная кооперация и экспорт», предполагающего более чем двукратный рост объемов экспорта продукции АПК — с 21,6 млрд долл. (2017 г.) до 45 млрд (2024 г.). При этом предусматривается поэтапное увеличение минимального прироста объема экспорта на рубль государственной поддержки. Следует одобрить в этой связи предложение о наращивании масштабов использования государственной поддержки национальных проектов с целью повышения их привлекательности для производителей-экспортеров [9, с. 57].

Одним из вызовов пандемии COVID-19 агроэкономике являются не только обновление ее организационно-технологической базы и существенные изменения в социально-экономической сфере села, но и переход сельского населения к новому качеству жизни при широкой цифровизации агропромышленного производства. В этой связи заслуживает под-

держки развиваемая Бодруновым С.Д. концепция «ноономики», ориентирующая на замену труда свободной творческой деятельностью, в значительной мере направленной на познавательный процесс [10], что соответствует выводу Маркса К. о превращении «непосредственного» труда в труд «всеобщий» (научный).

Межотраслевые балансы в системе управления устойчивым развитием

Социально-экономические категории качество жизни, качество труда и качество продукции теснейшим образом взаимосвязаны, взаимозависимы между собой и в значительной степени влияют на эффективность управления УР СПЭП АПК и СТ.

Низкая эффективность, неустойчивость этого развития, негативные явления во многом объясняются недостаточной разработкой и использованием балансовых связей, изучаемых на основе межотраслевых балансов агропромышленного производства и потребления. В современных условиях возрастает объективная необходимость в реализации особого качественно-количественного подхода к исследованию межотраслевых, межсистемных связей агропромышленного производства и его социальных систем.

В отечественной литературе описан опыт разработки и внедрения целостной системы межотраслевых балансов научно-технического прогресса и качества продукции (Грошев В.П., Павлюченко В.И., Боярский А.Я., Сиськов В.И. и др.). Так, д.э.н. Сиськов В.И. рассматривал систему межотраслевых балансов потребительной стоимости, научно-технического прогресса и качества продукции, как «систему балансового изучения повышения степени удовлетворения личных и производственных потребностей в общественно необходимых потребительных стоимостях на основе увеличения их производства, ускорения научно-технического прогресса и повышения качества продукции при наименьших совокупных затратах труда на производство и потребление потребительных стоимостей. Эта система включает в себя следующие балансы:

- межотраслевой баланс производства и распределения продукции во всех его разновидностях и формах;
- межотраслевой баланс развития науки;
- межотраслевой баланс ускорения внедрения достижений научно-технического прогресса;
- межотраслевой баланс технологических связей;
- межотраслевой баланс повышения технического уровня и качества продукции.

Центральное место в данной системе должно быть отведено межотраслевым балансам науки и внедрения достижений научно-технического прогресса. Эти балансы отражают количественные и качественные межотраслевые связи в развитии и распространении научных идей, в создании и во внедрении нововведений на основе межотраслевого обмена научно-технической информацией и документацией и т.д.» [11, с. 15, 16].

Заслуживает внимания и положительной оценки результаты исследования академика РАН Окрепилова В.В., к.ф.-м.н. Гагулиной Н.Л., Гридасова А.Г., Чудиновских И.В., посвященного определению методологических особенностей исследования качества жизни на концептуальной основе экономики качества с практическим выходом на стратегию УР региона. По справедливому утверждению авторов: «Процесс управления качеством жизни рассматривается как стандартизированный и упорядоченный набор фаз, технических и управленческих решений, промежуточных результатов и контрольных точек...» [12, с. 64].

В ходе проведенного исследования разработан стандарт, устанавливающий набор показателей (100 показателей, распределенных по 17 группам) для управления и измерения эффективности качества жизни. «Системное применение данных показателей позволяет произвести количественную оценку степени устойчивости развития той или иной территории в целях управления» [12, с. 65, 66].

Необходимость обеспечения сбалансированности при решении проблемы УР СТ поддерживалась многими отечественными и зарубежными учеными. Так, д.э.н. Пациорковский В.В. (РФ), проф. О'Брайн Д.Дж. (США) и проф. Вегрен С.К. (США) подчеркивали: «В фор-

мирующей многоукладной экономике сбалансированное, многофункциональное использование ресурсов сельской местности может способствовать ее устойчивому развитию» [13, с. 341].

В Методологической программе «Устойчивое сельское хозяйство и развитие сельских регионов» отмечается: «Устойчивое сельское хозяйство рассматривается как путь развития, который поддерживает общую полезность ландшафта на протяжении жизни нескольких поколений и позволяет развить баланс между природным, человеческим и технологическим капиталом» [14].

Д.э.н. Лезина М.Л. также отмечала: «Под сбалансированностью развития АПК, являющейся, собственно, одной из важнейших целей его планирования, следует понимать не только соответствие производства потреблению по объему и структуре, но и достижение рационального соотношения эффективности агропромышленного производства на разных его стадиях в отраслях и предприятиях» [15, с. 94].

Д.э.н. Решетникова Е.Г. справедливо полагает, что балансовые методы в управлении экономическими системами позволяют поддерживать пропорциональность на ее разных уровнях и во всех ее элементах (пропорций между потреблением и инвестициями, производством средств производства и производством предметов потребления, между объемом товарооборота и величиной денежных доходов населения). «Балансовый метод широко используется, но до конца не раскрыт его потенциал для анализа и прогнозирования важнейших, экономических взаимосвязей на уровне отдельных регионов и межотраслевых комплексов, в частности, агропродовольственного комплекса» [16, с. 130]. Очень важным в свете решения проблемы УР приобретает вывод автора о том, что «балансовый метод является средством достижения равновесия экономической системы с помощью рыночных регуляторов и государственного воздействия на стадии воспроизводственного воздействия» [16, с. 130].

Заключение.

Исходя из вышеизложенного, следует, что формирование современной модели стратегического управления конкурентоспособным «умным» УР СПЭП АПК и СТ представляет собой целенаправленный системный процесс преобразования агропромышленной экономики на основе программно-целевого стратегического планирования, достигая таких стратегических задач, как повышение качества жизни (в том числе КТЖ сельского населения) и расширенного воспроизводства ресурсного потенциала качества СПЭП АПК и СТ.

В этой связи необходима реализация стратегии опережающего УР человеческого капитала сельского населения, обеспечивающего расширенное воспроизводство инновационной стоимости и достижение достойного качества трудовой жизни сельского населения. В целях повышения эффективности проектного управления УР СТ специализированными научными и проектными институтами необходимо расширить фронт исследовательских и опытно-конструкторских разработок по созданию моделей современных сельских поселений, условий для формирования конкурентоспособного агропромышленного производства, создания новых привлекательных рабочих мест на селе, повышения качества жизни и культуры быта сельского населения, их жизнеобеспечения, схем инженерного оборудования поселений, проектов по охране окружающей среды, схем районных планировок, непрерывного методологического сопровождения создания современных поселений.

В рамках исследования методологических проблем УР сельских территорий необходимо расширить разработку территориальных аспектов качества жизни сельского населения, проблем асимметрий территориальных прав и справедливости, путей смягчения асимметрии территориальных прав сельского населения, политики опережающего развития человеческого капитала, модельной процедуры устойчивой кластеризации стратегической агропромышленной политики, активной интеграции ресурса КТЖ сельского населения в процесс УР АПК и СТ, национальных и региональных моделей проектного управления.

Список источников

1. Офицерова Л.Т. Бюджетная блокада // Правда. 26–29.11.2021. № 130 (31190).— С. 2.
2. Третий международный московский академический форум // Российский экономический журнал. 2021. № 3. С. 129–132.
3. Жуков Н.И. Пространственное аграрное развитие и разработка стратегии управления сельскими территориями Северо-Кавказского Федерального округа // Экономист. 2021. № 8. С. 77–90.
4. Материал парламентских слушаний Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по проблемам устойчивого развития (2 окт. 2000 г., 1 июня и 5 окт. 2001 г.). — М.: Авиаль-новый проект, 2002. — 238 с.
5. Ланщиков А.П., Салуцкий А.С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. — М.: Современник, 1990. — 396 с.
6. Абалкин Л.И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. — М.: ИЭ РАН, 2020. — 74 с.
7. Семенов С.Н. Проблемы выбора стратегии устойчивого развития АПК. — Саратов: ИАГП РАН, 2004.
8. Раменская Л.А. На пути к «умному» предприятию: как цифровые платформы меняют промышленность // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 5. С. 56–63.
9. Евстафьева Ю.В. Новый инструмент господдержки производства и экспорта продукции сельского хозяйства: по поводу соглашений о повышении конкурентоспособности сельхозпроизводителей // Российский экономический журнал. 2020. № 4. С. 56–68.
10. Бодрунов С.Д. Ноономика. — М.: Культурная революция, 2018. — 432 с.
11. Сиськов В.И. Перестройка хозяйственного механизма и система экономических законов, определяющих возрастание потребительной стоимости и повышение качества продукции. — М., 1988.
12. Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л., Гридасов А.Г., Чудиновских И.В. Методологические особенности исследования качества жизни на концептуальной основе экономики качества // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 4 (63). С. 61–67.
13. Пациорковский В.В., О’Брайн Д.Дж. Устойчивое развитие сельской местности в условиях глобализации // Агропродовольственная политика и вступление России в ВТО. — М., 2003. — С. 340–342.
14. Устойчивое сельское хозяйство и развитие сельских регионов: Программа М. МСОП, 2000. — URL: <https://www.iucn.org/>.
15. Лезина М.Л. Роль показателя конечного продукта в планировании агропромышленного производства // Программно-целевое планирование и хозяйственный механизм в системе агропромышленного комплекса: Тезисы докладов всесоюзной научной конференции (Саратов, 14–16 сентября 1982 г.). — М.: Б. и., 1982. — 215 с.
16. Решетникова Е.Г. Этапы изменения концептуальных основ построения межотраслевого баланса // Экономические науки. 2021. № 2 (195). С. 130–134.

References

1. Ofitserova L.T. Budget blockade. *Pravda*. 2021;130 (31190):2. (In Russ)
2. The Third International Moscow Academic Forum. *Russian Economic Journal*. 2021; (3): 129-132. (In Russ)
3. Zhukov N.I. Spatial agrarian development and development of a strategy for managing rural territories of the North Caucasus Federal District. *Economist*. 2021;(8):77-90. (In Russ)
4. Material of the parliamentary hearings of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on the problems of sustainable development. Moscow: Avial-new Project. 2002:238 (In Russ)
5. Lanshchikov A.P., Salutsky A.S. The peasant question yesterday and today. Moscow: Sovremennik. 1990:396. (In Russ)

6. Abalkin L.I. The Russian School of Economic Thought: the search for self—determination. Moscow: IE RAS. 2020:74. (In Russ)
7. Semenov S.N. Problems of choosing a strategy for the sustainable development of agriculture. Saratov: IAgP RAS. 2004. (In Russ)
8. Ramenskaya L.A. On the way to a "smart" enterprise: how digital platforms are changing the industry. *Management in Russia and abroad*. 2020;(5): 56-63. (In Russ)
9. Evstafyeva Yu.V. A new instrument of state support for the production and export of agricultural products: regarding agreements on increasing the competitiveness of agricultural producers. *Russian Economic Journal*. 2020; (4):56-68. (In Russ)
10. Bodrunov S.D. *Noonomika*. M.: Cultural Revolution. 2018:432 p. (In Russ)
11. Titkov V.I. The restructuring of the economic mechanism and the system of economic laws that determine the increase in use value and the improvement of the quality of production. M. 1988. (In Russ)
12. Okrepilov V.V., Gagulina N.L., Gridasov A.G., Chudinovskikh I.V. Methodological features of quality of life research on the conceptual basis of quality economics. *The economy of the North-West: problems and prospects of development*. 2020; 4 (63):61-67. (In Russ)
13. Khodorkovsky V.V., O'Brien D.J. Sustainable rural development in the context of globalization // Agro—food policy and Russia's accession to the WTO. 2003: 340-342. (In Russ)
14. Sustainable agriculture and rural development: The Program of M. IUCN. 2000. — URL: <https://www.iucn.org/>.
15. Lezina M.L. The role of the final product indicator in the planning of agro-industrial production. *Program-target planning and economic mechanism in the system of the agro-industrial complex: Abstracts of reports of the All-Union scientific conference*. 1982:215 p. (In Russ)
16. Reshetnikova E.G. Stages of changing the conceptual foundations of building an intersectoral balance. *Economic sciences*. 2021;2(195):130-134. (In Russ)

Информация об авторах

С.Н. Семенов – доктор экономических наук;
М.Я. Ржевская – лаборант-исследователь.

Information about the authors

S.N. Semenov – Doctor of Economic Sciences;
M.Ya. Rzhevskaya - Research assistant

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 30.03.2022;
принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 30.03.2022;
accepted for publication 15.04.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 2. С. 94-101.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 94-101.

Научная статья
УДК 338.465

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОДХОДА К ФОРМИРОВАНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Вера Николаевна Рубцова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. *Обобщены теоретические научные положения о структурной сложности, разнообразии, специфичности проблем развития села и необходимости применения нестандартных подходов для их разрешения. На основе конкретизации общетеоретических положений разработана авторская методология, позволяющая выявить и обосновать структуру негативных организационных факторов сельского здравоохранения, доказать наличие глубинных факторов, дестабилизирующих его организационную структуру. Одним из основных факторов дестабилизации признано несоответствие единообразной структуры и расположения сетей медицинских организаций на всех территориальных уровнях сельского расселения современной сложной структуре сельского расселения России. Был сделан вывод о необходимости существенных изменений в организации сельского здравоохранения, необходимых для формирования системы факторов, обеспечивающих устойчивое и последующее устойчивое развитие сельского здравоохранения в условиях нестабильности.*

Практическая значимость исследования нашла свое подтверждение в разработке авторских рекомендаций по формированию факторов, обеспечивающих устойчивое развитие сельского здравоохранения как подсистемы национального здравоохранения.

Ключевые слова: *сельское здравоохранение, организационная структура, факторы, устойчивое развитие.*

Для цитирования: *Рубцова В.Н. Теоретико-методологическое обоснование инновационного подхода к формированию организационной структуры сельского здравоохранения в условиях нестабильности // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 94-101.*

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL SUBSTANTIATION OF THE INNOVATIVE APPROACH TO THE FORMATION OF THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF RURAL HEALTHCARE UNDER UNSTABLE CONDITIONS

Vera N. Rubtsova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. *Theoretical scientific statements about the structural complexity, diversity, specificity of rural development problems and the need to use non-standard approaches to solve them are summarized. On the basis of concretization of general theoretical provisions, an author's methodology has been developed, which makes it possible to identify and substantiate the structure of negative organizational factors in rural healthcare, to prove the presence of underlying factors that destabilize its organizational structure. One of the main factors of destabilization is the inconsistency of the uniform structure and location of networks of medical organizations at all territorial levels of rural settlement with the modern complex structure of rural settlement in Russia. It was concluded that significant changes in the organization of rural healthcare are necessary to form a system of factors that ensure sustainability and subsequent sustainable development of rural health care in conditions of instability.*

The practical significance of the study was confirmed in the development of the author's recommendations on the formation of factors that ensure the sustainable development of rural healthcare as a subsystem of national healthcare.

Key words: *rural healthcare, organizational structure, factors, sustainable development.*

For citation: *Rubtsova V.N. Theoretical and methodological substantiation of the innovative approach to the formation of the organizational structure of rural healthcare under unstable conditions // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1):94-101.*

Введение.

Согласно научным идеям, общепринятым в глобальном научном сообществе, высокое качество жизни, социальная безопасность и устойчивая система здравоохранения определяют необходимый уровень здоровья сельского населения, обеспечивающий устойчивое развитие стран в мировой продовольственной системе. Устойчивое развитие сельского здравоохранения в России рассматривается автором как необходимое условие стабилизации АПК России в глобальной продовольственной системе. При этом подтвержденная статистически, неоднократно зафиксированная и критически оцененная отечественными авторами направленность здравоохранительной политики, реализуемой Министерством здравоохранения и ведомствами, в составе которых функционирует сельское здравоохранение, ориентирована на сокращение сетей сельского здравоохранения в соответствии с сокращением сельского населения, содействуя неустойчивости сельского здравоохранения. Ослабление и неустойчивость сельского здравоохранения в полной мере проявилась в условиях противодействия коронавирусной инфекции. Об этом свидетельствует наличие групп сельских территорий с максимальными показателями заболевших коронавирусной инфекцией в расчете на 100 тыс. населения. Таким образом, здравоохранительная политика объективно нацелена на тех, кто уехал из села и не обеспечивает продовольственную безопасность России и устойчивое развитие АПК. В глобальном и отечественном научном сообществе формируется мысль о необходимости переориентации тренда здравоохранительной политики в направлении удовлетворения потребностей в медицинской помощи сельского населения. Для формирования устойчивости и последующего устойчивого развития организационной структуры сельского здравоохранения в статье предложен инновационный теоретико-методологический подход, реализация которого может послужить существенным организационным фактором обеспечения устойчивости и последующего устойчивого развития организационной структуры сельского здравоохранения.

Изученные источники позволяют сформулировать теоретические предпосылки обоснования инновационного подхода к формированию устойчивого развития организационной структуры сельского здравоохранения и обеспечить решение поставленных в статье исследовательских задач.

И. Пригожин, И. Стенгерс разработали и научно обосновали новый междисциплинарный подход к неравновесности, неустойчивости, разбалансированности сложных систем, как стандартного этапа перехода к качественно новому, устойчивому состоянию и развитию, и выявили основные механизмы перехода систем к устойчивому развитию [1].

B. Dollery, L. Robotty на основе «новой экономической теории» выдвинули и обосновали постулат о сложности, специфичности проблем развития сельских территорий и необходимости, прежде всего, развивать теоретические вопросы, тесно связанные с практическими разработками в направлении обеспечения устойчивого развития систем [2].

B. O'Sullivan, J. Leader на материалах научных исследований систем сельского здравоохранения нескольких стран выявили обострившиеся проблемы сельского здравоохранения, нуждающиеся в немедленном разрешении; на примере США, Канады, Австралии указали на неустойчивость сельского здравоохранения [3].

S. Boren выявил основные причины отставания сельского здравоохранения, оценив их, как следствие его неустойчивости, проявившейся в неэффективном реагировании на распространение коронавирусной инфекции [4].

А.В. Колесников научно обосновал количественную взаимосвязь объема финансирования национального здравоохранения и продолжительности жизни населения [5].

Г.Э. Улумбекова указала на необходимость повышения объема финансирования системы национального здравоохранения [6].

В.И. Перхов, О.В. Гриднев выявили и обосновали роль сокращения организаций здравоохранения в системе национального здравоохранения, как фактор, дестабилизирующий его систему [7].

П.М. Козырева, А.И. Смирнов представили развернутую характеристику процессов, усиливающих неустойчивость современного сельского здравоохранения [8].

А.В. Иванова, Поспелов М.В и другие авторы на материалах сельских административных районов Саратовской области представили полную характеристику возникновения и распространения коронавирусной инфекции в сельских территориях, позволившую выделить группу приграничных административных районов с максимальными показателями заболевших коронавирусной инфекцией в расчете на 100 тыс. населения [9].

Цель исследования обусловлена необходимостью теоретического обоснования направлений практического выхода из критической ситуации, сложившейся в сельском здравоохранении, и отсутствием системных научных разработок, посвященных данной теме. Цель исследования представляет собой теоретическое обоснование инновационного подхода к формированию структуры факторов, обеспечивающих организационную устойчивость и последующее устойчивое развитие сельского здравоохранения в условиях нестабильности.

Основные задачи исследования включают:

- конкретизацию теоретических положений до уровня обоснования формирования факторов, стабилизирующих организацию и последующее устойчивое развитие сельского здравоохранения в России;
- разработку категориального аппарата, необходимого для решения исследовательских задач;
- выявление и научное обоснование структуры основных негативных факторов, дестабилизирующих организацию сельского здравоохранения;
- предложение основных направлений формирования устойчивости и последующего устойчивого развития организационной структуры сельского здравоохранения в условиях нестабильности.

Выбор отдельных научных положений использованных в исследовании междисциплинарных научных подходов осуществлен автором с учетом возможностей их конкретизации в рамках поставленных исследовательских задач.

Методологической основой статьи послужили: логический метод, позволивший определить основные направления исследования инновационного подхода к формированию системы факторов, обеспечивающих организационную устойчивость и последующее устойчивое развитие сельского здравоохранения. Использован монографический метод, с помощью которого были выбраны теоретические постулаты, конкретизация которых помогла сделать практические выводы о формировании необходимых факторов, обеспечивающих организационную устойчивость и последующее устойчивое развитие сельского здравоохранения.

ния в сельских территориях России. Для подтверждения авторских идей использовались статистические методы исследования.

В статье предложена авторская методология, разработан и применен принцип исследования, направляющий научный поиск от характеристики достаточно изученных и критически оцененных научным сообществом частных факторов дестабилизации организационной структуры сельского здравоохранения к выявлению глубинных негативных факторов, определяющих многолетнюю организационную структурную неустойчивость сельского здравоохранения. Реализованный в статье методологический авторский подход послужил основой для обоснования необходимости целенаправленного формирования факторов, обеспечивающих организационную устойчивость и последующее устойчивое развитие организационной структуры сельского здравоохранения с помощью применения цифровизации, телемедицины и других новейших технологий.

Теоретической основой предпринятого исследования послужили разработанные и принятые международным и отечественным научным сообществом идеи о множественности, сложности и специфичности негативных факторов, препятствующих развитию сельских территорий, требующих оригинальных подходов к их изучению и минимизации.

Результаты исследования.

Под организационной устойчивостью сельского здравоохранения понимается наличие организации сельского здравоохранения со сбалансированной структурой видов медицинской помощи, позволяющей оказывать полноценную медицинскую помощь сельскому населению в составе сельских территорий в сложившихся (неизменных) условиях. Устойчивое организационное развитие сельского здравоохранения предполагает организацию сельского здравоохранения, позволяющую сельскому здравоохранению оказывать доступную и качественную медицинскую помощь населению сельских территорий любого территориального ранга, адаптируя элементы собственной структуры к особенностям, структурной сложности, неоднозначной динамике современного сельского расселения в условиях социально-экономической неоднородности сельских территорий России. Необходимым условием является сохранение структурной сбалансированности или равновесности звеньев сельского здравоохранения для оказания полноценной медицинской помощи, начиная от амбулаторной доврачебной и врачебной медицинской помощи до оказания специализированных и высокотехнологичных ее услуг. Организационная неустойчивость сельского здравоохранения представляет собой его искажение, структурную неравновесность, несбалансированность, проявляющуюся в необоснованном сокращении в рамках оптимизации значимых звеньев сельского здравоохранения. Прямым следствием организационной неустойчивости сельского здравоохранения является лишение первичной врачебной и доврачебной медицинской помощи населения сельских территорий, расположенных на дальних расстояниях от центров расселения и не имеющих с ними круглогодичной транспортной связи. К последствиям организационной неустойчивости сельского здравоохранения могут быть отнесены также ограничения в оказании сельскому населению специализированной, скорой, высокотехнологичной медицинской помощи.

Факторы, формирующие неустойчивость или устойчивость организационной структуры сельского здравоохранения, рассматриваются как причины или источники, обеспечивающие эти состояния его организационной структуры.

Методологическим принципом исследования структуры негативных факторов, реализованным в статье, стало направление научного поиска от частных негативных факторов, лежащих на поверхности исследовательского поля, оцениваемых с помощью количественных методов, к выявлению и научному обоснованию глубинных причин, не позволяющих сельскому здравоохранению успешно сопротивляться угрозам потери организационной устойчивости. Глубинные факторы далеко не всегда поддаются количественной оценке из-за отсутствия методологии их изучения и информационной недостаточности.

К основным факторам, свидетельствующим об организационной разбалансированности систем здравоохранения, проявившимся в последние годы в той или иной мере в глобальном

масштабе и наблюдаемым в России, отнесены: снижение доступности высокотехнологичной медицинской помощи для части населения вследствие коммерциализации этого вида медицинской помощи; уход медиков из профессии из-за эмоционального выгорания от хронических стрессов, вызванных ответственностью медицинской профессии в сочетании с относительно низкой заработной платой, возросшими профессиональными нагрузками; оформлением массы документации, не являющейся необходимой для выполнения работы. К числу негативных факторов, снижающих организационную устойчивость здравоохранения в глобальном масштабе, относится проведенное во многих странах в соответствии с рекомендациями ВОЗ необоснованное сокращение медперсонала, в первую очередь, эпидемиологов и инфекционистов; сокращение инфекционных коек в стационарах, произвольное свертывание государственных программ поддержки здравоохранения. Все перечисленные негативные факторы проявились в последние годы в системе национального здравоохранения России.

К главным причинам, дестабилизирующим устойчивость национальной системы здравоохранения в России, отечественные авторы, в первую очередь, относят ее явно недостаточное финансирование, составляющее 3,6 % от ВВП [5, 6]. Однако применение количественных методов позволяет проследить тесную взаимосвязь этого показателя с продолжительностью жизни населения [5]. Структура организационных негативных факторов, содействующих разбалансированности и росту неустойчивости системы национального здравоохранения России, содержит также такие негативные факторы, как значительное снижение коечного фонда в круглосуточных стационарах России, снижение обеспеченности населения врачебными кадрами и наличие кадрового дефицита; неэффективные попытки государства контролировать качество медицинской помощи с помощью административных методов [7].

Функционирующее в рамках национальной системы сельское здравоохранение воспроизводит воздействие на организационную структуру сельского здравоохранения перечисленных негативных факторов в усиленном режиме. О возрастающей неустойчивости сельского здравоохранения красноречиво свидетельствует сокращение его сетей. Так, с 2005 по 2016 годы численность больничных учреждений в сельской местности России сократилась с 3659 до 1006 единиц, при этом численность участковых больниц составила в 2005 году – 2591 ед., а в 2016 году их осталось всего 59. За эти годы в сельской местности существенно сократилась численность амбулаторно-поликлинических организаций - с 7495 в 2005 году до 4890 в 2016 [8]. В рамках оптимизации национальной системы здравоохранения эти процессы продолжаются, но уже без должного статистического отражения. Отечественные авторы также отмечают наличие нуждающихся в ремонте зданий, в которых размещаются медицинские учреждения, низкое, по сравнению с городскими медицинскими организациями, материально-техническое и кадровое обеспечение [8]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что структура сельского здравоохранения, вследствие ее реформирования в рамках национального здравоохранения, утратив или переместив медицинские организации, оказывающие доврачебную и врачебную амбулаторную и стационарную медицинскую помощь в центры расселения, была существенно искажена и потеряла структурную организационную сбалансированность. Следствием потери организационной устойчивости сельского здравоохранения стала недоступность медицинской помощи для населения отдаленных от центров расселения мелких (менее 100 человек) населенных пунктов. В условиях необходимости противодействия коронавирусной инфекции неустойчивость территориальных систем сельского здравоохранения (в сочетании с некоторыми объективными факторами появления коронавирусной инфекции, отсутствующими в крупных городах) проявилась в наличии групп сельских территорий с максимальными показателями заболевших в расчете на 100 тыс. населения [9].

Методология предложенного исследования предполагает необходимость поиска глубинных факторов, следствием которых стала организационная разбалансированность, неустойчивость, уязвимость сельского здравоохранения. Авторские исследования, проведенные ранее, позволили выявить основные глубинные факторы, формирующие организационную структурную неустойчивость сельского здравоохранения. В частности, к глубинным факторам, дестабилизирующим организационную структуру сельского здравоохранения, отнесено

несоответствие количества объектов сельского здравоохранения сложной структуре и разнонаправленным трендам динамики современного сельского расселения.

Сложность структуры современного сельского расселения определяется протяженностью сельской местности России, климатическим разнообразием систем расселения, дисперсностью единиц сельского расселения, разнонаправленностью трендов изменения численности муниципальных сельских поселений, дополненной социально-экономической неоднородностью сельских территорий и неразвитостью дорожной сети. Сельские поселения с численностью населения до 100 человек статистически не учитываются. В них не предполагается наличие медицинских учреждений. Ситуация усложняется разнонаправленностью трендов изменения численности муниципальных сельских поселений. Статистически установлено, что крупные сельские поселения растут, средние «размываются», то есть их население возрастает за счет переселения из более мелких поселений, а мелкие сельские поселения чаще всего исчезают. Сети сельского здравоохранения неизменно сокращаются, почти не делая попыток приспособиться к ситуации и оставляя все большую часть сельского населения без медицинской помощи. Выявленное рассогласование, по мнению автора, является одним из глубинных факторов дестабилизации сельского здравоохранения [10].

К числу глубинных причин, усиливающих структурную неустойчивость сельского здравоохранения, отнесено выявленное и статистически подтвержденное единообразие структуры первичного звена сельского здравоохранения, не соответствующее структурной сложности и разнонаправленной динамике современного сельского расселения. Результаты авторского исследования, проведенного на материалах официальной статистики, подтвердили, что объем структурных элементов первичного звена сельской системы здравоохранения на уровне Российской Федерации (в процентах от общего числа медицинских организаций) составляет: амбулатории – 11,1%; участковые больницы – 3,2%; фельдшерско-акушерские пункты – 80,6%; фельдшерские пункты – 5,1%. Аналогичные объемы видов медицинских организаций, составляющих структуру первичного звена сельской системы здравоохранения, установлены на территориальном уровне федеральных округов и сельской местности Саратовской области [11]. Таким образом, единообразная структура организаций первичного звена сельского здравоохранения, выявленная на всех территориальных уровнях сельской местности, вошла в обострившееся противоречие с разнонаправленными трендами динамики современного сельского расселения, требующими от системы сельского здравоохранения известной гибкости. Для сохранения устойчивой организационной структуры объектов сельского здравоохранения и удовлетворения потребностей населения в доврачебной и врачебной медицинской помощи представляется необходимой замена одних медицинских организаций другими, соответствующими новым требованиям динамики расселения, а не их упразднение или присоединение к центральным районным больницам. Это противоречие оценено, как второй глубинный фактор, дестабилизирующий структурную устойчивость сельского здравоохранения [10, 11].

Представленные в статье глубинные факторы, усиливающие организационную неустойчивость сельского здравоохранения, позволяют выдвинуть идею о существовании интегрального фактора, негативное воздействие которого на структуру сельского здравоохранения содействует его организационной неустойчивости. По мнению автора, этим фактором является функционирование сельского здравоохранения в системе национального здравоохранения. Функционируя в рамках системы национального здравоохранения, сельское здравоохранение при более сложной по сравнению с городами структуре и динамике сельского расселения не имеет соответствующих этой структуре сетей медицинских учреждений; отсутствует нормативно-правовая база, разработанная специально для структуры медицинских учреждений в селе. Дестабилизирующим фактором является отсутствие системы финансирования, обеспечивающей устойчивость и устойчивое развитие более сложной (по сравнению с городской) структуры медицинских учреждений в селе. Усиливает организационную неустойчивость отсутствие централизованной системы управления сельским здравоохранением на всех территориальных уровнях, включая высшие уровни управления.

Заключение.

В рамках статьи состояние неустойчивости организационной структуры современного сельского здравоохранения в России оценено как точка бифуркации, от которой при неизменном воздействии выявленных негативных факторов организационная структура сельского здравоохранения продолжит мигрировать в направлении дальнейшей разбалансированности. Минимизировать воздействие негативных факторов и переориентировать организационную структуру сельского здравоохранения на устойчивость и последующее устойчивое развитие может целенаправленное выявление факторов, обеспечивающих сбалансированное развитие организационной структуры сельского здравоохранения. К ним относятся: разработка схем расположения организаций сельского здравоохранения в соответствии с типами сельского поселения, населенного пункта. Основными критериями здесь являются: людность, расположение относительно центров расселения, наличие или отсутствие дорог с твердым покрытием, обеспечивающих круглогодичную взаимосвязь с центрами расселения. Необходимой представляется также разработка и законодательное утверждение нормативно-правовой базы для всех видов организаций сельского здравоохранения, формирование системы финансирования, обеспечивающей потребности всех форм сельской медицины; наличие централизованной системы управления сельским здравоохранением в рамках национальной системы здравоохранения с жесткой территориальной соподчиненностью.

Список источников

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. 1986. С. 5-429
2. Dollery, B. E., Robotti, L. (ed.) *The Theory and Practice of Local Government Reform*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2008. С. 3-450
3. O'Sullivan B., Leader J., Couch D., Purnell J. Rural Pandemic Preparedness: The Risk, Resilience and Response Required of Primary Healthcare. *Risk Management and Healthcare Policy*. 2020; (13):1187–1194.
4. Boren S. Journalist's Resource, Rural health care and COVID-19: A research roundup. – URL: <https://journalistsresource.org/studies/government/health-care/rural-health-care-covid-19-research/>
5. Колесников А.В. Здравоохранение в сельской местности // Вестник сельского развития и социальной политики. 2019. №3(23). С. 30-37
6. Улумбекова Г. Э. Предложения по реформе здравоохранения РФ после завершения пика пандемии COVID-19 // Журнал для непрерывного медицинского образования: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2020. Том 6. № 2.
7. Перхов В.И., Гриднев О.В. Уроки пандемии COVID-19 для политики в сфере общественного здравоохранения // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. №2. С. 206-221
8. Козырева П.Н., Смирнов А.И. Проблемы медицинского обслуживания в сельской местности // Гуманитарий Юга России. 2018. Том 7. №4. С. 33-49
9. Иванова А. В., Поспелов М. В., Зимирова А. А., Карнаухов И.Г., Щербакова С.А., Кутырев В.В., Вяткин И.Н., Матвеева Н.И., Кожанова О.И. Характеристика эпидемического процесса COVID-19 в Саратовской области. ФКУЗ Российский НИИ противочумный институт «Микроб» Роспотребнадзора, Управление Роспотребнадзора по Саратовской области. 2020. – URL: <https://doi.org/10.21055/preprints-3111894>
10. Рубцова В.Н. Основы теоретического обоснования размещения сетей сельского здравоохранения с учетом особенностей, структуры и динамики сельского расселения России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2020. № 3
11. Рубцова В.Н. Сопоставление структур первичного звена сельского здравоохранения с особенностями сельского расселения // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. Вып. 4. С. 712–724.

References

1. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos. M. 1986. pp. 5-429. (In Russ)
2. Dollery, B. E., Robotti, L. (ed.) *The Theory and Practice of Local Government Reform*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2008. С. 3-450
3. O'Sullivan B., Leader J., Couch D., Purnell J. Rural Pandemic Preparedness: The Risk, Resilience and Response Required of Primary Healthcare. *Risk Management and Healthcare Policy*. 2020; (13):1187–1194.
4. Boren S. Journalist's Resource, Rural health care and COVID-19: A research roundup. – URL: <https://journalistsresource.org/studies/government/health-care/rural-health-care-covid-19-research/>
5. Kolesnikov A.V. Health care in rural areas. *Bulletin of Rural Development and Social Policy*. 2019; 3(23): 30-37. (In Russ)
6. Ulumbekova G. E. Proposals for the healthcare reform of the Russian Federation after the end of the peak of the pandemic COMID-19. *Journal for continuing medical education: news, opinions, training. Bulletin of the VSHOUZ*. 2020; 6(2). (In Russ)
7. Perkhov V.I., Gridnev O.V. Lessons of the COVID-19 pandemic for public health policy. *Modern problems of healthcare and medical statistics*. 2020; (2): 206-221. (In Russ)
8. Kozyreva P.N., Smirnov A.I. Problems of medical care in rural areas. *Humanities of the South of Russia*. 2018; 7(4): 33-49. (In Russ)
9. Ivanova A.V., Pospelov M. V., Zimirova A. A., Karnaukhov I.G., Shcherbakova S.A., Kuttyrev V.V., Vyatkin I.N., Matveeva N.I., Kozhanova O.I. Characteristics of the epidemic process of COVID-19 in the Saratov region. Federal Institution of Higher Education of the Russian Research Institute of Anti-Plague Institute "Microbe" of Rospotrebnadzor, Department of Rospotrebnadzor in the Saratov region. 2020. – URL: <https://doi.org/10.21055/preprints-3111894>
10. Rubtsova V.N. Fundamentals of the theoretical justification of the placement of rural health networks, taking into account the features, structure and dynamics of rural settlement of Russia. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2020; (3). (In Russ)
11. Rubtsova V.N. Comparison of the structures of the primary level of rural health care with the features of rural settlement. *Scientific review: theory and practice*. 2020; 10(4): 712-724. (In Russ)

Информация об авторе

В.Н. Рубцова – доктор экономических наук.

Information about the author

V.N. Rubtsova – Doctor of Sociological Sciences

Статья поступила в редакцию 14.03.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 14.03.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 102-109.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 102-109.

Научная статья
УДК 316.344

ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Виктор Леннарович Шабанов

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. *Качество жизни рассматривается как сложный концепт, определяемый факторами доходов, экологического и социально-экономического состояния среды и ее субъективного восприятия, финансовой и физической доступности благ и потребности в них и др. По многим характеристикам жилья – его размеру, экологическому состоянию и др. – сельское население опережает или не уступает городскому. Показатели качества жизни в сельской местности, обеспечиваемые реализацией масштабных государственных проектов (газификации, водоснабжения и др.), растут быстрее, чем в городе. В то же время показатели текущего потребления сельских домохозяйств, особенно в сфере услуг, сближаются с городскими медленно или не сближаются вовсе из-за низкой финансовой и физической доступности.*

Ключевые слова: *качество жизни, потребление, финансовая и физическая доступность благ, доходы, ЛПХ.*

Для цитирования: *Шабанов В.Л. Факторы качества жизни сельского населения // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 102-109.*

Original article

FACTORS OF THE LIFE QUALITY OF THE RURAL POPULATION

Viktor L. Shabanov

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Аннотация. *The life quality is considered as a complex concept determined by factors of income, ecological and socio-economic state of the environment and its subjective perception, financial and physical availability of goods and the need for them, etc. According to many characteristics of housing - its size, ecological condition and other factors, rural population is ahead of or not inferior to the urban population. The indicators of the quality of life in rural areas, ensured by the implementation of large-scale government projects (gasification, water supply, etc.), grow faster than in the city. At the same time, indicators of current consumption of rural households, especially in the service sector, converge slowly with urban households or do not converge at all due to low financial and physical accessibility.*

Ключевые слова: *life quality, consumption, financial and physical accessibility of goods, income, household plots.*

For citation: *Shabanov V.L. Factors of the life quality of the rural population // Regional agrosystems: economics and sociology. 2022; (1):102-109.*

Введение.

Качество жизни – широкое понятие, объединяющее различные аспекты существования человека в его социальном, экономическом, природном окружении. Предметное поле современных исследований качества жизни достаточно широкое и разноплановое, и с течением времени оно не сужается [1]. Современные исследователи выделяют не менее пяти аспектов качества жизни – физический, материальный, социальный, эмоциональный, личностный. Множественность подходов к трактовке качества жизни порождает значительное разнообразие методов его формализации. Отметим наиболее известные: индекс человеческого развития ИЧР (ООН), индекс лучшей жизни ИЛЖ (ОЭСР), глобальный индекс благополучия ГИБ (Гэллап, США) [2, с.10]. Основная задача перечисленных индексов – проведение межстрановых сопоставлений, возможность которых достигается использованием наиболее общих и одинаковых по методике расчета индикаторов (ИЧР, ИЛЖ) или опроса по единой базовой анкете, нацеленной на выявление субъективного восприятия респондентами их успешности, социального, финансового, общественного и физического благополучия (ГИБ).

Так, индекс ИЧР рассчитывается на основе 3-х показателей – ожидаемой продолжительности жизни, грамотности населения и валового национального дохода, определяемого по паритету покупательной способности. В составе ИЛЖ участвуют 24 индикатора, рассчитываемых на основе показателей жилищных условий, доходов, занятости, образования, социальной поддержки, экологии, гражданских прав, здоровья, безопасности, досуга, удовлетворенности жизнью.

Статистика Росстата позволяет представить достаточно широкую интерпретацию качества жизни, учитывающую самые разные его аспекты, в частности, условия проживания, потребительские возможности, характеристики личности. Для формализации условий проживания обычно используются показатели, характеризующие среду обитания, качество жилья, состояние инфраструктуры. Второй аспект связан с показателями финансовой и физической доступности основных благ. Третий аспект характеризуется показателями здоровья, образования, качества досуга, уровня свободы, безопасности, социальной мобильности, занятости и др. Конкретный набор показателей для анализа качества жизни определяется целью исследования и опирается на современные методические разработки в данной сфере.

Цель исследования состоит в выявлении и оценке наиболее значимых факторов, определяющих качество жизни сельского населения.

Методология и методы исследования.

Методологический подход к анализу качества жизни связан с концепцией А.Сена, согласно которой качество жизни связано с достойной жизнью и свободой и определяется не окружающими человека вещами, а его состоянием, возникающим из-за наличия или отсутствия у него возможности ими распорядиться [3]. Такой подход «социологизирует» восприятие благ, полагая простое обладание ими недостаточным для корректных выводов о качестве жизни. Подход позволяет объединить различные аспекты качества жизни, поставив акцент на использовании возможностей, которые предоставляют блага.

Результаты исследования.

Условия проживания – важнейший фактор качества жизни, определяемый показателями размера и экологического состояния жилища и прилегающей к нему территории. Анализ показывает, что село опережает город по показателям среднего размера жилья и некоторым его характеристикам. Согласно материалам Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2020 г. (КОУЖ-2020), размер общей площади проживания сельской семьи был на 14%, а жилой – на 23% больше, чем городской. Указали, что «не испытывают стесненность» 84% сельских и 80% городских семей. Из 8 предложенных для оценивания недостатков сельские жители выбирали реже городских 4 недостатка – шум и загрязненность воздуха с улицы, шум от соседей, нарушение общественного порядка вблизи дома и недостаток солнечного света (1,7-5,6% против 5,2-13,4%). Недостаток тепла, сырость и промерзание стен и полов, наличие насекомых, плохую освещенность подходов к дому выбирали чаще (7,5-14,0% против 4,4-13,0%) [4]. В целом 68% сельских и 63% городских респондентов не указали ни один

из предложенных недостатков. Подобная картина не изменяется с 2011 г. – года первого проведения КОУЖ.

По другим характеристикам – наличию и качеству внутридомового оборудования (лифтов, домофонов), прилегающей к дому территории (детских и спортивных площадок, парковочных мест, контейнеров для сбора мусора), водо- и газоснабжения сельские домохозяйства заметно уступают городским. Тем не менее, по большинству характеристик с течением времени наблюдается сближение: обеспеченность благами в сельской местности растет быстрее, чем в городе (табл. 1) [4].

Таблица 1 – Условия проживания как фактор качества жизни в городской и сельской местности

	село				город			
	2011	2014	2018	2020	2011	2014	2018	2020
Наличие в домохозяйствах, всего (% ответивших):								
Централизованного водопровода:								
в целом	59	63,7	69,3	70,6	92,5	94,2	96,8	95,5
артезианской скважины, колодца	20,6	19,8	17,6	18,4	3,9	3,5	1,9	3,0
водопровод отсутствует	20,4	16,5	13,1	10,9	3,6	2,3	1,3	1,4
Централизованного горячего водоснабжения:								
в целом	9,5	9,3	11,3	10,9	65	69	72	70,6
индивидуального (водонагреватели)	31,5	44	56,7	62,7	21,2	21	22,5	25,4
горячее водоснабжение отсутствует	59	46,7	32	26,4	13,9	10	5,5	4,0
Сетевого газа:								
в целом	56,6	61,3	65,4	65,2	66,6	66,8	67,1	67,9
сжиженного газа в баллонах или привозного	26,7	23,3	18,5	18,6	4,4	5,8	4,4	4,2
нет технической возможности	5,4	5,2	6,6	6,1	5,8	4	4	4,2
нет необходимости	6,7	10,2	9,5	10,1	19,9	23,4	24,5	23,8
Наличие в многоквартирных домах (% ответивших):								
лифтов	0,2	0,1	4,5	2,2	38,1	39,7	43,1	44,3
кодовых замков на дверях подъездов, домофонов	15,0	25,6	34,3	38,6	83,3	86,7	91,6	91,2
детских площадок	34,7	40,2	49,4	53,9	68,5	69,0	71,6	74,5
спортивных площадок, сооружений для занятий спортом	нд	нд	19,2	30,5	нд	нд	31,9	35,9
парковочных мест	13,3	16,1	29,2	35,6	34,7	38,3	41,6	47,3
контейнеров для сбора мусора	нд	нд	62,2	72,2	нд	нд	83,6	84,8

Примечание: “нд” – нет данных

Важно также отметить активное применение сельским населением альтернативных источников тех услуг, которые ему недоступны. Отсутствие горячего водоснабжения из централизованного источника компенсируется использованием водонагревателей. Более высокая, чем в городе, потребность в газе удовлетворяется путем использования сжиженного газа в баллонах. Альтернативные технические средства, часто новые, ориентированные на применение отдельным домохозяйством или небольшой группой домохозяйств, повышают общую доступность коммунальных услуг в сельской местности. Наряду с этим, улучшается техническая и инфраструктурная сторона среды обитания – становятся нормой детские и спортивные площадки около многоквартирных домов, парковочные места, контейнеры для сбора мусора и т.д. Однако в целом качество коммунальных услуг в сельской местности ниже, чем в городе, на что указывают результаты того же обследования: перебои с подачей электроэнергии, холодной и горячей воды у домохозяйств, подключенных к централизованным услугам, сельскими респондентами отмечаются в 1,5-2 раза чаще, чем городскими [5].

Наиболее общим фактором, определяющим качество жизни, является среднедушевой доход, размер которого в селе ниже, чем в городе. Разница в 30-40% стабильно держится на протяжении последних лет. Самооценки сельским населением своих финансовых возможностей ниже, чем городским (табл. 2) [4].

Таблица 2 – Самооценки финансовых возможностей как фактор качества жизни, 2020 г, %

Возможность:	Город	Село
- оплачивать жизненно необходимые лекарственные препараты	91,6	89,9
- справиться с непредвиденными расходами по ремонту жилья	49,0	44,5
- заменить пришедшие в негодность предметы мебели	51,4	46,0
- менять членам семьи одежду на новую по мере износа	91,1	89,5
- покупать каждому члену семьи две пары подходящей по сезону обуви	72,8	63,1
- два раза в неделю употреблять в пищу блюда из мяса, птицы или рыбы (или равноценную вегетарианскую пищу)	93,4	89,9
- покупать фрукты в любое время года	85,1	76,3
- приглашать гостей на семейное торжество	76,2	69,4
- каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома	55,3	36,0

Следующий аспект качества жизни связан с потреблением. Потребительские возможности определяются размером доходов домохозяйства, а также физической доступностью благ и потребностью в них. Прежде всего отметим более низкий уровень доходов сельских домохозяйств: их располагаемые ресурсы в 2020 г. составляли 67% от городских, а с учетом только денежной составляющей (без учета натуральных поступлений) – 65% [6]. Сравнительно небольшая разница в 2 процентных пункта свидетельствует о снизившейся роли ЛПХ в жизнедеятельности сельской семьи. В настоящее время стоимостная оценка поступлений из ЛПХ в расходах на потребление сельских домохозяйств составляет 6,9% (против 1,2% в городе). Для сравнения, в 2005 г. - 15,6%, в 2010 г. – 10,1% (против 2,3-1,6% в городе). Снижение шло последовательно, отражая не только изменения в структуре расходов, но и в качестве жизни. Отмеченная динамика была связана, прежде всего, с ростом покупок продуктов питания за счет повышения его разнообразия и сокращения ЛПХ, в то время как темп роста потребления непродовольственных товаров и услуг не всегда был опережающим. Постепенные изменения роли и значимости ЛПХ для обеспечения жизнедеятельности сельских семей отмечаются в научной литературе [7, 8].

Физическая доступность благ и потребность в них характеризуется данными, представленными в табл. 3 [4].

Таблица 3 – Характеристики потребления как фактор качества жизни, 2020 г.

Потребительский товар (благо)	Имеется в наличии (% от общего числа домохозяйств)		Можем приобрести при желании (% от числа домохозяйств, не владеющих товаром)		Хотели бы, но нет средств (% от числа домохозяйств, не владеющих товаром)		Не можем приобрести по другим причинам (% от числа домохозяйств, не владеющих товаром)	
	город	село	город	село	город	село	город	село
Цветной телевизор	99,1	99,2	53,6	14,7	23,5	60,3	22,9	25,0
Спутниковая антенна	32,4	61,8	41,7	29,3	18,5	38,3	39,8	32,5
Стационарный телефон	31,9	21,8	53,4	39,3	7,0	10,7	39,7	49,9
Мобильный телефон	98,8	98,0	32,0	20,5	22,6	36,2	45,4	43,2
Компьютер стационарный или портативный	65,5	49,3	26,2	21,9	26,8	36,3	47,0	41,9
Компьютер планшетный	47,5	34,0	37,1	29,4	22,5	31,5	40,4	39,1
Интернет	76,0	56,5	24,4	22,3	21,8	29,7	53,9	48,1
Легковой автомобиль	47,6	50,9	9,0	8,0	50,0	54,3	40,0	35,3

В сфере потребления, как и в сфере обеспечения коммунальными услугами, сельские домохозяйства замещают менее доступные блага их более доступными эквивалентами. Об этом свидетельствует, в частности, широкое распространение в сельской местности спутниковых антенн. В то же время почти по всем рассматриваемым потребительским благам сельские домохозяйства испытывают пониженную по сравнению с городскими возможность их приобретения, обусловленную финансовыми трудностями. Так, 15% сельских домохозяйств не могут приобрести спутниковые антенны по финансовым причинам (38,3% от 38,2% не об-

ладающих благом; городских – 12,5%). Не могут позволить себе покупку компьютера какого-либо вида 18-21% сельских домохозяйств (против 9-12% городских), при этом охват сельского населения компьютерами разных видов заметно ниже, чем в городе, и не покрывает его потребностей.

В то же время существуют потребительские товары, которые стали общедоступными и имеются практически во всех домохозяйствах, как городских, так и сельских: телевизоры и мобильные телефоны. По материалам обследования бюджетов домашних хозяйств по итогам 2020 года другие потребительские товары такого рода – холодильник, стиральная машина, электропылесос [ОБДХ-2020]. Некоторые товары – видеомэгафоны, магнитофоны, радиоприемники, музыкальные центры, стационарные телефоны, стационарные компьютеры и др. – устаревают, и их использование в домохозяйствах снижается как в городе, так и в селе.

Тем не менее, качество многих рассматриваемых дорогостоящих товаров, используемых сельскими домохозяйствами, ниже, а обновляемость реже, чем в городе, что также связано с низкими финансовыми возможностями, а не с отсутствием доступа к товару. Характерен пример с автомобилями: 41% имеющихся у сельских жителей автомобилей и 53% у горожан были куплены после 2010 г.; 18% сельских автомобилей старше 2000 года выпуска – против 10% городских. Таким образом, фактор занятости, обеспечивающей финансовое благополучие, является важнейшим фактором качества жизни домохозяйства (как сельского, так и городского) в части обеспечения потребления.

Отметим еще один значимый фактор качества жизни – наличие потребности в благе: насколько полным и разнообразным является распоряжение доступным и используемым благом. Среди современных, наиболее востребованных благ выделяется Интернет, предоставляющий пользователям широкий спектр услуг. Интернетом пользуются 71,4% сельских жителей старше 14 лет и 82,5% горожан старше 14 лет. Среди них используют его для работы 4% селян и 10-12% горожан, для поиска информации, покупок, финансовых операций, соответственно, 11-26% и 23-45%, для чтения новостей и самообразования – 9-34% и 20-51%, для общения – 45% и 61% [4].

Фактор физической доступности не играет сколько-нибудь заметной роли при обеспечении потребления товаров, однако, он приобретает актуальность, когда речь идет об услугах. Обеспеченность услугами, связанными с формированием индивидуальных характеристик самого человека – его здоровья, уровня образования, статуса, занятости – в селе заметно ниже, чем в городе, и эта разница устойчиво воспроизводится с течением времени. Объективная статистика более низкого потребления данных услуг сельским населением подтверждается субъективными мнениями сельских респондентов, полученных по результатам специальных исследований [9].

Так, сельские жители чаще всего не имеют возможности выбора врача-терапевта, оказывающего первичную медицинскую помощь (60,5% ответов против 37,7% у горожан), а причины их обращения за медицинской помощью на платной основе – не только низкое качество медицинских услуг, получаемых бесплатно (35% против 39,1% у горожан), но и отсутствие нужного специалиста (25,3% против 20,5% у горожан). Некоторые исследователи видят снижение качества предоставляемых услуг в переносе акцента с оказания стационарной помощи на амбулаторно-поликлиническую помощь [10].

В селе дети дошкольного возраста реже, чем в городе, посещают детский сад (57,4% против 67% ответов); основная причина – предпочтение домашнего воспитания (54% против 58,9%), следующие по значимости – состояние здоровья (9,5% против 7,3%) и отсутствие детского сада в шаговой доступности (7,9% против 2,8%). Сельские дети 3-8 лет реже посещают дошкольные образовательные организации для развития своих способностей (26,8% против 47,9%). Из числа тех сельских респондентов, кто хотел бы водить своих детей в эти организации, 55,2% отметили отсутствие возможности (против 32,2% горожан), и в качестве основной причины 65,9% из них назвали отсутствие организации по месту жительства (против 10,4% горожан). Похожие данные приводятся по школьникам, желающим, но не имеющим возможности получать дополнительные образовательные услуги из-за отсутствия предложения данных услуг в шаговой доступности (49% против 10,8%); финансовые причины

называли реже (19,6% против 28,3%). Таким образом, для потребления услуг образования и здравоохранения сельским населением фактор физической доступности становится определяющим.

Как результат более низких возможностей в сфере здравоохранения – более низкие самооценки состояния здоровья сельского населения по сравнению с городским. Они сдвинуты влево по шкале роста удовлетворенности: 52,8% сельских жителей и 58,4% горожан считают свое здоровье «очень хорошим» и «хорошим», а 8,4% и 7,5% – «плохим» и «очень плохим». При этом наибольшие расхождения в самооценках демонстрирует население трудоспособного возраста, высокая удовлетворенность здоровьем которого в селе составляет 66,2% против 72,1% в городе (и низкая – 2,8% против 1,8%). Различия между сельской и городской молодежью и между представителями старшего поколения (пенсионерами по возрасту) не столь значительны – 91,2% против 92,4% (и 1,4% против 0,2%) у молодежи и 15,2% против 16,2% (и 19,9% против 21,2%) у старшего поколения [11]. Приведенные данные отражают повышенную уязвимость положения трудоспособного населения в селе не только в сфере финансового благополучия, но и в сфере здоровья. На трудоспособных ложится повышенная ответственность в обеспечении потребностей своих семей, и для них вопросы занятости выходят на первый план. Проблемы, связанные с нахождением работы, наиболее актуальны в сельской местности, что понижает стрессоустойчивость трудоспособного сельского населения и отражается на его восприятии собственного здоровья.

Согласно обследованию [9], примерно одинаковые доли сельского и городского населения трудоспособного возраста заняты поиском работы – 10,5% против 10,4%. Однако причины поиска ими работы различаются: 53% сельчан и только 38% горожан трудоспособного возраста, ищущих работу, уже имели ее, а 31% и 43% уже имели работу, но хотели бы ее сменить. Аналогичны показатели по сельской и городской молодежи 16-29 лет. Безработица среди молодежи выше и в городе, и в селе, при этом городская молодежь чаще, чем сельская, занята поиском работы (16,8% против 13,4%). Основной причиной поиска работы является ее отсутствие (47% в городе и 76% в селе), второй по значимости причиной – желание ее сменить (40% и 16%). Соискатели работы трудоспособного возраста в сельской местности реже отказываются от предложений (6,6% против 8,7% в городе), реже причинами их отказа становятся «работа не по специальности» (12,4% против 20,1%), «характер работы» (16,6% против 18,6%) и условия труда (22,1% против 23,1%), и чаще – «низкая зарплата» (58,4% против 56,6%) и «отдаленность от дома» (24,1% против 23%). Приведенные данные косвенно подтверждают более высокий уровень безработицы сельского населения и его более высокую уязвимость в сфере занятости.

Заключение.

Качество жизни является сложным многомерным признаком, не сводимым к доходам и потребительским возможностям домохозяйств. Для его системного анализа необходимо учитывать экологическое и социально-экономическое состояние среды обитания, доступность благ и потребность в них. Наряду с объективными факторами необходимо также учитывать факторы субъективного восприятия различных аспектов качества жизни. К числу факторов, определяющих качество жизни сельского населения, относятся: более низкие, чем в городе, доходы, наличие просторного жилья с земельным участком и приусадебным хозяйством, возможность самообеспечения продовольствием и экономии на его покупке, ограниченный финансовый и физический доступ к благам, заниженная потребность в отдельных, как правило, инновационных, благах, более низкая по сравнению с городом оценка собственных возможностей в различных сферах трудовой, хозяйственной, досуговой и потребительской деятельности.

Список источников

1. Лига М.Б., Щеткина И.А. Современные социологические концепции качества жизни // Вестник Читинского государственного университета. 2012. №6 (85). С. 55-63.
2. Кислицына О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. – М.: Ин-т экономики, 2016.

3. Фахрутдинова Е.В. Новая парадигма качества жизни населения РФ: теоретический аспект // *Экономические науки*. 2016. №12 (145). С. 30-33.
4. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам: Комплексное наблюдение условий жизни населения.- URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect.
5. Шабанов В.Л. Некоторые характеристики уровня жизни сельского населения России (по материалам «комплексного наблюдения условий жизни населения» Росстата) // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. 2018. № 1.
6. Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ-2020). - URL: <https://obdx.gks.ru>.
7. Лушникова О.Л. Личное подсобное хозяйство как источник дохода // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2021. № 3 (42). С.116-124.
8. Югов Е.А. Нестандартная занятость трудовых ресурсов в сельской местности: масштаб, причины, последствия // *Вестник НГИЭИ*. 2022. № 2 (129). С. 86–100.
9. Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения (КДУ-2021). - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html.
10. Лушникова О.Л. Проблема сохранения здоровья сельского населения Хакасии: объективные и субъективные факторы // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. Т. 16. № 2. С. 90-99.
11. Выборочное наблюдения состояние здоровья населения (СЗН-2021). - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html

References

1. League M.B., Shchetkina I.A. Modern sociological concepts of quality of life. *Bulletin of the Chita State University*. 2012;6 (85): 55-63. (In Russ)
2. Kislitsyna O.A. Measuring the quality of life / well-being: international experience. - M.: Institute of Economics, 2016. (In Russ)
3. Fakhrutdinova E.V. A new paradigm of the quality of life of the population of the Russian Federation: a theoretical aspect. *Economic sciences*. 2016;12(145): 30-33. (In Russ)
4. Federal statistical observations on socio-demographic problems: Comprehensive monitoring of the living conditions of the population. - URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect.
5. Shabanov V.L. Some characteristics of the standard of living of the rural population of Russia (based on the materials of the "comprehensive observation of the living conditions of the population" of Rosstat). *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2018;(1). (In Russ)
6. Sample survey of household budgets (ОБН-2020). - URL: <https://obdx.gks.ru>.
7. Lushnikova O.L. Personal subsidiary farm as a source of income. *Vectors of welfare: economy and society*. 2021; 3(42):116-124. (In Russ)
8. Yugov E.A. Non-standard employment of labor resources in rural areas: mass, causes, consequences. *Bulletin of NGIEI*. 2022; 2(129): 86-100. (In Russ)
9. Selective monitoring of the quality and accessibility of services in the fields of education, health and social services, employment promotion (KDU-2021). - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2021/index.html.
10. Lushnikova O.L. The problem of preserving the health of the rural population of Khakassia: objective and subjective factors. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2020;16(2): 90-99. (In Russ)
11. Selective observations of the health status of the population (NWN-2021). - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/zdor21/PublishSite_2021/index.html

Информация об авторе

В.Л. Шабанов – доктор социологических наук

Information about the author

V.L. Shabanov – Doctor of Sociological Sciences.

*Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 28.03.2022;
принята к публикации 15.04.2022.*

*The article was submitted 23.03.2022; approved after reviewing 28.03.2022;
accepted for publication 15.04.2022.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 110-117.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2022;(1): 110-117.

Научная статья
УДК 316.4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ УЯЗВИМОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ МАЛЫХ КФХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Ирина Владимировна Нечаева

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

Аннотация. На основе ряда теоретико-методологических концептов охарактеризованы социальные тренды, разворачивающиеся в социумах в пандемический период. Определены сферы социальной уязвимости и основные виды адаптивных переходов КФХ к обретению социальной устойчивости. Установлены основные параметры уязвимости малых КФХ, связанные с влиянием физических, психологических, социальных и экономических угроз. На основе использования концептов социальной устойчивости выявлены наиболее распространенные виды адаптивных стратегий, заключающиеся в первичности вектора экономического самосохранения и усеченности жизнедеятельности представителей малых КФХ. Обоснована ограниченность вариантов адаптивных переходов малых КФХ к социальной устойчивости. Выявлены возможности использования инновационных адаптационных моделей.

Ключевые слова: сельский социум, малое КФХ, пандемический период, социальные процессы, сферы уязвимости, специфика, виды адаптационных стратегий.

Для цитирования: Нечаева И.А. Теоретические аспекты изучения уязвимости и социальной устойчивости малых КФХ в период пандемии // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 1. С. 110-117.

Original article

THEORETICAL ASPECTS OF STUDYING VULNERABILITY AND SOCIAL SUSTAINABILITY OF SMALL FARM HOUSEHOLDS DURING THE PANDEMIC

Irina V. Nechaeva

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

Abstract. Based on a number of theoretical and methodological concepts, the social trends in societies during the pandemic are characterized. The spheres of social vulnerability and the main types of adaptive transitions of farm households to gaining social sustainability are identified. The main parameters of the vulnerability of small farm households associated with the impact of physical, psychological, social and economic threats have been established. Based on the use of the concepts of social sustainability, the most common types of adaptive strategies have been identified, which consist in the primacy of the vector of economic self-preservation and the truncated life of representatives of small farm households. The limitedness of options for adaptive transitions of

small farm households to social sustainability is substantiated. The possibilities of using innovative adaptation models are revealed.

Key words: rural society, small farm households, pandemic period, social processes, areas of vulnerability, specifics, types of adaptation strategies.

For citation: Nechaeva I.A. Theoretical aspects of studying the vulnerability and social sustainability of small farm households during the pandemic // *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2022; (1): 110-117.

Введение.

Сохранение тренда к устойчивому развитию сельских территорий ставит перед научным сообществом вопрос о приоритетах, стратегиях и социальных силах, которые могут быть задействованы в данном процессе в условиях продолжающейся пандемии. Государственные усилия, направленные на оживление сельской экономики, повышение качества и уровня жизни сельчан, не принесли значимых положительных результатов. Поэтому в дополнение к предпринимаемым усилиям необходимо сконцентрироваться на возможностях активизации внутренних социальных ресурсов села - точках роста сельской экономики и упрочения социальных позиций сельчан, что достижимо лишь через инициативную деятельность субъектов по самостоятельному конструированию собственного жизненного пространства. Данная деятельность преимущественно развивается в рамках малых организационно-правовых форм хозяйствования (малых КФХ), служащих проводниками оживления социально-экономического пространства села.

Функционирование малых КФХ было бы невозможно без опоры на собственные социальные ресурсы, которыми в той или иной степени обладает каждый инициативный субъект [1]. Социологический подход позволил рассматривать их в качестве особой целостности, состоящей из взаимосвязанных между собой социальных элементов, ведущим из которых выступает актор, движимый мотивационно-целевыми импульсами. Именно он активизирует комплекс социоресурсных элементов и определяет общую стратегическую направленность своей деятельности. Подобное теоретическое понимание, основанное на системном и социокультурном подходах, позволило выделить в социальных ресурсах качество интегративности – взаимосвязи составляющих его элементов [2]. Оно означает, что усиление либо ослабление какого-либо ресурсного элемента влияет на устойчивость и функционирование всей конструкции социальных ресурсов. Последний постулат становится особенно важен в контексте сохранения устойчивости функционирования хозяйств при наступлении кризисных событий в пространстве внешнего окружения.

Современную ситуацию продолжающейся пандемии COVID-19 следует рассматривать как обширное кризисное явление, обладающее значительным потенциалом разрушения различных сфер жизнедеятельности людей. При этом село и действующие в нем малые КФХ находятся под воздействием двойного прессинга, когда застарелые проблемы села суммируются с угрозами жизни, здоровью и экономической деятельности субъектов. В связи с этим актуальность исследования определяется необходимостью изучения уязвимости и социальной устойчивости малых форм хозяйствования в условиях пандемического кризиса.

Цель исследования состоит в теоретико-методологическом обосновании основных сфер уязвимости и восстановления устойчивости малых КФХ в условиях пандемии.

В качестве **основных методов исследования** использовались вторичный анализ данных, сравнительный анализ, синтез, качественные методы исследования.

Результаты исследования.

Анализ изменений в функционировании социальных систем при воздействии пандемической угрозы, основанный на системной и социокультурной методологии, позволил установить, что социальный аспект воздействий пандемии выражается в росте социальной дезинтеграции и уязвимости системы и составляющих ее элементов. Эпидемиологические явления разрушают баланс между сферами жизнедеятельности людей, ведут к социальной напряженности и появлению новых вызовов для больших групп населения. Разрушение былых соотношений создает мощный общественный запрос на упорядочение и восстановление алго-

ритмов жизненного пространства, что актуализует аспекты управляемости социальной системой [3]. Однако, как показывают социологические наблюдения, масштабы воздействия управленческого фактора имеют ограниченный характер, что видно при сравнительном анализе социальной ситуации в столичных мегаполисах, где сосредоточен административный, материальный и научный ресурсы, и локальных системах региональных и сельских поселений. И чем больше отдален регион или сельский населенный пункт от управляющего центра, тем больше социальное реагирование на пандемическую угрозу приобретает естественно-спонтанный характер. Поэтому в сельских сообществах в данных условиях население может рассчитывать только на собственные возможности и ресурсы для того, чтобы выстоять в пандемийном кризисе. Такая ситуация оторванности от «большой земли» заставляет задействовать социальные инструменты восстановления утраченного баланса – здравый смысл, рационально ориентированные усилия людей, которые способны упорядочить ряд напряженных моментов жизнедеятельности.

Методологическое форматирование теорий уязвимости и восстановления устойчивости позволило рассмотреть основные моменты функционирования малых КФХ в условиях пандемического кризиса COVID-19 для определения факторов и социальных ареалов их уязвимости. Понятие «уязвимость» является относительно новым, вошедшим в научный дискурс с конца прошлого века. Его появление обусловлено необходимостью развития исследований, связанных с изучением социального реагирования систем на проявление деструктивных событий – учащение катастроф различного происхождения, а также последствий данных столкновений. Его обобщенная трактовка обозначает потенциальный (реальный) физический и социальный вред, причиняемый системам (субъектам) различными катастрофическими явлениями [4]. Социологическая плоскость данного термина обозначает нарастание структурной дисфункциональности систем и их элементов в ответ на потенциальную либо реальную угрозу.

В рамках данной теории формируется научное представление о том, как и по каким социальным каналам стихийная пандемическая угроза может перерасти в социальную катастрофу. В связи с этим уязвимость малых КФХ возможно рассматривать как негативно-разрушительное влияние опасной эпидемиологической ситуации, угрожающей жизни (здоровью) ее представителей, устоявшимся процессам функционирования и жизнедеятельности хозяйств. Проведенный анализ позволил установить наиболее распространенные (универсальные) социально-экономические сферы и параметры уязвимости малых КФХ (табл. 1).

Таблица 1 -Характеристика уязвимости сфер жизнедеятельности сельских сообществ и представителей малых КФХ при пандемических угрозах

Риски, угрозы	Характеристика уязвимостей
Локальный уровень сельских сообществ	
Сельские сообщества	- уменьшение количества фермеров (фермерских хозяйств); - усиление социальной дезинтеграции и расширение социально уязвимых групп; - рост социального неравенства; - уменьшение фермерского участия в социальной помощи селу; - сглаженный характер негативных пандемийных воздействий, связанный с угрозой отложенного риска - наступлением негативных событий с временным лагом запаздывания.
Уровень субъектов – представителей малых КФХ	
Физические риски	Смерти, ущерб здоровью представителей малых КФХ и их семей
Психологические риски	Рост тревожности и психологических опасений, связанных со страхом за здоровье и неопределенность будущего, стрессы.
Экономические риски	Прерывание цепочек сбыта продукции, рост издержек производства, трудности с выполнением долговых обязательств, потери дохода и сельскохозяйственной продукции. Малодоступность заемных средств. Прекращение деятельности либо усеченное функционирование хозяйств.
Социальные риски	Уменьшение числа фермерских хозяйств - числа действующих фермеров; рост социальной неуверенности и социального неравенства, отказ от перспективных планов семей. Снижение уровня потребления и социального комфорта.
Административно-бюрократические риски	Противоречивость, временная затянутость, малодоступность алгоритмов деятельности и взаимодействий с необходимыми малому КФХ контрагентами.

Концепция восстановления устойчивости является логическим продолжением нейтрализации ситуаций уязвимости, т.к. связана с поиском выхода систем из состояний кризиса,

социальных опасностей на траекторию их преодоления и обретения прежних либо новых социальных оснований устойчивости [5]. Важным теоретическим аспектом здесь является понимание того, что различные группы людей одинаково подвергаются пандемической угрозе, но она имеет разную степень влияния, т.к. индивиды и хозяйствующие субъекты имеют разные социальные возможности и способности противостоять ей. Социальные же аспекты противостояния катастрофическому влиянию выражаются в совокупности характеристик и возможностей социальной группы справиться и восстанавливаться после наступления негативных событий. Данное направление включает в себя выбор стратегических моделей адаптивного поведения хозяйствующих субъектов, комбинацию условий и факторов, которые дают возможность адаптироваться к жизненным изменениям в период пандемической угрозы.

Анализ ряда адаптивных стратегий, используемых малыми предприятиями [6], позволил выявить несколько наиболее распространенных видов адаптивных стратегий по преодолению пандемических угроз (табл. 2).

Таблица 2 - Виды адаптивных стратегий малых КФХ

Стратегии	Способы адаптаций
Закрытие	полностью
	частично (усеченный режим)
Усеченное функционирование	Позиция выжидательности, совмещенная с усеченным режимом функционирования
Продолжение деятельности	Продолжение деятельности без изменений либо с минимальными изменениями
Видоизменение деятельности	Частичный перенос работы в режим онлайн
	Новые ниши и сферы деятельности
	Экономическая интеграция /кооперация

Отметим, что вектор выравнивания социальных траекторий и выхода из кризисного состояния малых КФХ в основном построен с опорой на внутренние ресурсы и инициативные возможности субъектов. Лишь немногие КФХ в пандемийном противостоянии смогли использовать государственную поддержку. В 2020 г. 8,2% фермеров получили субсидии; льготные кредиты достались лишь 4% КФХ [7]. Из интервью эксперта: «Фермеры у нас неоднородные, и поддержку получают самые крупные из них. Есть фермеры классические – семейные, есть фермеры укрупненные, в которых семья главенствующая, но еще есть несколько наемных работников, но есть где-то 5 тысяч очень больших фермеров. В силу того, что государство любит крупных, ...все достается «крупняку». А весь массив фермеров (80-90% от всех) – у них нет вообще никакого общения с государством...» [7].

Анализ, проведенный на основе концепции восстановления устойчивости, связанной с собственной силой КФХ по отражению пандемической угрозы, показал, что не все хозяйства смогли справиться с пиком кризисных явлений и продолжить полноценную экономическую деятельность. По данным сельскохозяйственной микропереписи 2021 г. за период 2016-2021 гг. численность зарегистрированных КФХ сократилось на 51,6 тыс. единиц – с 174,8 тыс. до 123,2 тыс. хозяйств (на 29,5%) [8]. При этом нельзя предполагать, что они перетекают в категорию хозяйств населения, т.к. анализ статистики (табл. 3) показывает неуклонное снижение доли продукции, произведенной в хозяйствах населения (с 48% в 2010 г. до 26,6% в 2020 г.), а также значимое сокращение посевных площадей в данной категории хозяйств – с 3137 тыс. га (2010 г.) до 2266 тыс. га (2020 г.) [9, 10].

Таблица 3 - Доля продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (%)

Год	КФХ и ИП сельскохозяйственного профиля	Хозяйства населения	Сельскохозяйственные организации
1990	-	26,3	73,7
1995	1,9	47,9	50,2
2000	3,2	51,6	45,2
2005	6,1	49,3	44,6
2010	7,2	48,3	44,5
2016	12,5	34,7	52,8
2020	14,9	26,6	58,5

Источник: данные Росстата РФ за период 1990-2020 гг.

Сбои в функционировании социальных систем неизбежно активируют векторы самоорганизации и самозащиты в сельских сообществах. Традиционной защитной реакцией социальных групп является «консервация» своего положения в социальном пространстве, ограничение контактов с окружением, переход на более низкий уровень жизнедеятельности семей, иных малых социальных групп. На наш взгляд, большинство малых фермеров придерживаются выжидательных адаптивных позиций в соответствии со спецификой производственного и жизненного стилей, сельского образа жизни представителей данной группы микроорганизаций. Основные аспекты выжидательных адаптаций – это продуктивное самообеспечение, сокращение потребностей и потребления, отказ от перспективных планов. Наиболее актуальным в данной ситуации является изыскание самостоятельных ресурсных возможностей продолжения экономической деятельности [11]. Ей в полной мере отвечает способность социальной группы представителей малых КФХ самостоятельно противостоять вызовам эпидемиологической угрозы. Функционирование малых фермерских хозяйств, основанное на непрерывности производственных циклов, обеспечивает им возможность работать, когда другие такой возможности не имеют. Социальная же специфика данных форм хозяйствования объединяет факторы достаточной изоляции, сплоченности семейных групп, индивидуализации деятельности, дающей возможность минимизировать контакты с внешним окружением. Хотя их активная экономическая деятельность осуществляется пунктирно, но социальная гибкость позволяет представителям данных форм хозяйствования с наименьшими потерями преодолеть современный сложный период, позволяя перейти, как в режим простого физического выживания, сохранив свои жизни и социальный потенциал, так и продолжать активный поиск иных ниш реализации своей продукции. Наличие специфических возможностей делает положение большинства представителей малых КФХ более надежным по сравнению с городскими жителями. Эксперты ФАО подтверждают существование близких трендов социального маневрирования малых сельскохозяйственных форм по противостоянию пандемии. Вектор их социального движения в основном направлен на сокращение объемов хозяйственной деятельности и избегания дополнительных рисков [12].

Специфика адаптационных стратегий, присущих малым формам хозяйствования, состоит и в том, что в селах невозможно быстро и просто отказаться от «неликвидных активов», продать (ликвидировать) свое хозяйство и перейти к другим формам и сферам предпринимательской деятельности. В селах физически отсутствует диапазон активных стратегических маневров в рамках данной стратегии, а вопросы ликвидности и перспективности хозяйств решаются в иной плоскости. Поэтому многие малые КФХ находятся в выжидательной позиции, ожидая признаков, свидетельствующих об общей стабилизации социальной ситуации. У малых КФХ существует свое неоспоримое преимущество, помогающее сохранить им свой социоресурсный потенциал, которое состоит в производстве качественных продуктов питания, необходимых людям. Для большинства малых форм хозяйствования основной доступной стратегией продолжает оставаться выездная торговля, т.к. в условиях пандемии люди хотят покупать качественные фермерские продукты рядом с местом своего проживания. И организаторские усилия здесь должны быть сконцентрированы на мерах по расширению доступности для фермеров локальных региональных рынков («точек») сбыта продукции [13].

Слаборазвитыми адаптационными стратегиями являются интеграционные взаимодействия фермерских и личных подсобных хозяйств; фермерских хозяйств и более крупных сельскохозяйственных организаций (агрохолдингов). Существует не так много примеров таких адаптационных стратегий, в частности, сотрудничество АО «Белая дача» и ряда фермерских хозяйств, когда небольшие фермерские хозяйства в большей степени защищены от потрясений, т.к. имеют гарантированный сбыт своей продукции [14].

Адаптационная стратегия на основе использования онлайн-торговли еще не достаточно распространена и трудна для освоения для многих представителей малых форм хозяйствования, особенно тех, что находятся вдали от крупных городских агломераций – возможных рынков сбыта своей продукции. Возрастной состав представителей малых КФХ практически на 50% и более состоит из «возрастных» фермеров, которые мало знакомы с современными видами интернет-торговли. Однако ряд хозяйств с инициативным поиском альтернативного

сбыта смогли использовать возможности онлайн-торговли, которая по мнению экспертов составляет 10-15% от общего объема реализации фермерской продукции [15]. Пандемия взращивает новый вид потребительского поведения – культуру потребления онлайн. Наиболее «продвинутые» фермеры уже реализуют свою продукцию как самостоятельно, так и через интернет-агрегаторы (интернет-магазины, площадки). Сфера интернет-торговли фермерскими продуктами неуклонно расширяется. Известные агрегаторы Wildberries, Ozon отмечают существенное увеличение интереса фермеров к данному виду продаж. Однако развитие данного направления требует наличия ряда серьезных предпосылок для его освоения – крупный ареал потребления, развитую сеть Интернета, наличие необходимого оборудования, специальных кадров, освоения и затрат на логистику, упаковку, доставку и др.

По мнению экспертов эпицентр пандемийного кризиса смогли преодолеть сильные фермерские хозяйства, которые в основу своей стратегии положили контроль, знание ситуации и экономическую активность. При сокращении общего числа КФХ на 29,5% средний размер земельного участка оставшихся на плаву хозяйств увеличился вдвое, а рост доли произведенной сельскохозяйственной продукции возрос с 12,5 до 15% (табл. 3) [8, 10]. Экономический взгляд на данные показатели не показывает критичности ситуации, демонстрирует рост производимой продукции и укрупнение фермерского сектора, однако, увеличение доли крупных сельскохозяйственных предприятий может привести к монополизации аграрного производства. С социальных же позиций – значительное уменьшение малых КФХ станет существенным дестабилизирующим фактором в социальной жизни деревни, который в еще большей степени законсервирует имеющиеся проблемы. Подчас небольшие фермерские хозяйства, пусть даже экономически убыточные, слабо «держась на плаву», в той или иной степени осуществляют социальный контроль территории, являются организаторами социальной жизни, концентрируя вокруг себя определенный социальный потенциал и беря на себя ряд партнерских функций. Их уход с социальной арены будет означать и уменьшение инициативного слоя сельского населения, без которого невозможно наладить и оптимизировать социальные процессы на сельских территориях.

Заключение.

Необходимость изучения проблем и перспектив функционирования малых форм хозяйствования в условиях пандемического кризиса определялось задачами поиска и определения приоритетов и социальных моделей, способствующих их устойчивому функционированию. Проведенное исследование позволило установить основные сферы уязвимости сельских локальных социумов и малых КФХ, провести начальную систематизацию ряда адаптивных стратегий, которые используются малыми КФХ для выхода (вывода) систем из ареала социальных опасностей на траекторию их преодоления. Установлено, что основные постулаты концепции «мягкой устойчивости» наиболее полно отвечают исследовательскому запросу нейтрализации угроз малыми КФХ и приспособлению к ситуации пандемии.

Анализ социальной динамики жизнедеятельности малых КФХ в современный период показал существенную степень уязвимости КФХ, первичность стратегий экономического и социального самосохранения, а также слабую способность самостоятельного противостояния пандемийным угрозам. Анализ ситуации свидетельствует о распространении выжидательных (консервативных) стратегий при минимальном уровне господдержки, ограниченность вариантов адаптивных переходов к большей социальной устойчивости малых КФХ, а также минимальное использование инновационных адаптационных моделей.

Список источников

1. Нечаева И.В. Методологические подходы к исследованию формирования и трансформации социальных ресурсов аграриев конструктивной ориентации // Региональные агро-системы: экономика и социология. 2020. № 1. С. 146-154.
2. Социология. Основы общей теории. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев и др. М.: Аспект-пресс, 1996. С. 119-120.

3. Семенов С.Н., Бочарова Е.В. Развитие функционально-структурного метода в системе управления социальным потенциалом АПК // Научное обозрение: теория и практика. 2016. № 2. С. 107-116.
4. Франкенбергер Т.Р., М. Дринкуотер и др. Оперативное обеспечение жизнеобеспечения домашних хозяйств: целостный подход к решению проблемы нищеты и уязвимости. Форум по практическому применению подходов к устойчивому жизнеобеспечению. Понтиньяно (Сиена), ФАО. 2020. – URL: https://studme.org/192210/sotsiologiya/sotsialnye_yazvimosti_priroda_dinamika_sotsiologicheskie_podhody_analiz/
5. Moench, M. Adapting to climate change and the risks associated with other natural hazards: Methods for moving from concepts to action. In *The Earthscan reader on adaptation to climate change*. 2009; 249–280.
6. Пандемия меняет способы адаптации компаний к новым условиям. - URL: <https://covid19.fom.ru/post/pandemiya-menyayet-sposoby-adaptacii-kompanij-k-novym-usloviyam-chast-1>
7. Фермеры России: битва за урожай и выживание. - URL: <https://newizv.ru/article/tilda/11-05-2021/fermery-v-rossii-bitvy-za-urozhay-i-vyzhivanie-v-rynke>
8. Сельскохозяйственная микроперепись – 2021.- URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/75792>
9. Шагайда Н.И., Узун В.Я. Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России / Аналитический доклад. М: РАНХиГС.- URL: <https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/Report-Agricultural-Sector-November-2017-Web.pdf>
10. Сельское хозяйство России, 2021. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226>
11. Великий П.П., Бочарова Е.В. Динамика формирования многоканальности источников выживания сельской семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 1. С. 30-37.
12. Что больше всего беспокоит фермеров во время пандемии COVID-19. - URL: <https://www.agroxxi.ru/stati/chto-bolshe-vsego-bespokoit-fermerov-vo-vremja-pandemii-covid-19.html>
13. Петриков А.В. Адаптация агропродовольственного сектора к постпандемической реальности / Аналитические материалы МАЭФ- 2020. С. 99-104;
14. Роль фермеров в социальном развитии села – основополагающая. - URL: <https://www.agroxxi.ru/rossiiskie-agronovosti/rol-fermerov-v-socialnom-razvitii-sela-osnovopolagayuschaja.html>
15. Минсельхоз России и Ozon развивают современные каналы сбыта фермерской продукции. - URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/minselkhoz-rossii-i-ozon-razvivayut-sovremennye-kanaly-sbyta-fermerskoj-produktsii/>.

References

1. Nechaeva I.V. Methodological approaches to the study of the formation and transformation of social resources of farmers of constructive orientation. *Regional agro-systems: economics and sociology*. 2020; (1): 146-154. (In Russ)
2. Sociology. Fundamentals of general theory. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev, et al. M.: Aspect-press. 1996: 119-120. (In Russ)
3. Semenov S.N., Bocharova E.V. Development of a functional-structural method in the management system of the social potential of the agro-industrial complex. *Scientific review: theory and practice*. 2016; (2):107-116. (In Russ)
4. Frankenberger T.R., M. Drinkwater et al. Operational life support for households: a holistic approach to addressing poverty and vulnerability. *A forum on the practical application of approaches to sustainable life support*. 2020. - URL: https://studme.org/192210/sotsiologiya/sotsialnye_yazvimosti_priroda_dinamika_sotsiologicheskie_podhody_analiz/
5. Moench M. Adapting to climate change and the risks associated with other natural hazards: Methods for moving from concepts to action. In *The Earthscan reader on adaptation to climate change*. 2009; 249–280.

6. The pandemic is changing the way companies adapt to new conditions. - URL: <https://covid19.fom.ru/post/pandemiya-menyaet-sposoby-adaptacii-kompanij-k-novym-usloviyam-chast-1>
7. Farmers of Russia: the battle for harvest and survival. - URL: <https://newizv.ru/article/tilda/11-05-2021/fermery-v-rossii-bitvy-za-urozhay-i-vyzhivanie-v-rynke>
8. Agricultural micro-inscription - 2021.- URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/75792>
9. Shagaida N.I., Uzun V.Ya. Development trends and main challenges of the agricultural sector of Russia.- URL: <https://strategy.csr.ru/us-er/pages/research/Report-Agricultural-Sector-November-2017-Web.pdf>
10. Agriculture of Russia, 2021. - URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226>
11. Velikiy P.P., Bocharova E.V. Dynamics of formation of multichannel sources of rural family survival. *Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science.* 2014; 14(1): 30-37. (In Russ)
12. What most worries farmers during the COVID-19 pandemic. - URL: <https://www.agroxxi.ru/stati/cto-bolshe-vsego-bespokoit-fermerov-vo-vremja-pandemii-covid-19.html>
13. Petrikov A.V. Adaptation of the agro-food sector to the post-pandemic reality. *Analytical materials of MAEF.* 2020. pp. 99-104. (In Russ)
14. The role of farmers in the social development of the village is fundamental. - URL: <https://www.agroxxi.ru/rossiiskie-agronovosti/rol-fermerov-v-socialnom-razvitii-sela-osnovo-polagayuschaja.html>
15. The Ministry of Agriculture of Russia and Ozon are developing modern marketing channels for farm products. - URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/minselkhoz-rossii-i-ozon-razvivayut-sovremennye-kanaly-sbyta-fermerskoy-produktsii/>.

Информация об авторе

И.В. Нечаева – кандидат социологических наук.

Information about the author

I.V. Nechaeva – Candidate of Sociological Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 18.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 02.03.2022; approved after reviewing 18.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.